

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Медеубаева Ж.М.	Внешняя политика Республики Казахстан: от теории к практике	5
Абен Д.А.	О новых подходах к ядерной безопасности	18
Бурханов К.Н.	Уроки китайских реформ социально-политической системы — достояние человечества	26

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Касымова Д.Б.	Этническая миграция в Казахстане: концепции и исследовательское поле современной историографии	32
Ахмедьярова М.В.	Продолжительность жизни и факторы, ее определяющие	47

ЭКОНОМИКА

Додонов В.Ю.	Современное состояние государственного долга развитых стран: анализ основных качественных показателей	63
Мухамеджанова Д.Ш.	Казахстан и экономические перспективы тюркской интеграции	78

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Салиев А.Л.	Зарубежные исследователи об обычном праве и судопроизводстве кыргызов (XIX — начало XX в.)	98
--------------------	--	----

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т.	Mapping Central Asia. Indian Perceptions and Strategies / Eds. by M. Laruelle and S. Peyrouse; Religion and Security in South and Central Asia / Ed. by K. Warikoo; Swanström, N. China and Greater Central Asia: New Frontiers?; Starr, S.F. (ed.). Ferghana Valley. The Heart of Central Asia	108
----------------------	---	-----

SUMMARY	116
----------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	120
----------------------------------	-----

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КИСИ
Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск А.А. Морозов
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садыкасов, Е.В. Ичнатено
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-й.
Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Содержание

INTERNATIONAL AFFAIRS AND SECURITY

Medeubayeva Zh.M.	Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan: from Theory to Practice	5
Aben D.A.	On New Approaches to Nuclear Security and Nuclear Safety	18
Burkhanov K.N.	Lessons of Social and Political Reforms in China; Global Commons	26

INTERNAL AND SOCIAL AFFAIRS

Kasimova D.B.	Ethnic Migration in Kazakhstan: Conceptual and Research Field for Contemporary Historiography	32
Akhmedyarova M.V.	Life Expectancy and its Decisive Factors	47

ECONOMY

Dodonov V.Y.	Current Public Debts of Developed Countries: Analysis of Key Quality Indicators	63
Mukhamedzhanova D.Sh.	Kazakhstan and Economic Prospects for Turkic Integration	78

THEORY AND ANALYSIS

Saliyev A.L.	Foreign Scholars on Kirghiz Customary Law and Justice (XIX — early XX c.)	98
---------------------	---	----

BOOK REVIEW

Laumulin M.T.	Mapping Central Asia. Indian Perceptions and Strategies / Eds. by M. Laruelle and S. Peyrouse; Religion and Security in South and Central Asia / Ed. by K. Warikoo; Swanström N. China and Greater Central Asia: New Frontiers?; Starr, S.F. (ed.). Ferghana Valley. The Heart of Central Asia.	108
----------------------	--	-----

SUMMARY	116
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	120
---------------------------	-----

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музапарова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Абусентова М.Х.** — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Алшанов Р.А.** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — депутат Мажилиса Парламента РК, председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Майлыбаев Б.А.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор юридических наук
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шаукенова З.К.** — директор Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК

**Казахстан
Спектр**
2012/2

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication A.A. Morozov
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout: A.K. Sadvakasov, Y.V. Ignatenko
Address: 87th Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 264-34-04. Fax (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK
on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of IE "Volkova Ye.V." Almaty. Copies 500.

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS) under President of RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under President of RK, Candidate of Economics
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at Ministry of Education and Science of RK, Doctor of History, Professor
- Alshanov R.A.** — President of 'Turan' Educational Corporation, President of Higher Educational Institutions Association of RK, Doctor of Economics, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy of Majilis of Parliament of Kazakhstan, Chairman of Foreign Affairs, Defence and Security Committee, Candidate of Political Science
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Department, Kazakh-German University, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Professor of Department of International Relations and Foreign Policy of RK, Al-Farabi Kazakh National University Doctor of History
- Laumulin M.T.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Mailybaev B.A.** — Deputy Head of Administration of President of RK, Doctor of Law (LLD)
- Syroyezhkin K.L.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Tazhin M.M.** — Aide to President, Secretary of National Security Council, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shaukenova Z.K.** — Director of Institute of Philosophy, Political and Religious Studies, Ministry of Education and Science of RK, Committee for Scientific Affairs, Doctor of Social Science, Professor, Corresponding Member of National Academy of Sciences

Внешняя политика Республики Казахстан: от теории к практике

МЕДЕУБАЕВА Ж.М.

В XXI в. традиционные подходы к анализу внешней политики государств не потеряли научно-практического значения. Более того, события последних лет в панораме мировой политики показывают, что, несмотря на ускоренные темпы транснационализации, глобализации, по сути, в международных отношениях остаются традиционные мотивы и методы взаимоотношений, потому что пока не прекратили свое существование государства. Как известно, по прогнозам таких аналитиков, как Р. Коохейн и Дж. Най, в начале XXI в. в результате транснационализации государства должны были исчезнуть. Но в новом веке количество государств возросло, и эта тенденция пока не собирается идти на убыль. Поэтому, рассмотрение и анализ поведения государства не будут научными, полными без учета положений традиционных школ, для которых акторность на международной арене имеет центристский, ограниченный формат.

Традиционный научный анализ внешней политики государства в основном зиждется на трех парадигмах, ставших классическими: реалистической, либерально-идеалистической и марксистской. Этим каноническим парадигмам характерен рационализм, который, веря в силу разума и научного познания окружающего мира, считает возможным выявление основных закономерностей и тенденций развития международных отношений и государства как главной константы мировой политики. Их сближает и объективизм, отдающий предпочтение факторам, независящим от природы, воли и желания индивидов, в формировании и реализации внешней политики государствами. Эти три парадигмы и теории, основанные на них, традиционны в том смысле, что они следуют принципам позитивизма, присущего западной науке с самого начала. В их научном инструмен-

тарии главными являются конкретные факты, описанные и систематизированные в результате специализированного подхода и анализа (как в естественных науках). И, самое главное, их объединяет твердая вера в состоятельность теории международных отношений как науки и возможность познания, анализа и прогнозирования международных отношений, внешней политики государств.

В начале нового XXI в. имеют место тенденции возврата от «поствестфальской системы» обратно к нормам и порядкам Вестфальской системы международных отношений. То есть понятия, казавшиеся утратившими свою актуальность в 90-х гг. XX в., такие, как военная сила, баланс силы, силовое противостояние, война, после «короткого лета романтического идеализма» возвращаются вновь в международный политический дискурс. Это очевидно из поведения как великих держав, так и средних государств, которые активно наращивают военный компонент своей силы. В структуре национальной безопасности в последнее время вновь актуализировалась военная безопасность, в связи с чем многие государства пересмотрели свои военные доктрины, сменив прежнюю трактовку обеспечения безопасности в духе либерализма на реализм. В таких условиях вполне закономерна активизация политического реализма, положения которого на сегодняшний день актуальны для анализа, формирования и реализации внешней политики государства, исходя из реалий международного окружения.

Почти все школы в теории международных отношений на сегодняшний день согласны с категориальностью термина «национальные интересы», трактуемого в традициях школы политического реализма: «в основе внешней политики лежит задача реализации национальных интересов». При анализе внешней политики государства невозможно не учитывать слова основателя реализма Г. Моргентау о том, что конечной целью реализации национальных интересов являются достижения государством влияния и доминирования на арене международных отношений [1]. В мировой истории и в наше время вряд ли можно найти случай, когда какое-то государство пожертвовало своими национальными интересами в пользу мирного сосуществования или международного сотрудничества во имя всеобщего блага. Государства по своей природе и предназначению проводили и проводят глубоко индивидуалистскую, эгоистичную в отношении остального мира политику. В этом ключе сознательный, добровольный отказ государств от определенных частей своего национального суверенитета в пользу продвижения интеграционных процессов на региональном уровне трактуется не как отказ от следования нацио-

нальным интересам, наоборот, как реализация тех же интересов на другом уровне и в других условиях.

Практика последних десятилетий показывает, что международная среда, основанная на балансе сил и интересов основных ее участников, устраивает не только великие державы. Малые и, особенно, средние государства научились извлекать выгоды из существующего положения не в классической манере игры на противоречиях между крупными акторами, а принимая порядки, установленные в международной системе, и методично следуя им. Это позволило им создать вокруг себя благоприятное окружение для внутреннего развития. Следование правилам игры также способствует консервации закоренелых проблем внутри государств, дальнейшему хранению «скелетов в шкафу».

На сегодняшний день активны неоклассические реалисты, которые критикуют неореализм за его чрезмерное внимание к силовому балансированию и сохранению статус-кво в системе международных отношений. Неоклассики предлагают вернуться к принципиальным положениям политического реализма о первостепенности государства как основного источника международных процессов. С их точки зрения, необходим анализ внутреннего устройства государства, идеологии элит и стратегии лидеров для понимания сути как внешней политики государства, так и международных отношений на региональном и глобальном уровне.

Геополитические теории, считающиеся ответвлением политического реализма, на самом деле были идейно-концептуальным источником реалистских воззрений. Геополитическая парадигма, основанная на примате физических факторов в формировании внешней политики и рассматривающая международные отношения как силовые отношения, «подставила плечо» оформлению реалистских взглядов в более или менее стройную теорию.

Привязка политики, в первую очередь внешней политики государства к географическим факторам, прочно обосновалась в умах представителей и научных, и политических кругов мирового сообщества. Геополитические факторы считаются определяющей, системообразующей осью в региональных, глобальных, международных отношениях, не говоря уже о внешнеполитическом поведении отдельно взятой страны.

Многие зарубежные и российские аналитики единодушны в том, что завершение «холодной войны» обозначилось закатом геополитики. Но исчезновение полусного не сняло автоматически проблему столкновения интересов и конфликтов, уже к середине 1990-х гг. по-

явился новый виток напряженности в мире на почве не только супердержавных амбиций.

Важным фактором в международных отношениях является появление целого ряда независимых государств в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого века. Эти государства появились «на свет» в мире, где уже имели место жесткая стратификация и острое противоборство между «старыми игроками», что принуждало их принимать существующие правила игры. Они не только приняли правила игры, но переняли взгляды западного политического истеблишмента на международные отношения и внешнюю политику, основанные на постулатах политического реализма. По сути, видение мира через геополитическую призму было навязано молодым независимым государствам. Внешнеполитическое поведение этих стран полностью подчинено законам геополитики. В таких условиях сбрасывать со счетов геополитику как устаревшую модель межгосударственного взаимодействия пока еще рано. Но нужно учесть и то, что классическая геополитика со своими канонами осталась в прошлом, уступив дорогу новой геополитике, где приоритет отдается не географическим факторам, а антропогенным.

Современная геополитика озадачена антропологическими проблемами. При анализе мощи, состоятельности какой-либо страны в первую очередь обращается внимание на человеческие ресурсы. Основу человеческих ресурсов составляет численность населения, но сегодня демографический фактор теряет свою остроту. На первый план выходит качество человеческих ресурсов, таких, как здоровье, психоментальное состояние нации, процентаж образованного и квалифицированного населения. Особенно важной является способность народа к творчеству, самовыражению и созиданию во имя будущего. В XXI в. не природные и не физическое состояния территории будут определять судьбу наций и государств, а физически и духовно здоровое, состоятельное население, помнящее прошлое и творящее для настоящего и будущего.

Геополитика как парадигма восприятия окружающей реальности восходит своими корнями к тем моделям мироустройства, которые существовали с середины XVII в. В ее основе лежит государственно-центричный подход, делающий ставку только на государства, причем на могущественные державы. По сути, классическая геополитика обслуживала торгово-экономические, политические интересы великих держав. Также ей характерен европоцентризм, для которого мир за территорией Европы (западного мира) является источником дешевых природных и человеческих ресурсов. Поэтому «безобидное

увлечение» конструированием политики в традициях классической геополитики чревато, особенно, для маломощных стран попаданием в ловушку, название которой «нефтегазовый туман». Через нее лежит прямой путь к превращению в «сырьевого придатка» и «банановую страну». В Казахстане политический истеблишмент понимает последствия сырьевой направленности отечественной экономики и принимает далеко идущие меры по выправлению ситуации. Курс республики на инновационное, высокотехнологичное развитие страны свидетельствует о преодолении канонической геополитики, привязывающих внутреннее развитие к природным ресурсам, географическим параметрам. В своем выступлении перед студентами Назарбаев Университета 6 декабря 2010 г. Глава государства очередной раз подчеркнул, что главным богатством нашей страны является «человеческий капитал» [2]. Такой подход к настоящему и будущему государства позволит преодолеть «минусы» геополитики и открыть перспективы развития и процветания Казахстана во благо его же народа.

Анализ таких важных сторон внешней политики Казахстана, как региональная политика, интеграционные инициативы, стремление к тесному сотрудничеству с максимальным количеством субъектов мирового сообщества предполагает обращение к теориям либерализма. Усиление роли международных институтов, расширение, углубление межгосударственных связей в эпоху глобализации, транснационализация мира говорят об актуальности теорий либерализма. Идеалистическая парадигма, лежащая в основе теорий либерализма, сопровождавшая историю международных отношений на протяжении веков, сохраняет определенное влияние на умы и в наши дни. Более того, можно сказать, что в последние годы ее влияние на некоторые аспекты теоретического анализа и прогнозирования в области международных отношений даже возросло, став основой практических шагов, предпринимаемых мировым сообществом по демократизации и гуманизации этих отношений, а также попыток формирования нового, сознательно регулируемого мирового порядка, отвечающего общим интересам всего человечества. Процессы демократизации международных отношений, рост числа участников международных отношений в лице новых независимых государств, усиление роли и влияния многосторонних институтов на мировой арене создают обширное «предметное» поле для изысканий в духе идеализма и либерализма.

В большинстве изданных на Западе учебников по международным отношениям идеализм не рассматривается как самостоятель-

ное теоретическое направление или служит фоном при анализе политического реализма и других теоретических направлений. Это объясняется тем, что либерально-идеалистический подход дал жизнь большому количеству идей и теорий, многие из которых стали самостоятельными течениями, отдаленно напоминающими свое первоначальное содержание. Теории интеграции, глобализации, взаимозависимости, транснационализма, демократического мира и т.д. появились и развивались на почве идеализма и нормативизма, порой соприкасаясь с утопизмом первых идеалистов.

Из многочисленных теорий в рамках либерал-идеализма, на наш взгляд, особый интерес представляет транснационализм, основательно потрясший место и роль государства как в интрасоциетальном, так и экстрасоциетальном аспектах. Транснационализм способствовал осознанию ряда новых явлений в международных отношениях, поэтому многие положения этого течения продолжают развиваться его сторонниками и в начале нового века. Развитие транснациональных отношений порождает множество угроз для существования государства, его внутренней и внешней политики. Различные транснациональные компании, объединения и группировки порою крайне радикального толка, не знающие преград и не признающие границы, размывают государственный суверенитет по горизонтали. Внешняя политика всех без исключения стран подвергается прямому и опосредованному влиянию транснациональных сил. Поэтому анализ внешней политики любого государства будет неполным без обстоятельного учета положений теории транснационализма.

Либеральное течение через теорию взаимозависимости, интеграции вышло на глобальный уровень, создав благодатную почву для обоснования процессов, радикально изменивших мир в последней четверти прошлого века. Теории глобализации привлекательны в том практическом плане, что без учета процесса глобализации невозможно реально оценить возможности государства как во внутренней, так и во внешней сфере. Дальнейший ход этого процесса, по мнению глобалистов, будет неумолимо идти в сторону создания унифицированной международной среды. Несмотря на острую критику этого явления антиглобалистами и другими научными, культурными сообществами, идеи глобализма уже проникли в массы через доступные средства коммуникаций и товаров, даже в самых отдаленных участках планеты. Теории глобализации требуют особого внимания еще и тем, что на их идейном, научном потенциале построен мост между миром национальных государств и мировым правительством. Как

бы пафосно, даже романтично не звучала идея создания мирового правительства, остаются открытыми такие вопросы, как цели и методы его создания, механизм централизованного управления миром, агенты и т.д. Характер международных процессов в новом веке пока не вселяет уверенности в том, что возможное мировое правительство будет поистине демократичным, гуманным в своей политике управления всей планетой и что, национальные государства не будут принесены в жертву интересам небольшой группы сверхбогачей.

Неомарксизм как концептуальная основа анализа международных взаимодействий ценен тем, что он обращает внимание на социально-экономические аспекты современных международных отношений. Скорее неомарксисты акцентируют внимание на экономических, социальных последствиях установленного миропорядка, где существуют богатые и бедные государства или регионы. Богатые государства, занявшие центральное место в миросистеме, пользуются всеми благами глобализации, эксплуатируя бедные страны периферии. Неомарксизм считался ненаучной, маргинальной теорией, но нерешенные социальные, экономические, гуманитарные проблемы в бедных странах Азии и Африки, Латинской Америки, ставшие хроническими, актуализируют применение неомарксистской парадигмы в видении панорамы современного мира. Остаются открытыми вопросы, почему старания мировых политических, финансовых институтов по решению этих проблем не оправдываются и зачастую вместо их решения бедные страны получают новые, например, все глубже погружаются в долговую яму, вырытую многократными кредитами от «покровителей». Что касается стран, относящихся к рангу средних, то их позицию тоже нельзя считать стабильной. Факторы различного характера, поступающие извне, в любое время могут раскатать «лодку» любой страны, считающей себя благополучной.

В процессе глобализации социально-экономическая стратификация мира будет только усиливаться. По мнению многих ученых, ситуацию сильно обострят скудеющие запасы природных ресурсов. Такой алармистский прогноз будущего международных отношений не лишен логики, если вспомнить о характере, последствиях событий, имевших место в мировой политике в последние десятилетия.

Социологические теории международных отношений занимают срединное положение между традиционными теориями и последующими концептуальными изысканиями в теории международных отношений. Эти теории по своей логике близки к традиционному пониманию формирования внешней политики государств, так как при анализе явлений и событий упор делают на поиск исторических

параллелей и аналогий. В то же время они принципиально новы, потому что вместо официоза и исторического объективизма в подходе к анализу международных отношений предлагают методологию исследования, построенную на социологизации межгосударственных связей, рассматривающей события с точки зрения участия в них отдельных людей, различных социальных групп, формирований самого разного толка. Именно их желания и интересы, отношения и восприятия окружающей действительности являются решающими факторами в формировании и реализации внешней политики государств.

Модернистское течение было апогеем приверженности позитивизму уже в духе новейших научных открытий середины XX в. По мнению модернистов, международные отношения должны исследоваться посредством новейших научных методов, таких, как математический, кибернетический, обработка информации, верификация результатов и т.д. Историко-описательный, историко-сравнительный, историко-социологический методы, которыми пользовались исследователи со времен Геродота, настолько субъективны и устарели, что на их основе невозможно получить хоть какой-то результат, отдаленно коррелирующий с действительностью. Поэтому, как считали модернисты, попытки анализировать текущие международные процессы терпят крах, не говоря уже о прогнозировании их сценария развития на ближайшее будущее. Использование методов, заимствованных из естественных наук, в процессе исследования мировых реалий принесло большую пользу западной науке о международных отношениях. Осмысление характера, логики событий в мире во второй половине XX в. и прочитанное из научной литературы наталкивают на мысль, что теория международных отношений, подкрепленная модернистскими теориями, стала одним из факторов победы Запада над социалистической системой, СССР (без ностальгии по прошлому). В США в 50-х гг. прошлого века было создано огромное количество правительственных и частных институтов, центров по изучению международных отношений. В них формировались огромные банки данных по всем направлениям внешней политики Штатов. Информация собиралась и обрабатывалась теми методами, которые обосновывались и продвигались приверженцами модернизма. На основе применения эффективных методов обработки информации, прогнозирования, научной верификации результатов выстраивалась четко продуманная, самое главное, действенная внешняя политика страны по всем направлениям. Известны факты прогнозирования американскими специалистами по международ-

ным отношениям кубинского кризиса 1962 г., первого нефтяного кризиса, краха советской империи и т.д. [3].

Более широкое использование казахстанскими международниками, политологами модернистского подхода в своих аналитических изысканиях позволило бы эффективно обрабатывать потоки информации, получать обоснованные, проверенные научные результаты. Возможность получения точных результатов по анализу международной активности страны способствует определению наиболее злободневных аспектов, направлений внешней политики Казахстана и путей оптимизации методологических, функциональных сторон деятельности внешнеполитических институтов страны.

Российские ученые, изучающие теорию международных отношений, немного сужают предметное поле модернизма, отнеся к нему лишь обоснования применения новейших научных методов исследования международных отношений. На самом деле модернистские теории имеют концептуальный размах. Системный подход к анализу событий на мировой арене был внесен в теорию международных отношений модернистами. Бихевиористский (поведенческий) концепт, лежащий в основе системного подхода, вызволил внешнюю политику из «плена» политики внутренней. Внешняя политика, традиционно считавшаяся продолжением, неким «отростком» внутренних процессов, получила свободу артикуляции, став почти независимой инстанцией со своими законами и правилами. Со временем внешняя политика стала вмешиваться во внутреннюю политику, вносить коррективы в решения национальных органов власти. За всю историю независимого развития Казахстана накопилось большое количество фактов, когда внутренние процессы выстраивались под нужды внешней политики, международного имиджа страны. Подверженность внутригосударственной сферы такому влиянию имеет четкую логику: сформированное при помощи выверенной внешней политики благоприятное международное окружение создаст условия для роста и процветания страны. Такая взаимозависимость внешней и внутренней политик характерна для всех стран мира.

В то же время внешняя политика государства попадает в зависимость от окружающей среды, то есть международной системы, и самое малопривлекательное в этом заключается в том, что глобализация усиливает эту самую зависимость. Структура международной системы определяет место каждого элемента (государства) в системном формате, диктует им правила поведения, при необходимости ограничивает, сдерживает или поощряет их. Республика Казахстан

с самого начала своего независимого развития декларирует и на деле доказывает свою приверженность принципам и нормам, принятым мировым сообществом. Следование обязательствам, принятым страной в результате вхождения в международное правовое поле, инициирование, реализация миролюбивых инициатив позиционируют Казахстан как ответственного участника межгосударственных отношений, обеспечивают ему поддержку и поощрение глобальной системы. (Здесь можно привести и массу примеров того, какие страны, за что и каким способом подвергались ограничению, принуждению со стороны структуры системы). Такое положение дел требует пристального внимания к тенденциям в глобальной системе, политическим процессам в ее структуре, основу которой составляют отношения между великими державами, балансирующими на тонком льду мировой политики.

Исследование проблем международного поведения Казахстана не может обойти стороной такую теорию, как теория трех уровней анализа внешней политики государства в рамках системного подхода. На данной теории, по сути, построена логика решения исследовательских задач во всех научных трудах современности по внешней политике. Формирование внешней политики Казахстана должно рассматриваться как на международном, государственном, так и на личностном уровне. Анализ международного уровня включает рассмотрение основных тенденций развития международных отношений, сути и характера современной глобальной международной системы, особенностей регионального окружения. Второй уровень — государственный — предполагает исследование степени влияния внутригосударственных систем и процессов на формирование внешней политики, международного поведения государства. На личностном уровне учитываются политически влиятельные персоны в государстве, которые прямо или косвенно участвуют в формировании внешнеполитической стратегии [4].

Формирование и реализация внешней политики государства эффективно проанализировать с точки зрения теории процесса принятия внешнеполитических решений, выработанной на основе модернистского подхода. По данной теории, по сути, формирование внешней политики, равно как и других видов государственной политики, глубоко персонализировано. Процесс принятия политических решений состоит из множества подпроцессов, принадлежащих участникам принятия какого-либо решения. И каждый участник этого процесса при принятии политически важного решения будет исходить из своих личностных особенностей и предпочтений, отдавая

приоритет в первую очередь личным, семейно-клановым или корпоративным интересам [5].

Модернистский подход, несмотря на свою некоторую узконаправленность, сделал радикальный поворот в сторону социологического подхода к анализу международных отношений и эмпиризма. По сути, модернизм сам приблизил наступление постмодернизма, поставившего под сомнение основные постулаты традиционных школ.

Последние десятилетия XX в. в теории международных отношений ознаменовались появлением нового ракурса видения процессов на мировой арене. Наступление рефлексивизма в противовес традиционному рациональному мышлению, лежащему в основе научного анализа и послужившего фундаментом триумфа (кажущегося) науки над природой, было связано:

- с кризисом всей системы научного познания человечества к концу XX в., когда традиционная наука обнаружила свои пределы в объяснении мироустройства. Это кризис роста (по сути, продолжается и по сей день), обусловленный тем, что аккумуляция частных фактов не поднимает завесу над чем-то новым и грандиозным, которое осветит все темные углы человеческого бытия и мироздания;

- с тем, что события, происходившие в мире, начиная с 70-х гг. XX в., плохо поддавались научному анализу, не говоря уже о прогнозировании возможных вариантов их развития. Транснационализация, ускоренная глобализацией в последней четверти XX в., изменила характер международных отношений, сделав их, по определению американского ученого Дж. Розенау, «турбулентными». Наступила эпоха «постмеждународных отношений». Традиционные подходы к анализу внешней политики практически были бессильны в объяснении и прогнозировании новейших явлений на мировой арене;

- с распадом биполярной системы, в результате которого настолько усложнился мир, что в начале 1990-х гг. наблюдался некий вакуум в идейно-концептуальном осмыслении явлений и событий.

В таких непростых условиях на волне критики традиционных воззрений на внешнюю политику государств как основного агента и реагента международной среды, новейших разработок социальной психологии, социологии и политологии возникла новая парадигма — рефлексивизм. Рефлексивизм основан на агностицизме, отвергающем любую возможность познания окружающей действительности. Сторонники рефлексивизма не признают существование объективной реальности вне человеческого восприятия и разума. Если даже она и есть, то не может быть идентифицирована без участия антропологического фактора.

Отвергая позитивам как в классическом, так и модернизированном варианте, новое течение (рефлексивизм) открыло новую эпоху постмодерна, которой характерны такие понятия, как постмеждународность (постклассические международные отношения), поствестфальская стадия разрушения суверенитета.

Осмысление теоретических воззрений рефлексивистов и проецирование их идей на реалии внешнеполитической сферы Казахстана показывают следующее:

► Своим внешнеполитическим поведением страна напрямую влияет на характер внешней политики как соседних, так и дальних государств. Внешние политики государств подобны сообщающимся сосудам; ничьи старанья не останутся без ответной реакции. Такая постановка проблемы требует ответа на вопрос о том, как политика Казахстана в регионе влияет на формирование внешнеполитического курса, например, того же Узбекистана в первую очередь в отношении Казахстана. Поиск ответа на этот вопрос, возможно, приведет к пониманию тех нечетов и упущений, характерных для определенного направления внешней политики страны.

► Рефлексивисты, в том числе и конструктивисты, придают большое значение проблеме «государственной идентичности». При этом понимание настоящего термина у них имеет совершенно иную базу, нежели у традиционных школ: государственная идентичность имеет интерсубъективный характер. То есть, создавая определенный имидж, позиционируя себя как «сильное», «лидирующее», «стремительно развивающееся демократическое», государство должно считаться и с тем, как эти идентичности воспринимаются зарубежными, в первую очередь соседними, странами. В таком ключе был бы интересен и полезен периодический мониторинг того, как воспринимается имидж нашего государства в ближнем зарубежье и насколько он обоснован и эффективен в реализации определенного внешнеполитического курса.

Анализ внешней политики Казахстана, как и других государств, будет неполным и объективным без опоры на множество подходов, теорий, потому что у каждого из них свой угол зрения. Подойдя к проблеме с разных сторон, с разными посылами, эти теории помогут осветить как можно больше граней такого сложного и многогранного явления, как внешняя политика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир. Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост. П.А. Цыганков. — М.: Гардарики, 2002. — 400 с. (С. 74).
2. Казахстанская правда. — 2010, 7 декабря.
3. Цыганков П.А. Грэм Аллисон о моделях принятия решений в области национальной безопасности. Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост. П.А. Цыганков. — М.: Гардарики, 2002. — 400 с. (С. 267—268).
4. Бузан Б. Уровни анализа в международных отношениях. Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. Пер. с англ. — М.: Гардарики, 2002. — С. 208.
5. Дегтярев А. Принятие политических решений. — Учеб. пособие. — М.: КДУ, 2004. — С. 44—60.

О новых подходах к ядерной безопасности

АБЕН Д.А.

Одним из следствий масштабной природно-техногенной катастрофы на японской АЭС «Фукусима-дайти» стала активизация дискуссии в международном сообществе касательно новых подходов к обеспечению ядерной безопасности во всех ее аспектах. Эта дискуссия затронула не только перспективы развития мировой атомной энергетики и использования более безопасных технологий, но и вопросы, связанные с совершенствованием стандартов ядерной безопасности, обеспечением сохранности ядерных материалов, модернизацией систем защиты и реагирования на потенциальные аварийные ситуации и террористические акты, а также с ролью МАГАТЭ и национальных регулирующих органов.

На саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне рассматривались в основном вопросы принятия эффективных мер в области физической ядерной безопасности (nuclear security)* в целях предотвращения ядерного терроризма. Однако авария на АЭС «Фукусима» продемонстрировала наличие серьезных проблем и в деле обеспечения ядерной безопасности (nuclear safety)** в ее традиционном понимании. Пришло осмысление того, что последствия такой аварии могут быть не менее катастрофичны, чем ущерб от террористического акта. Именно поэтому в ходе очередного саммита по ядерной безопасности, который состоялся в марте 2012 г. в Сеуле (Южная Корея), на передний план выдвинулись такие актуальные темы, как взаимосвязь между различными измерениями ядерной безопаснос-

* Предотвращение и обнаружение хищения, саботажа (диверсии), несанкционированного доступа, незаконной передачи или других злоумышленных действий в отношении ядерных материалов, других радиоактивных веществ или связанных с ними установок и реагирование на такие действия.

** Достижение надлежащих условий эксплуатации, предотвращение аварий или смягчение последствий аварий, благодаря чему обеспечивается защита работников, населения и окружающей среды от чрезмерной радиационной опасности.

ти, повышение культуры ядерной безопасности и укрепление радиологической безопасности.

В настоящее время основная задача, стоящая перед международным сообществом, заключается не в определении приоритетности одного из измерений ядерной безопасности, а в осознании растущей взаимосвязи между вопросами эксплуатационной и физической ядерной безопасности и необходимостью принятия адекватных мер для укрепления обоих измерений как на глобальном, так и на региональном и национальном уровне. На сегодняшний день основные международные нормы в области ядерной безопасности носят рекомендательный характер, но перед лицом растущих угроз и вызовов в этой области следует рассмотреть целесообразность принятия юридически обязательных универсальных стандартов безопасности. Такие стандарты должны быть выработаны в рамках МАГАТЭ в результате всестороннего анализа уроков прошлых аварий и инцидентов на ядерных объектах на основе рекомендаций квалифицированных специалистов, имеющих практический опыт ликвидации последствий таких чрезвычайных ситуаций. Внедрение усовершенствованных обязательных стандартов ядерной безопасности будет способствовать не только повышению уровня надежности и противоаварийной готовности ядерных установок, но и их защищенности от возможных действий противоправного, в том числе и террористического, характера. Более того, принятие и соблюдение обязательных для исполнения норм ядерной безопасности должны стать условием поставок ядерных технологий для государств, планирующих приступить к реализации программ по развитию гражданской ядерной отрасли.

Одним из механизмов проверки работоспособности систем безопасности и физической защиты на существующих АЭС могли бы стать так называемые «стресс-тесты» или аудиты безопасности, в ходе которых независимые международные контрольные органы проводили бы экспертизу соответствующих процедур, сооружений и оборудования с целью выявления имеющихся изъянов и принятия упреждающих мер по повышению уровня ядерной безопасности. Срок эксплуатации объектов, где невозможно значительное совершенствование систем безопасности, должен ограничиваться. В ходе таких проверок должно контролироваться соблюдение обязательных стандартов не только предприятиями атомной промышленности, но и национальными органами по регулированию ядерной безопасности.

При модернизации планов реагирования на чрезвычайные ситуации крайне важно учитывать вероятность сочетания нескольких экстремальных событий (природных катаклизмов, техногенных аварий или террористических актов) наподобие тех, что имели место на АЭС «Фукусима-дайти», когда землетрясение большой магнитуды привело к разрушительному цунами, превысившему защитные возможности системы безопасности АЭС. Вместе с тем в планах необходимо предусмотреть алгоритмы поведения и совокупность мероприятий при отказе штатных и резервных технических средств безопасности, а также при потере регулярных и аварийных источников энергоснабжения или систем охлаждения. Эксплуатирующим организациям АЭС и компетентным государственным органам следует уделять особое внимание координации действий при чрезвычайных ситуациях, а также принятию эффективных мер по защите персонала, населения, социальной инфраструктуры и окружающей среды от радиационной опасности. Местные власти должны быть вовлечены в эту деятельность посредством организации мероприятий гражданской обороны по повышению уровня готовности населения к ядерным или радиационным инцидентам.

Опыт Фукусимы свидетельствует о том, что одним из важных аспектов ядерной безопасности является обеспечение информационной прозрачности в условиях аварийных и других чрезвычайных ситуаций, особенно когда их последствия имеют трансграничный характер. Регулярное и своевременное распространение объективной информации позволяет не только согласовывать действенные меры реагирования с МАГАТЭ, другими заинтересованными организациями и государствами, но и наладить систему адекватного оповещения общества. Большое значение имеет повышение квалификации специалистов по связям с общественностью, ответственных за обнародование сведений о последствиях аварийных ситуаций с тем, чтобы средства массовой информации и население получали корректную и доступную для понимания информацию. В то же время транспарентность не должна ставить под угрозу конфиденциальность данных, составляющих основу системы физической ядерной безопасности.

Проверки и усовершенствования систем безопасности должны проводиться регулярно в течение всего срока эксплуатации ядерных объектов, а национальные регулирующие органы должны быть независимы в принятии решений по ядерной безопасности, что должно быть закреплено на законодательном уровне. Для обеспечения со-

блюдения обязательных стандартов ядерной безопасности владельцами и операторами АЭС необходимо наделить национальные органы соответствующими ресурсами, компетенциями и полномочиями, дающими возможность применять строгие меры юридического принуждения в отношении нарушителей.

Несомненно, что ядерная авария в Японии замедлила развитие мировой атомной энергетики, однако маловероятно, что она приведет к масштабному сокращению программ по развитию «мирного атома». В этой связи целесообразно рассмотреть внедрение обязательной процедуры независимой международной сертификации проектов новых АЭС в соответствии с усовершенствованными стандартами и требованиями ядерной безопасности, а также с учетом специфики площадки размещения и условий эксплуатации каждой станции. При их строительстве должны применяться более совершенные и безопасные технологии и материалы, надежные и модернизированные защитные барьеры, источники энергии, информационно-коммуникационные системы и контрольно-измерительные приборы с возможностью дистанционного управления. Новые АЭС не должны размещаться в местах повышенной природной и техногенной опасности или там, где имеются террористические угрозы.

Еще одним важным аспектом является повышение культуры ядерной безопасности, под которой понимается совокупность характеристик, отношений и норм поведения отдельных лиц, организаций и учреждений, выступающая как средство для поддержки и укрепления ядерной безопасности. Следует отметить, что в последнее время, затрагивая вопросы, связанные с культурой ядерной безопасности, международное сообщество фактически обсуждало лишь культуру физической ядерной безопасности. Однако инцидент на АЭС «Фукусима-дайти» показал, что к проблеме надо подходить комплексно: уровень культуры безопасности необходимо повышать как у персонала, ответственного за охрану ядерных установок и материалов, так и у сотрудников, отвечающих за безопасность эксплуатации ядерных объектов и радиационную защиту, причем как на предприятиях атомной промышленности, так и в национальных регулирующих органах. Такой интегрированный подход к культуре ядерной безопасности основан на общей цели, которая объединяет ее различные аспекты: ограничение рисков и угроз, исходящих от ядерных и радиоактивных материалов, посредством продвижения степени знания, понимания и приверженности персонала нормам и правилам режима безопасности.

МАГАТЭ признает культуру безопасности важным составным элементом системы ядерной безопасности, поскольку эффективность системы зависит не только от технических и физических аспектов, но и от человеческого измерения — поведения и действий людей, отвечающих за вопросы ядерной безопасности. Самая совершенная система безопасности не сможет функционировать, если необходимые для ее полноценной работы нормы, правила и процедуры не соблюдаются или соблюдаются лишь формально. Степень действенности системы во многом зависит от профессионализма, мотивации, ответственности, мировоззрения и других личностных характеристик персонала от руководящего звена до сотрудников низшего уровня. Следовательно, основная идея культуры ядерной безопасности состоит в решении проблемы человеческого фактора. Таким образом, чем выше уровень культуры безопасности сотрудников, тем выше уровень безопасности, поддерживаемый на ядерных объектах, и ниже вероятность совершения ошибок, вызванных человеческим фактором, в том числе и появления инсайдерской угрозы.

Надлежащего уровня ядерной безопасности можно достичь лишь при наличии единой системы управления безопасностью. Поскольку часть персонала отвечает за технические измерения ядерной безопасности, а другая — за физическую безопасность, особое значение приобретает налаживание в рамках единой системы эффективных структурных, информационных и коммуникационных связей между ними. При этом необходимо учитывать особенности, присущие каждому подвиду культуры ядерной безопасности. Так, по требованиям физической ядерной безопасности лишь ограниченный круг ответственных лиц может владеть относящейся к ней информацией, что необходимо для предотвращения утечки чувствительных сведений, касающихся защитных сооружений или уязвимых мест ядерного объекта. В то же время, как отмечалось выше, для обеспечения ядерной безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций требуется обеспечение информационной прозрачности, что способствует принятию надлежащих ответных мер или предупреждению подобного развития событий на других объектах.

Нельзя забывать и о том, что основу персонала, отвечающего за физическую ядерную безопасность, составляют в основном люди из правоохранительных органов, вооруженных сил или охранных структур, не обладающие достаточными техническими знаниями, тогда как инженеры, операторы и техники, занимающиеся вопросами обеспечения эксплуатационной и радиационной безопаснос-

ти, не в полной мере знакомы с тонкостями физической безопасности. Поэтому задача менеджмента ядерных объектов заключается в налаживании сотрудничества между всеми сотрудниками и продвижении обоих аспектов культуры ядерной безопасности. При достижении разумного баланса между ними система безопасности может функционировать надлежащим образом даже при комбинации (одновременном или последовательном возникновении) нескольких экстремальных событий. Для совершенствования координации действий персонала необходимо проводить регулярные учения, а периодические оценки уровня культуры ядерной безопасности должны стать частью общей аттестации сотрудников.

Для повышения культуры безопасности в ядерной промышленности и межгосударственного обмена передовым опытом необходимо осуществление соответствующих многосторонних образовательных программ, которые будут охватывать все вопросы, относящиеся к ядерной безопасности. В этой связи большое значение имеет создание региональных центров передового опыта по ядерной безопасности, в которых будут проходить обучение и переподготовку сотрудники служб ядерной безопасности из предприятий атомной отрасли и национальных регулирующих органов. Наличие достаточных и компетентных кадровых ресурсов в области ядерной безопасности должно стать одним из условий поставок ядерных технологий для государств, которые планируют приступить к реализации мирной атомно-энергетической программы. При этом нуждающимся государствам должна оказываться вся необходимая научно-техническая и учебно-методическая помощь как со стороны МАГАТЭ, так и со стороны стран — поставщиков ядерных технологий.

Вопросы радиологической безопасности не рассматривались на первом саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне, хотя в тексте итогового коммюнике стороны признают, что «меры, способствующие обеспечению физической безопасности ядерного материала, также значимы применительно к безопасности радиоактивных веществ». Учитывая возрастание рисков, связанных с возможностью радиологических аварий, сохранностью радиоактивных источников и опасностью их применения в террористических целях, обеспечение радиологической безопасности становится предметом повышенного внимания со стороны международного сообщества. Эта тема вошла в программу мартовского саммита по ядерной безопасности в Сеуле, поскольку для ряда государств, не обладающих ядерным оружием, но вынужденных решать проблемы с радиоак-

тивными материалами или отходами, обсуждение радиологической безопасности представляет повышенный интерес.

Радиоактивные источники используются во многих областях жизнедеятельности, включая медицину, науку, промышленность, сельское хозяйство и т.д. По различным оценкам, в настоящее время в мире насчитывается несколько миллионов радиоактивных источников всех видов и размеров. Большинство из них не представляет серьезной угрозы, однако определенная часть источников в силу своей высокой радиоактивности требует принятия строгих мер по обеспечению их сохранности и безопасности. Основную потенциальную опасность представляет собой незаконное приобретение высокоактивных источников для последующего изготовления и применения радиологических рассеивающих устройств, или так называемых «грязных бомб».

Во многих странах отмечается слабый контроль над радиоактивными источниками, поэтому большое значение приобретает совершенствование национальных мер по их учету и применению*. Такие меры должны предусматривать создание учетных регистров радиоактивных источников для их отслеживания в течение всего эксплуатационного цикла, введение уголовной ответственности за хищение или ненадлежащее использование таких источников, поиск, обеспечение сохранности и утилизация бесхозных и вышедших из эксплуатации источников, в том числе строительство специальных хранилищ, улучшение систем физической защиты на соответствующих объектах, а также установку в пунктах пересечения границы и других стратегически важных пунктах контрольного оборудования для выявления попыток незаконного перемещения источников.

Для достижения более высокого уровня радиологической безопасности международному сообществу необходимо укрепить существующие международно-правовые договоренности в этой области. Так, например, можно рассмотреть возможность придания обязательной силы Кодексу поведения по обеспечению безопасности и сохранности радиоактивных источников. Кроме того, необходимо способствовать внедрению положений Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма** в национальные законодательства. Одним из механизмов многостороннего взаимодействия в

* По данным МАГАТЭ, около 100 стран не имеют нормативной базы, необходимой для обеспечения надлежащего контроля над радиоактивными источниками.

** Конвенция, в частности, требует, чтобы государства-участники приняли необходимые меры по введению уголовной ответственности за правонарушения, связанные с незаконным и преднамеренным владением радиоактивным материалом или радиоактивным устройством и их использованием.

этом направлении может стать активизация информационного обмена в рамках базы данных МАГАТЭ по фактам незаконного оборота ядерных материалов и радиоактивных веществ, а также усиление помощи проблемным с точки зрения радиологической безопасности государствам посредством международных проектов технического сотрудничества.

По итогам Сеульского саммита был принят итоговый документ — коммюнике, которое отмечает необходимость рассмотрения на согласованной основе вопросов эксплуатационной и физической ядерной безопасности, что будет способствовать надежному и безопасному использованию ядерной энергии в мирных целях. Документ признает важность повышения культуры безопасности в ядерной промышленности и необходимость межгосударственного обмена передовым опытом в данной сфере. Учитывая возрастание рисков, связанных с возможностью радиологических аварий, сохранностью радиоактивных источников и опасностью их применения в террористических целях, участники саммита уделили в тексте коммюнике особое внимание вопросам радиологической безопасности.

Республика Казахстан, являясь последовательным сторонником внедрения более эффективных норм и механизмов обеспечения ядерной безопасности, использовала актуализацию данной тематики для выдвижения на Сеульском саммите ряда новых инициатив. Во-первых, Казахстан призвал к принятию юридически обязательных универсальных стандартов ядерной безопасности на основе накопленного международно-правового опыта в сфере освоения мирного атома. Во-вторых, наряду с полным и оперативным информированием о любых инцидентах на ядерных объектах, наша страна предложила разработать четкие механизмы быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации.

В области ядерной безопасности не может присутствовать самоуспокоенность достигнутым уровнем и постоянное стремление к ее совершенствованию должно стать неотъемлемым компонентом системы управления и культуры безопасности каждого субъекта атомной отрасли. Последствия чрезвычайных ситуаций на ядерных объектах, каковы бы ни были их причины, выходят за национальные границы, поэтому существует острая потребность в создании более эффективной системы ядерной безопасности на глобальном, региональном и национальном уровне. Вместе с тем меры по укреплению ядерной безопасности не должны препятствовать реализации прав государств на развитие и использование атомной энергии в мирных целях.

Уроки китайских реформ социально-политической системы — достояние человечества

БУРХАНОВ К.Н.

К 70-м гг. XX в. стало очевидным, что в соревновании двух социально-политических систем, сложившихся в мире к тому времени, обозначился перелом. Явно прослеживалась тенденция отставания социалистической системы по всем направлениям — экономическим, политическим, идеологическим и т.д. Наглядным примером тому служили государства и народы, жившие в двух разных системах одновременно: ФРГ и ГДР, КНР и Тайвань, Южная и Северная Корея. Невзирая на то, что Советский Союз и весь Совет экономической взаимопомощи (экономическое объединение социалистических стран) делали из ГДР витрину социализма на Западе, отставание было явным. Впервые попытки реформирования сложившейся модели государственного социализма в СССР были предприняты в 1965 г. (мартовский и сентябрьский 1965 г. пленумы ЦК КПСС), когда вводились принципы хозяйственного расчета, расширение самостоятельности предприятий, материальная заинтересованность как предприятий, так и рабочих и крестьян, внедрение рыночных механизмов. Восьмая пятилетка (1966—1970 гг.) была самой успешной за всю историю СССР. Однако дальнейшее продолжение реформ в этом направлении требовало творческого подхода к марксистско-ленинской концепции социализма, с чем не смогла справиться политическая элита советской страны во главе с Л.И. Брежневым. Судьба автора этих реформ — А.Н. Косыгина — оказалась предрешена. На этом достаточно удачно начатые реформы закончились, и СССР вступил в эпоху стагнации и экстенсивного развития, что в конечном итоге привело к краху в 1991 г.

Что касается Китая, то после бурных 1950—1960-х гг. с такими массовыми мероприятиями, как «большой скачок», «культурная революция», сопровождавшимися многочисленными репрессиями, к началу 1970-х страна пришла к пониманию необходимости стабилизации ситуации. Свидетельством всех этих перемен было возвращение товарища Дэн Сяопина в большую политику. Целый ряд столкновений различных течений внутри политической элиты Китая этого периода подтверждали ее силу и ответственность за судьбы страны и народа.

Все эти перипетии внутренних противоречий закончились в 1979 г. победой сторонников товарища Дэн Сяопина и его концепции дальнейшего развития социализма в Китае. С этого момента начинается новая эпоха не только в развитии КНР, но и социалистической идеи в мире вообще. Концепция строительства «социализма с китайской спецификой» свидетельствовала об очень глубоком творческом подходе к основополагающим принципам социалистической идеи, к особенностям развития различных стран и народов, об отсутствии каких-то универсальных единых стандартов социализма, обязательных для принятия всеми народами и государствами. Компартия Китая вдохнула новую жизнь в саму социалистическую идею, переживавшую, по сути, полную стагнацию и, главное, потерю доверия у народов собственных стран.

К сожалению, другие социалистические страны и правившие в них коммунистические партии проигнорировали эту великолепную идею Дэн Сяопина и его соратников на беду своим народам и странам. Хотя судьба в виде концепции китайской Компартии дала очередной шанс социалистической идее выжить. И в результате жесточайшие испытания пришлось пройти этим народам — это «бархатные» революции в Восточной Европе и не всегда «бархатные» кровопролития в Румынии, развал Югославии с жестокими этническими войнами и бесчисленными жертвами и, наконец, развал СССР со всеми его социальными, этническими, религиозными конфликтами почти на всем его пространстве.

Это еще раз показывает, насколько важна для страны и ее стабильного развития государственная идеология и ее теоретическая основа. Ведь именно с теоретической основы концепции социализма начаты грандиозные реформы товарища Дэн Сяопина (великого реформатора XX в.). История распорядилась так, что в 1990-х гг. произошла встреча между этим великим реформатором — лидером Китая — и последним Генеральным секретарем ЦК КПСС, первым

и последним Президентом СССР М.С. Горбачевым. Даже этим неожиданным выпавшим шансом руководство СССР не воспользовалось, хотя товарищ Дэн Сяопин дал мудрые советы Горбачеву. Но непомерные амбиции Генерального секретаря ЦК КПСС, являющегося просто серой и бездарной личностью, не дали ими воспользоваться. В результате СССР и восточноевропейские страны пришли к тому, к чему пришли, — полному искоренению завоеваний социализма в этих странах, которые были признаны как самими народами этих социалистических государств, так и Западом.

Предпринятые Дэн Сяопином экономические реформы, опирающиеся на теоретическую базу концепции «социализма с китайской спецификой», несмотря на многочисленные трудности, прошли блестяще! Хотя были и трудности. Реформы были начаты с сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса, с легкой и пищевой промышленности.

Очень мудрая экономическая политика позволила привлечь в страну огромные инвестиции, подняв экономический потенциал до невиданных высот. КНР сегодня — вторая экономическая держава мира после США, а также страна, превратившаяся во всемирную фабрику. Теперь Китай обеспечил продовольствием не только свое громадное население, но и стал крупнейшим экспортером продовольственных товаров. Промышленность страны является сегодня одной из самых развитых в мире. Китай производит не только самую современную технику, но и запускает в космос спутники, что делает его одной из ведущих космических держав. Успехи, которые потрясли мир, стали возможны благодаря мудрой политике Коммунистической партии Китая, которая не пошла на поводу у различных международных сил, все время пытающихся экспортировать в другие страны свою модель общества, считая ее универсальной. Роль Компартии в китайском обществе — это как становой хребет, на котором держится вся политическая, экономическая и идеологическая система государства. Потому что ни одна реформа, даже самая умная и продуманная, не может быть осуществлена в отсутствие сильной, жесткой, централизованной власти, что, в общем-то, и было осуществлено в КНР. На наш взгляд, Китай, как и целый ряд азиатских стран, успешно подтверждает правильность концепции доктора Сунь Ятсена. Он считал, что народы азиатских государств, и не только, не обладающие глубокими демократическими традициями, имеющие свой исторически сложившийся менталитет, в своем развитии должны пройти три этапа: первый — период военного правления, второй — период политической опеки, третий — период

народовластия, или демократии. К тому же длительность периодов великий философ не обозначил, что немаловажно, ибо он считал, что сама жизнь в свое время даст знать, где заканчивается один период и начинается другой. И что примечательно, переходить общества от одного этапа к другому должны эволюционным путем, без революционных потрясений.

КНР привлекает внимание всего мира, на наш взгляд, своей продуманной демографической политикой. Это единственная страна в мире, которая проводит не только четкую и ясную внутреннюю и внешнюю политику, но и демонстрирует всему миру, как нужно решать демографическую проблему, очень сложную для всей планеты (население Земли в 1961 г. составляло 3 млрд человек, в 2011 г. — через 50 лет — родился 7-миллиардный житель, т.е. население возросло в 2 раза, а к 2050 г., по мнению экспертов, в мире будет проживать более 9 млрд человек). И это в условиях сокращения энергоресурсов, продовольствия, питьевой воды, ухудшения экологии. И когда мы смотрим на мир в глобальном масштабе, то начинаем понимать всю своевременность, актуальность и, если хотите, мудрость проводимой КП Китая политики в области демографии. Дело в том, что рано или поздно весь мир столкнется с этой проблемой, так как существуют перенаселенные страны (Бангладеш, Индия, Пакистан) и малонаселенные (Россия, Канада, Австралия, Казахстан и др.), и одним придется решать задачи по увеличению, другим — по сдерживанию роста населения, в чем Китай сегодня показывает пример ответственного и перспективного подхода к решению этого вопроса.

После развала СССР в мире осталась только одна супердержава — США. Подавляющее большинство ученых — историков, политологов — сходятся во мнении, что понятие «супердержава» может быть применено к государствам, обладающим четырьмя наиважнейшими признаками. Это — самая мощная экономика, самые мощные вооруженные силы, глобальное влияние на мировые процессы и международную политику, самая сильная идеология (или сила примера). Этими четырьмя признаками до конца XX столетия обладали два государства — СССР и США. И, естественно, они были признаны супердержавами XX в. С исчезновением Советского Союза на сегодняшний день этим критериям отвечают только Соединенные Штаты Америки. Государства с мощной экономикой, такие, как Япония и Германия, по всем другим параметрам не соответствуют понятию супердержавы. Россия, обладая мощными вооруженными силами (учитывая и ядерное оружие, доставшееся в наследство от СССР), по дру-

гим трем отстает и поэтому не соответствует статусу супердержавы. И только Китай по сегодняшним геополитическим реалиям является, в сущности, второй супердержавой мира. Это мощная, стабильная, развитая экономика, являющаяся второй экономикой мира, одни из сильнейших вооруженные силы (включая ядерное оружие и потенциал его доставки в любую точку мира), огромное влияние в мире (ни одна глобальная проблема на планете сегодня не может быть решена без КНР). И последнее — китайская государственная идеология сегодня является притягательной, понятной, причем результативной, и находит все большее количество поддерживающих ее людей в мире. Поэтому мы считаем, что КНР на сегодня состоялась как супердержава, отвечающая всем главным ее критериям.

Что касается Казахстана, то он находится в сложном геополитическом регионе — между двумя крупными государствами, несколькими соседями с юга с не очень стабильной ситуацией и явно недружескими отношениями между собой. Далее к этому региону примыкает Афганистан, перспектива которого, по существу, непредсказуема. Поэтому Казахстан, имея с Китаем границу почти в две тысячи километров, должен максимально воспользоваться этим. Огромный китайский рынок — мощный экономический потенциал. Он может стать хорошей основой для развития казахстанской экономики. Казахстано-китайские отношения зафиксированы в целом ряде двусторонних и международных договоров, где Китай для Казахстана обозначен вторым экономическим партнером после России. Это большая прерогатива Казахстана — находиться по соседству с таким огромным и емким рынком, как китайский. Предстоящее вхождение Казахстана в ВТО даст новый импульс дальнейшему углублению взаимовыгодного сотрудничества. Уже сейчас подписаны договоренности, переводящие экономические взаимосвязи от сырьевой направленности. Выстраивающиеся в данное время нефтепроводы и газопроводы из Казахстана в Китай, а также из стран Центральной Азии в Китай через Казахстан значительно укрепляют эти взаимоотношения на длительную перспективу. В политическом плане сотрудничество Казахстана с Китаем осуществляется в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Это организация, прочно ставшая на ноги, признанная в мире, и сегодня само ее существование значительно укрепляет региональную безопасность в ЦА. Договоренности в рамках Шанхайского форума позволяют Казахстану весьма эффективно противостоять проявлению «трех зол» — религиозному экстремизму, международному терроризму

и этническому сепаратизму. Страны ШОС, по существу, являются главным стимулирующим фактором в регионе. Для этого форум и входящие в него государства обладают необходимым потенциалом. Весьма перспективно выглядят взаимоотношения между странами — членами ШОС в экономической сфере. Соответствующие договоренности и решения есть, растет гуманитарное сотрудничество между государствами. В целом ШОС имеет большой потенциал для своего дальнейшего развития и укрепления, тем более в условиях целенаправленной дестабилизации в ряде государств Северной Африки и Ближнего Востока. Ответом на современные вызовы являются дополнительные соглашения между государствами — членами ШОС.

Взаимоотношения Казахстана и Китая проходят через пограничный Синьцзян-Уйгурский Автономный район (СУАР). По обеим сторонам границы проживают как казахи, так и уйгуры, и любая дестабилизация в этом очень важном районе отрицательно влияет как на Китай, так и на Казахстан. Поэтому в стабильности и процветании СУАР Казахстан кровно заинтересован, и это наше искреннее видение. В то же время нас беспокоят огромные людские ресурсы Китая и возможная ползучая демографическая экспансия в будущем.

Этническая миграция в Казахстане: концепции и исследовательское поле современной историографии*

КАСЫМОВА Д.Б.

Этнические миграции — возвращение этнических казахов, проживающих за рубежом, на свою историческую Родину — становятся после 1991 г. самой значимой формой мобильности населения в Казахстане. Масштабы этнической миграции в Казахстан во многом обусловлены политикой государства. Она проводится на основе комплексной программы по привлечению казахской диаспоры. В соответствии с ней оралманам (так называют этнических мигрантов в Казахстане) оказывается всесторонняя помощь, направленная на адаптацию этнических мигрантов к принимающему сообществу.

Поле этнической репатриации открыто для исследователей в широком плане как одно из направлений миграционных процессов (внешняя и внутренняя миграции), так и в контексте формирования новой казахстанской идентичности (комплекс этнических, языковых и социокультурных проблем). Однако специальных исследований пока не достаточно, что объясняется в некоторой степени трудностями теоретико-методологического характера. Цель данной статьи — подвести некоторые итоги изучения процессов, связанных с этнической проблемой, и обрисовать контуры исследовательских задач.

Тема «рассеянного казахского этноса», в том числе и казахов Китая, в советский период была закрытой. После 1991 г. появились работы, основная задача которых состояла в подготовке научной базы с целью

* Статья выполнена на основе грантового финансирования научных исследований (101) 0620 ГФ «Возвращение на Родину: ожидания и реальность (психологические проблемы интеграции оралманов в казахстанское общество)».

реализации программы этнической миграции и восполнения недостаточных знаний для того, чтобы лучше «понять мотивы поведения своего восточного соседа» (в рамках этого направления были разработаны и проблемы национальной политики КНР. К. Сыроежкин определяет статус казахов Китая как *диаспору* (с ясно выраженной самоидентификацией, коллективным сознанием, этнически окрашенной территорией расселения и сохранением комплекса этнокультурных маркеров), что объективно включает их в сферу внешнеполитических интересов Казахстана [1]).

Систематическое изучение положения этнических казахов в мире с начала 1990-х гг. было предпринято Г. Мендикуловой, заложившей впоследствии новое направление в казахстанской историографии — *диаспорология*, которое к настоящему времени существенно разветвилось и охватывает комплекс проблем не только казахского этноса за пределами Казахстана, но и этнических групп в стране (изучение корейского, уйгурского и других этносов). Представители интеллектуальной элиты некоторых этнических групп претендуют на создание самостоятельных научных дисциплин, в рамках которых предполагается рассмотрение не только особенностей культуры, но политизация их современной идентичности. Хотя вопросы внешних миграций казахского этноса и проблемы формирования полиэтнического состава современного казахстанского общества являются неотъемлемой составной частью социальной или гражданской истории страны.

Г. Мендикулова рассматривает зарубежных этнических казахов как *диаспору* (поскольку казахи были вынуждены под давлением политики советских властей покинуть свою землю и искать спасения на чужбине, что соответствует определению диаспоры Р. Брубакера [2]) и *ирреденту*, что вполне закономерно направляет рассмотрение проблемы в другом ракурсе («казахский вопрос» во взаимоотношениях с Россией или Китаем, или история формирования внешних границ Казахстана) [3]. Тогда как будущее казахов за рубежом видится Г. Мендикуловой в контексте двух альтернатив — адаптация и последующая ассимиляция, ввиду невозможности поддерживать даже базовые компоненты этнической идентичности, проживая в иной этнокультурной среде, либо миграция.

Таким образом, можно выделить следующие направления в рассмотрении проблем этнических казахов вне пределов территории современного Казахстана: *диаспора и ирредента* [4], что вписывается в историко-философские основания внешнеполитического дискурса

руководства Казахстана; *этническая группа/меньшинство*, стоящая перед выбором ассимиляции или репатриации в зависимости от политики режимов в стране проживания [5, 6, 7]; этноконфессиональная группа населения Алтая (алтайцы) и составная часть российского этноса [8] и выделение *гражданско-этноистатистического подхода* к изучению процессов этнической репатриации (Н. Аблажей, А. Чесноков, Б. Жангуттин) [9, 10, 11].

В современный период в зарубежной историографии можно выделить работы, в которых анализируются пути сохранения зарубежными казахами культурных компонентов этнической идентичности. Так, в работе шведского исследователя Ингвара Сванберга [12] выделены трансформированные конструкты «казахскости». Помимо общеказахской идентичности — исторические корни, признание значимости исторических периодов и роли тех или иных великих личностей (Чингизхан), он отметил и большую значимость жузов и родоплеменной идентификации, которая свидетельствует о степени родства. Отмечая различия в специфике адаптации и аккультурации казахов в Китае (СУАР) и Турции, И. Сванберг указывает на политический и этнокультурный факторы. В Китае после серии политических и экономических реформ (и экспериментами с кочевым населением), предпринятых маоистским режимом, казахи получили возможность заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности при строгом контроле со стороны государственных органов. Казахи Китая относятся к категории кочевых народов, для которых основным маркером этнической идентичности считается не религия (ислам), а образ жизни (кочевое скотоводство). Стремление сохранить (и даже законсервировать некоторые аспекты этнокультурной специфики, то есть не интерпретировать их в свете новых веяний жизни) этнокультурные и социоэкономические компоненты у казахов Китая стало ответной защитной реакцией на китаецентричные реформы во всех сферах жизни. Кочевое скотоводство, образ жизни (жилище, пища, соблюдение обрядов жизненных циклов, родоплеменная идентификация, половозрастные функциональные различия, язык, культурные практики — песни, танцы и литературное наследие, брачные стратегии и т.д.) стали своеобразным убежищем от вторгающейся в их жизнь суровой внешней реальности. Связь с прошлым у казахского этноса в Китае осуществляется в виде ландшафтных маркеров (часть из которых генетически связана с циклическими миграциями и находит свое отражение в богатом культурном наследии) и коллективной исторической памятью — легенды и мифы о героях и трагических страницах жизни в Шыңжане (1930-е и 1940-е гг.).

Казахи Турции, оказавшись в родственной по многим параметрам этнокультурной среде, не испытывали сильного внешнего давления в выборе адаптационных культурных стратегий. Изменения в хозяйственных практиках (не кочевое скотоводство) постепенно вытеснили из ментальной памяти базовые пространственно-временные маркеры, связывающие этнос с исторической родиной. Основными маркерами этнической идентификации стала родословная и родоплеменная принадлежность. Процессы аккультурации и ассимиляции в принимающем обществе у казахов Турции необратимы, по мнению И. Сванберга. Особенности формирования ментальной карты казахов как кочевых скотоводов, их социальная и политическая ориентации напрямую связаны с образом жизни.

Этнические казахи являются частью китайского и турецкого обществ (как этническое меньшинство), претерпевающих сложные и противоречивые процессы становления как гражданские с моноэтническим составом, что вынуждает их выбирать ту или иную стратегию выживания. Все этапы социализации не предусматривают необходимость усвоения навыков, связанных с кочевым скотоводством и выживанием во внешней среде — природе. Навыки приспособления в современном мире — образование на государственном языке и владение современной техникой — более востребованы.

По мнению Дрю Гладни, казахи Китая имеют несколько уровней идентичности. Официальная гражданская идентичность — китайский народ, частью которого в политико-гражданском понимании они являются, территориально-административная — тот или иной округ СУАР, цивилизационный — тюрки-мусульмане-номады, тогда как в повседневной жизни — на социальном и экономическом уровне — они часть номадного мусульманского и тюркского социума Синьцзяна [13]. Д. Гладни схематично обрисовывает, как казахи Китая вынуждены приспособляться к необходимости принять навязываемую китайским правительством идентичность через концепт «относительной идентичности», что по своей природе есть своеобразный переговорный процесс между родоплеменной (базовой), приписываемой (этническое меньшинство, что дает определенные права) государством, и общекитайской (ядром которой является все китайское) идентичностями [14]. Китайский официальный дискурс вводит понятие «миньзу»/minzu (нация, народ, национальность, этничность) вместо племенного фактора «булуо»/buluo. Базовая идентичность при этом является основой для сознательного выбора стратегии выживания в стране и обществе (через уже определенные

государством пространственно-временные императивы), и вопрос «Что значит быть казахом?» переходит на уровень рассуждений «До каких пор я буду казахом?». Выделение основных маркеров казахскости казахов Китая, по Гладни, подвергающихся трансформации — вынужденно и добровольно, прежде всего, адресовано за пределы собственно Китая, туда, где этнические казахи имеют возможность решать свои проблемы, используя легальные политические ресурсы.

Китайское государство проводит политику замены родоплеменной структуры (что было «успешно» осуществлено советским правительством в Казахстане и строго контролируется современным режимом)*.

Западные исследователи отмечают различия в тональности, глубине и акценте, который делают казахи Китая и Турции, размышляя о своей идентичности и степени «казахскости», что дает основание выделить несколько уровней дискурса как своеобразных пластов современной пространственно-временной идентичности казахов. Общий дискурс имеет общеказахский цивилизационный контекст и обращается к истории, миссии и месту казахов в истории, специфике казахского мира-космоса в его макро- и микроперспективе, не признавая существующих государственных границ и не делая различий между спецификой режимов в странах проживания современных казахов. Страновой дискурс разграничивает пространство и время на то, что было до и после «вынужденного раскола казахов» в период «смутного времени» на казахской земле. Следовательно, «казахскость» или казахскую идентичность в сравнительно исторической перспективе необходимо рассматривать в нескольких измерениях:

1) пространственном:

а) относительно какой-либо группы казахов, проживающих в Казахстане и за его пределами;

б) в рамках этой группы — по региональному признаку;

* Родоплеменная структура была не просто каркасом, на котором держался казахский социум, но и императивом к действию. Представители низших сословий стремились подняться выше, используя для этого разные способы. Ввиду демократической природы кочевой культуры, этого можно было добиться и личными успехами (смелость, лидерские и бойцовские качества, проявленные в сражениях, соревнованиях, спорах, творческие способности, продемонстрированные на айтысах), верной службой, хитростью и изворотливостью, а также умениями и навыками. Оказание помощи своим сородичам есть своего рода плата за право быть среди своих и при необходимости полагаться на их поддержку и оказание опосредованно почестей своим предкам, которые были частью этого клана/рода. Обладание связями и поддержкой клана/семьи/рода в определенной степени считалось отсроченной платой ныне живущему поколению за счет помощи и заслуг старшего поколения. Она в некоторой степени заменяет и дополняет набор необходимых качеств/ресурсов/средств для выживания, продвижения и достижения успеха.

2) степени привязанности к той или иной местности из-за ее исторической значимости и в осознании себя в определенном качестве относительно той или иной группы;

3) в формах этнической репрезентации — символы, культурные традиции и т.д.

Другой круг вопросов, которые поднимают современные западные исследователи казахской диаспоры, — это факторы этнической миграции. Так, американская исследовательница Астрид Черни рассматривает соотношение объективных и субъективных факторов, стоящих за решением многих казахов Китая вернуться на историческую родину [15].

А. Черни указывает в качестве объективных факторов, подталкивающих казахов принять стратегию миграции на историческую родину, сужение жизненного пространства и невозможность улучшения экономического положения казахов в Китае, поскольку индивидуальное кочевое хозяйство не выживет, а государство не собирается спонсировать его. Сокращение кочевых угодий для занятия расширенным кочевым скотоводством, деградация земель, программы китайского правительства по рекреации пастбищ через создание экологических зон и развитие туризма вынуждают казахов (и особенно молодое поколение) мигрировать в города и постепенно вливаться в китайское общество, осваивать культурные практики через новые виды деятельности, получать китайское образование и приобретать необходимые социальные навыки. Неминуемо это приведет к потере этносом своей идентичности. Поэтому миграция на утраченную родину есть одна из возможных альтернатив, поскольку изоляция и маргинализация (на примере некоторой части уйгурского населения СУАР) видятся как тупиковый вариант. А. Черни отмечает, что большая часть казахов по мере того, как укрепляется в решении перебраться на историческую родину и теряет иллюзии относительно казахстанских реалий, своих планов не меняет. Неуклонная политика китайского государства по китаизации и в то же время поддержанию системы жизнеобеспечения этнических групп и их культур основывается на цивилизационных интерпретациях — видение китайцами кочевников и кочевой культуры как отсталой, которая постепенно должна цивилизоваться, то есть китаизироваться.

А. Черни отмечает, что традиционная среда обитания для казахов и образ жизни (нет кочевого скотоводства, к примеру) изменились не только в Китае, но и в Казахстане. Это подтверждается и антропологическими теориями о способности/потере накопленных в ходе

истории умением управлять пространством ввиду смены территории или образа жизни тех или иных групп/людей к пространственной ориентации.

Условно можно выделить две группы теорий, которые доказывают, что эти способности врожденные («mental map») или приобретенные в результате практической деятельности («practical mastery»)*. По Т. Ингольду, ментальная (когнитивная) карта есть «полное описание объектов, их характеристик и расположения, а также отношений между ними [16]. Согласно А. Геллу, основное содержание ментальной карты не меняется в течение определенного времени и не индексируется в зависимости от субъекта [17]. Гелл считает, что картографическое и ментальное видение мира есть любая система аксиоматических неиндексируемых в виде знаков утверждений.

Степень отчуждения казахов в Китае от китайского общества и его структур, несмотря на политику поддержки развития культур этнических меньшинств, по мнению А. Черни, растет. Китаизация казахского этноса, пройдя через сложные периоды социоэкономической адаптации, находится на этапе инкорпорации в административные и политические структуры, когда интеллектуальная элита соотносит свои действия с настроением и мыслями правящего режима. Китайское правительство отрицает, что этнические меньшинства являются коренными жителями того или иного региона и, следовательно, обречены принять политику некоторого ограничения их прав на ведение образа жизни, не соответствующего генеральной линии по их постепенному «цивилизированию». Хотя культурные особенности могут сохраняться через спонсируемые государством каналы — масс-медиа, культурные программы и мероприятия. В отношении культур этнических меньшинств акцент делается на то, что вековое проживание рядом с китайцами наложило неизгладимый отпечаток на их культурное развитие, следовательно, их культура есть неотъемлемая часть китайской культуры**.

А. Динер изучал механизмы мотивации репатриации казахов из Монголии через концепт родины и пришел к выводу, что объективной причиной является поиск не родной земли и восстановление связей

* Ментальная карта по своей сути есть мысленное представление (модель) взаиморасположений объектов относительно друг друга в евклидовой системе координат. Ментальная карта казахов трансформировалась в течение смены эпох на казахской земле в процессе миграций на большие расстояния. Среда обитания изменилась, что отражается существенно на ментальной карте. Хотя остались иные знаки как путеводители в природном и социальном мирах в виде обрядов, ритуалов, словесных формул и лингвистических особенностей.

** В рамках данной статьи мы не рассматриваем территориальные проблемы между Россией, Китаем и Казахстаном, что, по сути, является ключом к интерпретации статуса и идентичности казахов Китая и России — как пришлое или коренное население, чьи права государство должно защищать.

с этническими собратьями, а лучших, по сравнению с Монголией, экономических возможностей. Те, кто имел достаточно высокий социальный статус о миграции, сумели именно благодаря этому успешно адаптироваться к реалиям современного Казахстана, для остальных невозможность заниматься кочевым скотоводством на земле предков привела к решению вернуться и оставаться казахами в Монголии [18]. Зарубежные исследователи отмечают, что пока рано говорить о прогрессе в реализации политики этнической репатриации в Казахстане и по причине культурного разрыва между казахами в стране (городские и сельские) и репатриантами [19].

Этатистский подход в изучении этнических групп в Китае и их последующей репатриации советским правительством использован и в работах Н. Аблажей [20]. Закрытие системы ГУЛАГа как основного поставщика дешевой рабочей силы, изменения в статусе депортированных народов, невосполнимые демографические потери в ходе коллективизации, репрессий и принудительных миграций до и во время Второй мировой войны поставили под угрозу выполнение планов советского руководства не просто «догнать и перегнать Америку», но и наладить жизнеобеспечение жителей Страны Советов. Экономическая целесообразность (индустриальное развитие и освоение целинных и залежных земель с середины 1950-х гг.) вызвала к жизни поиск внешних демографических ресурсов и необходимость внести изменения в интерпретацию статуса этнических групп в странах пребывания и их поэтапной репатриации, используя, прежде всего, гражданский принцип (с идеологическим подтекстом — «не может быть двух родин») [21]. Родина русских — Россия как составная часть СССР, казахи имеют советскую государственность — Казахская ССР. По возвращении в Советский Союз репатрианты должны были включиться в общий процесс строительства социализма на своей родине. До конца 1950-х гг. советское правительство считало всех людей, покинувших пределы советской России, как временно вышедших из-под его контроля, предателями (первоначальный статус для мигрантов из Китая — перебежчики), независимо от обстоятельств, которые привели их за границу, и независимо от того, как вели себя эти люди в другой стране [22].

По статусным характеристикам репатрианты из Китая, несмотря на отсутствие ограничений в политических правах, в основном относились к дискриминируемой категории населения СССР. Они являлись целевой группой, в отношении которой проводились массовые репрес-

сии, существовали ограничения на территориальную мобильность и экономическую деятельность*.

Уделяют внимание современные авторы и историческому контексту казахской диаспоры на примере Китая и России. Так, известный казахстанский китаевед К. Хафизова отмечает, что в современной китайской историографии доминирует имперская трактовка истории, когда «народы Синьцзяна рассматриваются как *куаго миньцзу* — трансгосударственные (разделенные) народы либо *куацзин миньцзу* — трансграничные народы (народы, проживающие по обе стороны границы). Признавалась в Цинской империи и категория «приходяще-уходящих народов», которые вели сезонную хозяйственную деятельность также по обе стороны границы» [23, 24]. Китайское руководство подчеркивает именно культурные различия между этническими группами СУАР и китайцами, которые могут быть устранены посредством государственного регулирования культурных процессов — от поддержки этнической культуры через внедрение во все сферы китайского языка до изменения зоны обитания, то есть переход от кочевого скотоводства к земледелию, торговле и производству в городах.

Трагические страницы казахов Синьцзяна были описаны Лиасом Годфри [25]. Линии геополитического разлома в Китае и Советской Средней Азии по живому раскроили судьбы казахов, обрекли одних сложить головы на поле брани за неосуществимые в то время планы создания независимого казахского государства, других вынудили покинуть родные просторы, а остальные попали в жернова политической трансформации в Китае после прихода к власти коммунистов.

Современные российские исследователи рассматривают историю появления *этнических казахов* в современных пределах Российской Федерации (на Алтае, прежде всего) как результат их вынужденной инкорпорации административными органами российской империи, что было вызвано, прежде всего, императивами охраны внешних границ и заселения обезлюдивших территорий (алтайская школа востоковедения, созданная В. Моисеевым) [26]. По мнению И. Анисимовой, политика Российской империи и регламентирующая деятельность местных властей по миграции казахов способствовали закреплению казахов на землях Алтая. Основная цель — не допустить переход казахов в китайское подданство и в качестве поощрительного (в отношении

* При предоставлении гражданства во внимание принимался политико-идеологический критерий: 1) причины и время миграции в Китай; 2) роль и степень участия группы в событиях в Синьцзяне в период с 1930 по 1949 г., на стороне просоветских сил или иных, боровшихся за власть в регионе; 3) положение группы в Синьцзяне — возможна ли была ее интеграция в китайское общество.

казахов) и протекционистского (для защиты от цинских притязаний, поскольку казахи номинально были подданными России) механизма была использована необходимость заселения опустевших после падения (разорения) Джунгарии алтайских пастбищных угодий [27, 28].

Проблемы, связанные с этнической репатриацией в Казахстане: международно-правовое регулирование [29], политика административного управления их расселением и перемещениями в стране, программы экономической помощи, социальные и культурно-психологические аспекты адаптации оралманов, рассматриваются в ряде социокультурных исследований и работ, выполненных в русле количественной и качественной социологии. Большая часть экспертов выражает свое отношение к проблемам этнической репатриации в форме публичного диспута на страницах средств массовой информации и в Интернете [30].

А. Галимова отслеживает изменения в статусе этнических репатриантов в казахстанском правовом поле:

1) до 1997 г. они были частью общих миграционных процессов и имели статус в широком диапазоне — от переселенцев и беженцев до репатриантов, предоставляемый для соотечественников и лиц коренной национальности, независимо от срока давности выезда из страны;

2) с 1997 г. оралманы рассматриваются как самостоятельная (квотируемая) часть мигрантов, с правом на установленный государством объем материальной и социальной помощи. Принятие Закона РК «О миграции населения» (1998) [31] и Концепции репатриации этнических казахов на историческую родину (1998) [32] подняло решение вопросов репатриации и обустройства оралманов на уровень одного из приоритетных направлений внутренней политики государства.

С 2005 г. доктринальное и институциональное оформление комплекса проблем, связанных с оралманами, стало неотъемлемой частью решения задач по реализации Стратегии вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира [33]. Этнодемографический потенциал (внутри и за пределами страны), помимо обладания богатыми природными ресурсами, призван стать социальным капиталом и проложить дорогу в будущее страны. Помимо качественного адресного улучшения системы поддержки оралманов в налаживании жизни в стране, проводится и политика поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Новый закон о миграции населения (июль 2011 г.) [34] определяет принцип включения потенциальных репатриантов в квоту и наделяет статусом оралманов по ключевым критериям (в порядке приоритетности):

- 1) этничность — казахская по удостоверяющим документам;
- 2) уровень образования и профессиональные навыки;
- 3) состав семьи — многодетным отдается предпочтение;
- 4) совершеннолетняя молодежь (для обучения в вузах страны);
- 5) страна проживания — нестабильная политическая и социально-экономическая ситуация.

В официальном, научном и публичном дискурсе об этнической репатриации выделяются несколько основных концептов, каждый из которых нуждается в тщательной проработке:

1) репатриация оралманов — одно из оснований строительства государства казахского народа, один из этнокультурных кодов Республики Казахстан (государствообразующая идея);

2) оралманы — часть казахского народа и их возвращение на историческую родину есть восстановление исторической несправедливости;

3) казахи — разделенный народ и должны на данном историческом этапе своей истории и государственности воссоединиться. Отношение к казахской диаспоре и политика репатриации казахстанского правительства после обретения независимости есть составная часть курса на переосмысление исторического прошлого народа и попыток «переделать» историю через предоставляемую возможность миллионам этнических казахов, живущим за пределами территории Республики Казахстан, быть сопричастными к истории своего народа. Политика по репатриации и развитию отношений с казахской диаспорой (соотечественники), проведение всемирных курултаев казахов есть продолжение этой политики на международной арене. Новый взгляд на историю советского периода позволил дать оценку причинам ухода и невозвращения миллионов семей, покинувших пределы своей земли и не имевших возможности вернуться по многим не зависящим от них причинам;

4) оралманы — «золотой генофонд» казахского народа, поскольку большая часть исконно казахской традиционной культуры сохранилась в среде зарубежных казахов (Монголия и Китай), несмотря на инокультурное окружение;

5) оралманы — составная часть казахского народа, которая должна быть мобилизована для решения сложных процессов создания государства и нации;

6) оралманы и их репатриация — один из ресурсов для восполнения демографических потерь после распада СССР. Рождаемость среди репатриантов значительно выше, чем у местных казахов. Эт-

ническая репатриация призвана решить имеющуюся в наличии проблему ликвидации разрыва между потребностями в рабочей силе и ее качественными характеристиками;

7) репатриация этнических казахов — спасение казахского этнического потенциала в Казахстане и их исчезновения в принимающих обществах из-за политик по насильственной ассимиляции;

8) этнические репатрианты являются этностабилизирующим и легитимизирующим фактором для поддержания межэтнического баланса;

9) оралманы являются новой социальной категорией с ярковыраженным этнокультурным компонентом, определенным гражданским статусом, но без возможности претендовать на экономические ресурсы, что выводит их проблемы в русло социальной политики и прогнозирования, предотвращения социальных конфликтов;

10) оралманы из Китая могут оказать неоценимую помощь в усвоении опыта нашего соседа.

К настоящему времени наметились две основные тенденции в трактовке положения оралманов в Казахстане: 1) определение их как социальных аутсайдеров и 2) нереализованный социальный капитал [35].

Интернет-публикации относительно адаптации этнических мигрантов к современным казахстанским реалиям: как культурным, так и социально-экономическим, отличаются широкой палитрой взглядов. Так, публикации на сайте радио «Азаттык» [36] носят в основном критический характер. Авторы публикаций подчеркивают слабый контроль со стороны государственных органов за тем, как местные органы власти работают над продвижением программ по обустройству репатриантов, высокую степень коррупционной составляющей «в списке сложностей на пути интеграции репатриантов в казахстанское общество» [37], отсутствие ясного механизма фильтрации репатриантов при совершенно непрозрачной схеме получения статуса оралмана [38].

Политика казахстанского государства по оседанию оралманов в сельской местности не вызывает у большинства из них энтузиазма, многие переезжают ближе к городам, поскольку свободные земельные ресурсы на селе практически отсутствуют, тогда как в городе есть возможность найти временную работу и открыты большие возможности для детей, ради которых они и вернулись на историческую родину.

Руководство Казахстана не было готово к тому, что оралманы не согласятся на предлагаемые им условия проживания (география, принцип расселения — сельская местность, малые города, относящиеся к

категории депрессивных, слабая подготовленность или пассивность местных административных органов к решению комплекса социальных проблем) и будут перебираться ближе к центрам экономической жизни страны, тем самым создавая дополнительные трудности [39].

Жизненная необходимость вызывает сдвиги в сознании и стратегиях выживания репатриантов, привязка к традиционному образу жизни увязывается напрямую с невозможностью заниматься скотоводством или земледелием. Быстрая смена ориентиров свидетельствует о том, что главной движущей силой для них является необходимость адаптации под внешнюю среду для выживания и обеспечения средств к существованию.

Культурная социализация, по мнению Т. Мамираимова, должна стать одним из основных инструментов для успешной интеграции оралманов в казахстанское общество. При этом акцент делается на создании своеобразной историко-культурно-лингвистической карты этнических казахов, проживающих за рубежом, по которой нужно будет формировать особую политику в отношении той или иной категории оралманов [40].

Ряд исследований выявил наличие серьезного конфликтного потенциала в казахстанском обществе, что вызвано, с одной стороны, недовольством значительной части местного населения «особой политикой поддержки» государства этнических репатриантов [41]. А другой стороной является то, что информация о плачевном состоянии оралманов не будет способствовать притоку новых мигрантов.

Таким образом, в исследовательском поле изучения современных этнических мигрантов в Казахстане выявляется ряд проблем, среди которых важнейшее место занимают теоретико-методологические. Seriously затрудняет изучение оралманов, прежде всего, неопределенность терминов «этническая репатриация», «этническая миграция», «диаспора», «ирредента» и разницей в официальном, научном и публичном дискурсе.

Необходимо констатировать, что практически все проблемы, так или иначе, связанные с этнической репатриацией, следует изучать, используя современные теоретико-методологические подходы. Этнические группы, проживающие за пределами своей исторической родины, можно рассматривать с точки зрения теорий международной миграции или теорий диаспор, последняя обладает более широким спектром аналитических инструментов и включает несколько уровней анализа — от макро до микро, включая и биографический анализ, а также специфику внутренней политики принимающего государства

и заинтересованных сторон. Необходимо рассмотреть, как протекают процессы фрагментации диаспоры — на уровне самой группы либо инспирированные государством и принимающим сообществом, а также внешней стороной — к примеру, режимом, находящимся у власти на исторической родине и т.д.

Кроме того, необходимо изучение умонастроений этнических репатриантов до и после приезда в Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сыроежкин К. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. — Алматы, 1998.
2. Brubaker, R. The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*. — Vol. 28. — 2005. — Pp. 5—6.
3. Мендикулова Г. Исторические судьбы казахской диаспоры. — Алматы: Гылым, 1997.
4. Там же.
5. Svanberg, I. The Kazakhs of China. Essays on an Ethnic Minority / Ed. by Linda Benson. — Stockholm, 1988.
6. Diener, A. Kazakhstan's kin state diaspora: settlement planning and the oralman dilemma // *Europe-Asia studies*. — Glasgow, 2005. — Vol. 57. — Pp. 327—348.
7. Cerni, A. Going where the grass is greener: China Kazakhs and the Oralman immigration policy in Kazakhstan // <http://www.case.edu>*
8. Lias Godfrey. Kazak exodus // <http://pratyeka.org>.
9. Аблажей Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Отв. ред. В. Ламин. — Новосибирск: СО РАН, 2007.
10. Чесноков А. «Возвращение соотечественников» в иммиграционной политике // <http://www.intertrends.ru>.
11. Жангуттин Б. Репатриация советских граждан в Казахстан из Синьцзяна // Алтаев А., Жангуттин Б. Краткие очерки истории Казахстана. — Алматы: Бастау, 2008. — С. 175—202.
12. Svanberg, I. Op. cit.
13. Gladney, Dru C., Jianmin Wang. Relational identities: constructing Kazakh identification in China // <http://archives.acls.org>.
14. Ibid.
15. Cerni, A. Op. cit.
16. Ingold, Tim; 1993. "Temporality of landscape" *World Archaeology* 25/2: 152—174.
17. Gell, A. How to read a map: Remarks on the practical logic of navigation // <http://www.jstor.org>.
18. Diener, A. Kazakhstan's kin state diaspora: settlement planning and the oralman dilemma // *Europe-Asia studies*. — Glasgow, 2005. — Vol. 57. — Pp. 327—348.
19. Ferrando, O. Politics of "Diasporization" in Post-Soviet Central Asia // <http://www.inter-disciplinary.net/2009>.
20. Аблажей Н. Указ. соч.
21. Полян П.М. География насильственных миграций в СССР // URL: <http://ecsocman.hse.ru>.
22. Жангуттин Б. Указ. соч.
23. Хафизова К. Казахско-китайская граница в прошлом и сегодня // <http://www.kyrgyz.ru>.
24. Мухаметхан-улы Н. Казахи в Китае — на земле своих предков // Туркестан. — 2010, 19 августа. — №33.
25. Lias Godfrey. Op. cit.

* Дата последнего обращения к используемым интернет-ресурсам — 21.11.2011.

26. Моисеев В. Россия — Китай: Современные мифы и историческая реальность. — Барнаул, 2001; «Урянхайский вопрос» в русско-китайско-казахских отношениях (конец 50-х — начало 60-х гг. XVIII в.) // <http://new.hist.asu.ru>.
27. Анисимова И. Миграционная ситуация на границе Алтайского округа с Китаем и Монголией в 1913—1916 гг. // <http://new.hist.asu.ru>.
28. История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа: вторая половина XVIII — начало XX в.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.02. — Барнаул, 2004 // <http://www.lib.ua-ru>.
29. Галимова А. Вопросы государственно-правового регулирования миграционных репатриационных процессов в Республике Казахстан // <http://sun.tsu.ru>.
30. Оралманы: от социальных аутсайдеров к качественному человеческому капиталу // <http://www.ipr.kz>.
31. О миграции населения. Закон Республики Казахстан (действует с изменениями от 27 марта 2002 г., 12 января и 6 июля 2007 г.) // <http://antropotok.archipelag.ru>.
32. Концепция репатриации этнических казахов на историческую родину // <http://akimvko.gov.kz/ru>.
33. Назарбаев Н. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира: приоритеты и пути реализации // <http://www.kisi.kz>.
34. О миграции. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 г. // <http://online.prg.kz>.
35. Оралманы: от социальных аутсайдеров к качественному человеческому капиталу...
36. Женщины-оралманки на поденной работе // <http://rus.azattyq.org>.
37. Коррупция и незаконная миграция. Исследование общественного фонда «Транспаренси Казахстан» // <http://www.transparencykazakhstan.org>.
38. Костин А. Новые вызовы для казахстанского общества. Политический аспект проблемы оралманов. Ч. 1. // <http://www.postsoviet.ru>.
39. Уалтаева А. Численность оралманов в малых городах и поселках городского типа Восточно-Казахстанской области (1991—2002 гг.) // Казахстан-Спектр. — 2005. — №2. — С. 45—48.
40. Мамираимов Т. Аккультурация как фактор социальной мобильности оралманов // <http://www.nomad.su>.
41. Оралманы: реалии, проблемы и перспективы. Социологический опрос. Центр Социальных технологий // <http://zonakz.net>.

Продолжительность жизни и факторы, ее определяющие

АХМЕДЬЯРОВА М.В.

Выделение компонента «уровень здоровья и продолжительность жизни населения» как одну из главных структурных составляющих качества жизни обусловлено следующим соображением: в мировой практике уровень и динамика здоровья, продолжительность жизни ставятся на первое место при определении условий жизнедеятельности, поскольку рассматриваются как базисная потребность человека, главное условие его жизнедеятельности.

Продолжительность жизни представляет интегральное выражение целого ряда факторов, определяющих человеческое развитие как здоровый образ жизни, эффективность системы здравоохранения, уровень жизни, состояние окружающей среды и др.

В конце 80-х — первой половине 90-х гг. прошлого века в Казахстане произошло беспрецедентное в послевоенный период падение продолжительности жизни населения. Она сократилась с 70,5 лет в 1986—1987 гг. до 63,5 лет в 1995 г., или на 7 лет. Аналогичная картина наблюдается и в других странах СНГ. В частности, в России продолжительность жизни снизилась с 70,1 года в 1986—1987 гг. до 64 лет в 1994 г. [1].

На первых этапах перехода к рыночной экономике средняя продолжительность жизни при рождении в Казахстане в 1992—1995 гг. снизилась по сравнению с 1991 г. на 4,1 года (с 67,6 до 63,5 года), а затем начала медленно увеличиваться и составил в 2010 г. 68,4 года (табл.).

По результатам Аналитического исследования общей смертности в Казахстане, подготовленной Фондом ООН в области народонаселения, республика значительно отстает от стран, входящих в число пятидесяти конкурентоспособных стран мира. В 2010 г. средняя

продолжительность жизни в Казахстане составила 68,4 года, что значительно меньше, чем в странах, входящих в состав пятидесяти лидирующих государств.

Табл. Ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении в Республике Казахстан

Год	Все население	Мужчины	Женщины	Разница
1990	68,1	63,2	72,7	9,5
1995	63,5	58,0	69,4	11,4
1998	63,9	59,0	70,4	11,4
1999	65,7	60,3	71,0	10,7
2000	65,5	59,8	71,3	11,5
2001	65,8	60,2	70,4	10,2
2002	66,0	60,7	71,5	10,8
2003	65,9	60,5	71,5	11,0
2004	66,2	60,6	72,0	11,4
2005	65,9	60,3	71,8	11,5
2006	66,2	60,7	72,2	11,5
2007	66,3	60,7	72,6	11,9
2008	67,1	61,9	72,4	10,5
2009	68,3	63,5	73,2	9,7
2010	68,4	63,5	73,3	9,8

Примечание: составлено автором согласно источникам [2; 3; 4].

В 2010 г. уровень смертности в Казахстане составил 8,9 умерших на 1 000 человек. По данным ВОЗ, величина показателя преждевременной смертности в республике более чем в 5 раз выше, чем в странах Западной Европы. В СНГ Казахстан по данному показателю занимает второе место. В качестве сводного показателя уровня здоровья, отражающего полный диапазон состояний здоровья населения, а не только смертности, ВОЗ использует такой

показатель, как ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ).

Данные показывают не только более короткую среднюю ожидаемую продолжительность жизни в Казахстане по сравнению с развитыми странами мира (в 34-х странах мира она составляет 75—80 лет), но и значительную дифференциацию продолжительности жизни по половому признаку, приводящую к проблеме мужской высокой смертности. Разрыв в продолжительности жизни женщин и мужчин увеличился с 9,5 лет в 1990 г. до 11,9 лет в 2007 г. и только с 2008 г. стал сокращаться и составил в 2010 г. 9,8 лет, что намного превышает естественное (5 лет) различие (рис. 1).

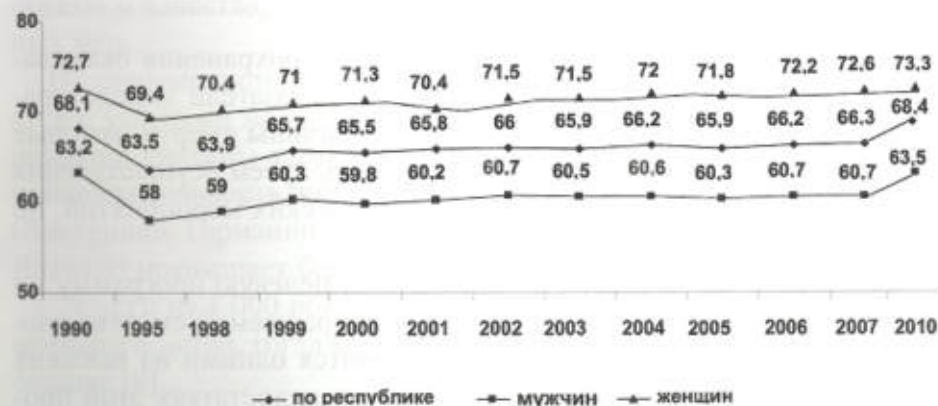

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении в Республике Казахстан

Примечание: составлено автором согласно источникам [2; 3].

Например, в экономически развитых странах Европейского региона Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) средняя ожидаемая продолжительность жизни составила: в Соединенном Королевстве — 77,6 лет (75,1 лет у мужчин и 80 лет у женщин), во Франции — 78,9 лет (75 у мужчин и 82,7 лет у женщин), в Швеции — 79,6 лет (77 лет у мужчин и 82,2 года у женщин), в Германии — 78,1 лет (74,9 лет у мужчин и 81 год у женщин).

Как видно из рисунка 2, для некоторых стран СНГ, при ОПЗЖ на уровне 50-ти лет, ее показатель варьирует в диапазоне от 49,6 до 60,6 лет — в какой-то мере эти различия служат отражением особенностей, обусловленных влиянием политики укрепления здоровья и проведения профилактических мероприятий, а также уровнем качества работы систем здравоохранения в целом [5].

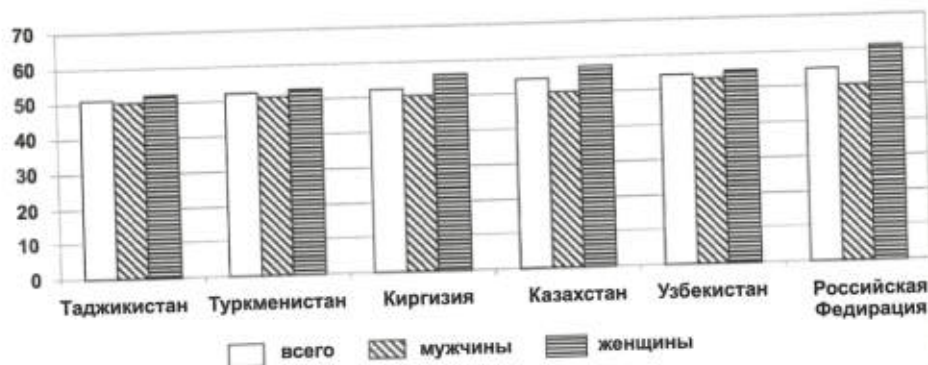

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (годы)

При оценке результативности систем здравоохранения оказываются более приемлемыми так называемые показатели «предотвращаемой смертности». В их число входят причины смерти, которые в значительной степени можно предупредить путем осуществления своевременных и действенных профилактических мероприятий, но которые, тем не менее, имеют место.

Так, например, несмотря на имеющуюся целевую программу по борьбе с туберкулезом, показатели «предотвращаемой смертности» по этому заболеванию в Казахстане являются одними из высоких среди стран СНГ, что говорит о возможных недостатках этой программы (рис. 3).

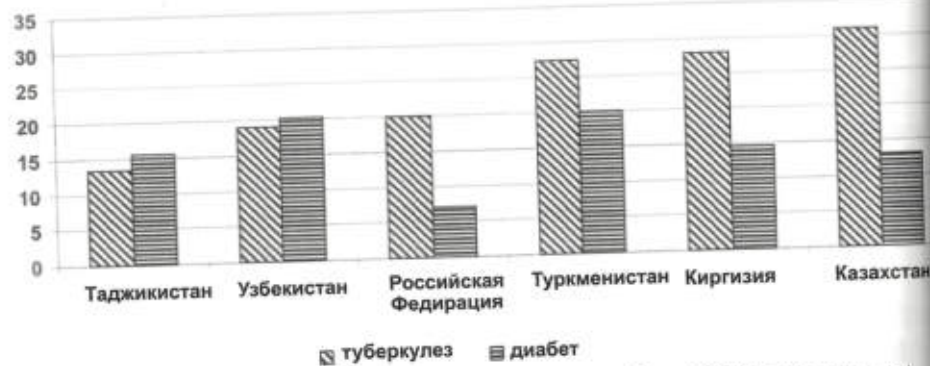

Рис. 3. Предотвращаемая смертность (смертей на 100 000 населения)

В Казахстане на туберкулез органов дыхания приходится почти 80% случаев смерти от инфекционных и паразитарных заболеваний. Заболеваемость туберкулезом органов дыхания приняла характер

эпидемии. Если за период с 1991 по 2000 г. заболеваемость активной формой возросла в целом по стране в 2,3 раза и достигла уровня 153 случаев на 100 тысяч населения, то в 2003 г. этот показатель достиг 160. Только с 2004 г. наблюдалось снижение, хотя в целом уровень заболевания по республике оставался высоким и составлял в 2010 г. 95 случаев на 100 тысяч человек. Всего на учете лечебных учреждений по данному заболеванию состояло в 2010 г. 27,3 тысяч человек, или 166 человек на 100 тысяч населения [6, 7].

Анализ создавшейся ситуации показывает, что в Казахстане, как и в других странах мира, распространение туберкулеза зависит от социальных и экономических факторов, состояния экологии регионов, объема и качества, оказываемых населению лечебно-оздоровительных мер.

На современном этапе борьба со смертностью все более связывается с успехами медицины и деятельностью высокоэффективной и развитой системы здравоохранения. К началу 1990-х гг. ожидаемая продолжительность жизни в семи наиболее развитых странах мира (Австралии, Германии, Италии, Великобритании, США, Франции и Японии) превышает барьер 77 лет (у мужчин — 72 года, у женщин — 79 лет); из 1 000 новорожденных на первом году жизни умирает не более 8 детей, тогда как в начале века умирало примерно в 10 раз больше [8].

Разработка концепции человеческого развития в годы кардинальных успехов в борьбе со смертностью не является случайностью. Здоровье и долголетие — это не только составляющие и следствие человеческого развития, но и важнейшие его предпосылки.

В концепции человеческого развития долголетие рассматривается как способность прожить долгую и здоровую жизнь. Общеизвестно, что для всестороннего развития человеческого потенциала, наряду с физическим долголетием, необходимо и здоровье.

В Стратегии «Казахстан-2030» здоровье граждан определено одним из основных долгосрочных приоритетов развития общества. Здоровье населения и экономическое развитие страны взаимосвязаны. Невозможно ставить задачу устойчивого развития, не думая о здоровье народа и, наоборот, добиться улучшения состояния здоровья населения без достижения устойчивого экономического роста. Состояние здоровья населения является важным показателем социальной ориентированности общества и социальных гарантий, характеризующих степень ответственности государства перед своими гражданами.

Здоровье является одним из основных условий получения образования в молодости и постоянного его совершенствования в дальнейшем. Здоровье, являясь основой высокопроизводительного труда, позволяет увеличивать личное и общественное благосостояние.

Долгая и продолжительная жизнь дает не только право выбора, но и возможность его реализации.

Сокращение смертности населения дает возможность накопления знаний как на основе личного, более длительного жизненного опыта, так и в ходе взаимоотношения поколений. Наиболее значимой становится передача культурных ценностей от поколения к поколению.

Согласно Уставу ВОЗ, здоровье определяется как «состояние полного духовного, физического и социального благополучия» [9]. Это определение всеобъемлюще, однако неконструктивно, поскольку не поддается количественному измерению.

В качестве индикаторов, характеризующих в обобщенном виде состояние здоровья населения, могут быть использованы такие, как средняя продолжительность жизни, смертность, в том числе детская и материнская, и т.п. По результатам прямых обследований определяется структура населения по группам здоровья.

До перехода к рыночной экономике доля практически здоровых людей в возрасте до 20 лет составляет около половины населения, во второй и третьей группе — примерно по одной четверти, в последней — менее процента. С возрастом доля людей в первой группе быстро сокращается, во второй — несколько медленнее и растет в третьей и четвертой группе. В старших возрастах (уже после 40 лет) доля людей в третьей группе составляет более половины [10].

Для того чтобы управлять здоровьем населения, необходимо воздействовать на основные факторы, определяющие его уровень. Современная гигиеническая наука считает, что состояние здоровья населения определяется тремя основными факторами: генофондом популяции, состоянием окружающей среды и социально-экономическими факторами (жилищные условия, питание, доступность физической культуры, возможности для рекреации и проведения полноценного досуга, уровень здравоохранения). Из этого следует необходимость анализа факторов, влияющих на здоровье населения.

Исследования показывают, что средняя продолжительность жизни, другие показатели здоровья людей в значительной мере зависят от степени загрязнения окружающей среды, а показатели состояния

здоровья населения могут выступать функцией состояния природной среды.

Учитывая зависимость средней ожидаемой продолжительности жизни от различных факторов, мы предлагаем следующую ее модель:

$$Y = a + b_1x_1 + b_2x_2 + \dots + b_nx_n + \mathcal{E},$$

где величина Y (продолжительность жизни), рассматриваемая как зависимая переменная, состоит из двух составляющих:

1) неслучайной составляющей $a + b_1x_1 + b_2x_2 + \dots + b_nx_n$, где величины x_i , $i = 1, n$ (различные экологические факторы) — не зависящие переменные, а постоянные величины a, b_1, b_2, \dots, b_n — параметры уравнения;

2) случайного члена \mathcal{E} .

Мы предлагаем рассмотреть зависимость средней ожидаемой продолжительности жизни от 4-х факторов:

- уровня загрязнения атмосферного воздуха (x_1);
- уровня загрязнения водных источников (x_2);
- уровня загрязнения почв (x_3);
- уровня бедности населения в стране (x_4).

Коэффициент a показывает прогнозируемый уровень функции Y (средней ожидаемой продолжительности жизни) при отсутствии влияния на нее экологических и других факторов.

Вычислив значения соответствующих параметров, мы получили следующее уравнение [11]:

$$Y = 66,3 - 0,324x_1 - 0,752x_2 - 0,21x_3 - 0,057x_4 + \mathcal{E}.$$

Это уравнение и будет описывать зависимость продолжительности жизни от различных факторов. На основе настоящей модели можно прогнозировать увеличение или уменьшение ожидаемой продолжительности жизни. Так, например, отрицательное влияние фактора x_2 на целевую функцию является наибольшим, так как коэффициент при этом факторе имеет отрицательный знак и наибольшую величину. Следовательно, для увеличения продолжительности жизни надо уменьшать в первую очередь воздействие этого фактора на окружающую среду.

В настоящее время в Республике Казахстан в результате сложного взаимодействия социальных, экономических, медицинских, экологических, психологических, генетических факторов наметились

негативные тенденции ухудшения комплексных социально-демографических показателей, начальным этапом которых явилось ухудшение качества здоровья населения репродуктивного возраста. Так, индекс здоровья среди данного контингента не превышает 15—30%, в городе Алматы данный показатель еще ниже — 15,5% [12]. Частота беременностей, протекающих физиологически и заканчивающихся рождением живого, здорового ребенка, составляет от 2 до 8%.

Низкий исходный уровень качества соматического и репродуктивного здоровья населения на фоне нестабильности социально-экономических процессов обуславливает риск для здоровья последующих поколений популяций людей в стране.

Способность критически оценить риск ущерба здоровью населения и здоровью их потомства предоставит возможность управления данным риском, предупреждать воздействие на организм человека как экзогенных, так и эндогенных агентов и улучшать показатели репродуктивного здоровья.

В эпоху эколого-генеративного диссонанса, в результате нерационального использования природной и производственной среды обитания, человек находится под действием многофакторной агрессии со стороны данной среды. Исследования, проведенные группой ученых Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), установили, что в формировании качества здоровья населения доля окружающей среды составляет 20% [13].

Загрязнение окружающей среды создает опасность для здоровья человека. Основанием для такого суждения служат:

- во-первых, многочисленные жалобы населения, проживающего в условиях загрязненной окружающей среды;
- во-вторых, данные медицинской статистики, свидетельствующие о тенденции к росту заболеваемости;
- в-третьих, данные специальных научных исследований, направленных на количественное определение связи между загрязнением окружающей среды и его влиянием на организм.

В связи с этим, оценка риска здоровью человека, который обуславливается загрязнением окружающей среды, является в настоящее время одной из важнейших медико-экологических проблем.

Результаты научных исследований медицинских школ различных стран мира свидетельствуют о непосредственной причинно-следственной связи загрязнения окружающей среды и нарушений репродуктивной функции населения [14]. Причем исход беременности и

родов, судьба плода зависят от фазы адаптации организма к степени агрессии окружающей среды [15, 16].

Таким образом, социальное самочувствие общества прямо проектируется на демографическое поведение населения, которое не носит сейчас оптимистического характера. Необходимо отметить, что Казахстан прошел длительный период стадии демографического спада с 1985 по 2004 г. (рис. 4). В этот период показатели демографической рождаемости неумолимо падали. Длительное снижение рождаемости, уменьшение контингента детей привели к старению населения. И только в 2006 г. был достигнут уровень рождаемости 1994 г. и составил 301 тысячу человек. В 2010 г. рождаемость составила 367 тысяч человек [17, 18].

Рис. 4. Динамика естественного прироста населения Казахстана за 1960—2010 гг. (в абс. цифрах)

Меняется вся система демографических интересов и потребностей людей, которая теперь строится на новых ценностях, на «психологии рынка» с ее возрастающей ориентацией на самореализацию личности и предпочтением количеству детей «качество жизни детей». Неуверенность в завтрашнем дне, в своем благополучном существовании в будущем стимулирует демографический пессимизм среди населения, на что оказывает безусловное влияние состояние здоровья и продолжительность жизни людей. Развитие частного сектора медицинских услуг и сокращение объемов бесплатных услуг привели к снижению доступности для многих групп населения объемом медицинской помощи. Поэтому остро сейчас стоит проблема репродуктивного здоровья населения в целом, особенно женщин.

Высокая материнская и детская смертность поднимает проблему приоритетности медицинских аспектов воспроизводства населения, охраны материнства и детства.

Хотя в результате принятых мер в республике наблюдается тенденция к снижению смертности детей до 1 года: с 19,2 в 2000 г. до 16,5 в 2010 г. на 1 000 родившихся, ситуация с младенческой смертностью весьма проблемная еще в ряде регионов.

Предстоит большая работа по снижению материнской и детской смертности. По расчетам ПРООН совместно с отечественными специалистами, до 2015 г. должны быть сокращены: смертность среди детей в возрасте до 5 лет — на $\frac{2}{3}$ и коэффициент материнской смертности — на $\frac{3}{4}$.

Предстоит также разработать программу, включающую увеличение рождаемости и снижение смертности населения за счет оптимизации системы здравоохранения. Эта проблема может быть решена, прежде всего, при активном участии государства.

В определенной степени потеря здоровья связана с образом жизни и поведением людей, а в большей степени — с загрязнением окружающей среды. Экологическая проблема актуальна для многих промышленных городов и целых регионов Казахстана. Отдельно стоит проблема рождаемости и смертности, состояния здоровья и питания, продолжительности жизни населения в зонах экологического бедствия.

При всей значимости влияния фактора состояния окружающей среды на здоровье населения необходимо отметить, что он далеко не единственный. Хорошо известно, что улучшение здоровья населения является, прежде всего, производным положительной динамики социальных и экономических условий. Эффективная экономика выступает важнейшим условием обеспечения высокого уровня медицинского обслуживания, нормальных условий жилья, питания, отдыха и т.п.

К социально-экономическим факторам, влияющим на состояние здоровья населения, относится, прежде всего, здоровый образ жизни. Как известно, среди факторов, влияющих на состояние здоровья, образ жизни занимает ведущее место — до 50%, доля других факторов составляет по 20% и 10% — здравоохранения. Поэтому формирование здорового образа жизни и новое отношение человека к своему здоровью являются главной задачей в улучшении здоровья населения. Быть здоровым должно быть внутренней потребностью каждого человека.

Казахстанская нация для обеспечения устойчивого социального развития нуждается в кардинальном решении задачи по формированию здорового образа жизни. Для этого необходимо разрабатывать и реализовывать в регионах программы «Качество жизни» с включением раздела по развитию спорта и физического воспитания населения.

В республике только 8 из 100 человек взрослого населения регулярно занимаются физической культурой и спортом, всего 5% детей и подростков имеют возможность заниматься в спортивных секциях внешкольных учреждений.

В целом процент обеспеченности спортивными сооружениями от принятых расчетных типовых нормативов составляет:

- по спортивным залам — 24,4%;
- по плавательным бассейнам — 35,5%;
- по плоскостным спортооружениям — 19,9%;
- по лыжным базам — 37,9% от количества населения в данном регионе.

Объем учебных занятий для обучающихся общего и профессионального образования в 3—4 раза ниже научно-обоснованных нормативов. Лишь для 47,3% учащихся и студентов, отнесенных к специальной медицинской группе, созданы условия для занятий в специализированных группах.

Значительно уменьшилось число детско-юношеских спортивных школ.

Сокращены тренерские кадры на 35%, число занимающихся — более чем на 50%.

Отсутствует система физкультурно-оздоровительной и профилактической работы в организациях и учреждениях, а также по месту жительства и отдыха населения.

Не стало системы диспансерных и консультативных служб, лечебно-профилактических кабинетов. Не отработана система управления физическим воспитанием населения.

Отсутствует достаточное финансирование физического воспитания, массового спорта и системы материального стимулирования и налоговых льгот для привлечения дополнительных средств на развитие физической культуры и спорта.

Опираясь на данные антропометрии, можно сказать, что 47% населения (38% мужчин и 53% женщин) старше 15-ти лет страдают от недостаточного питания.

В целом по республике 46% женщин детородного возраста страдают железодефицитной анемией, нетяжелые формы недостаточнос-

ти железа встречаются в 70% случаев, а в 2,8% случаев имеет место тяжелая степень анемии. Среди детей раннего возраста анемию имеют 69,2%, из них у одной трети — выраженная анемия, а в 5% случаев — тяжелая степень [19].

Значительное число болезней является результатом ведения рискованного образа жизни и вредных привычек.

К мерам профилактики также можно отнести такую важную компоненту, определяющую состояние и развитие здравоохранения Республики Казахстан, как ситуация со злоупотреблением населением алкоголя, табака, наркотиков.

В настоящее время, по данным ВОЗ, в мире регулярно курят или употребляют табак в других формах около 1,3 миллиардов человек. Потребление табака ежегодно убивает 5 миллионов людей, примерно 30 тысяч из них приходится на Казахстан. И это число увеличится до 10 миллионов к 2030 году, когда курение, согласно прогнозам, станет главной причиной смертей, если не предпринять меры по его регулированию.

На момент обследования 63,3% респондентов в Казахстане когда-либо курили, из них 90,1% — мужчины и 9,9% — женщины. Более половины обследуемых респондентов начали курить в возрасте 17—20 лет, четвертая часть — в 14—16 лет. Следует отметить, что из курящего когда-либо населения обследуемых домашних хозяйств продолжают курить — 91,8% и бросили курить — только 9% [20].

Исследования по профилактике заболеваний и стимулированию здорового образа жизни предлагают разнообразные стратегии улучшения здоровья людей, такие, например, как повышение качества пищи, воды и жилья.

Так, в частности, несмотря на принимаемые меры, остается сложной ситуация по обеспечению населения доброкачественной питьевой водой, доступ к водопроводной питьевой воде имеет только 75,1% населения республики.

Состояние здоровья населения, а также эффективность лечения во многом зависят от технической оснащенности медицинских учреждений. Высокий уровень обеспечивает своевременную диагностику заболеваний, их профилактику и качественное лечение.

Агентством Республики Казахстан по статистике в 2005 г. проведено выборочное обследование 12 тысяч домохозяйств. Цель обследования — оценка общего статуса здоровья населения, изучение доступности и возможности использования услуг здравоохранения населением.

Результаты обследования показали, что 4,2% населения оценили свое здоровье как очень хорошее, 47% — хорошее, 42,5% — удовлетворительное, 5,9% — плохое, 0,4% — очень плохое.

При удовлетворении своих потребностей в медицинском обслуживании большинство респондентов отдают предпочтение государственным учреждениям. Так, в государственных медучреждениях лечатся 72,4% респондентов и только 3,9% — в частных [21].

Здравоохранение входит в число основных проблем, с которыми сталкивается население Казахстана в повседневной жизни, хотя в целом по республике наблюдается положительная динамика в росте численности врачей на 10 тысяч населения: с 34,6 в 2001 г. до 38,8 в 2010 г. и среднего медицинского персонала: с 73,8 до 78,6 соответственно. Согласно результатам исследования Всемирного банка, только около трети опрошенных домохозяйств считают услуги здравоохранения легко доступными и около 20% считают качество этих услуг удовлетворительным.

Надо признать, что качество медицинского обслуживания оставляет желать лучшего. Растут требования граждан к оказанию своевременной и квалифицированной помощи. Главными проблемами для здравоохранения остаются дефицит и недостаточная квалификация кадров, низкая заработная плата медицинских работников, слабая материально-техническая база и оснащение медицинских организаций, недостаточная активность и ответственность граждан за сохранение собственного здоровья.

К сожалению, здравоохранение сегодня больше направлено на меры лечебного характера, нежели профилактику заболеваний, а само население в недостаточной степени ориентировано на охрану своего здоровья. Об этом, в частности, свидетельствует рост выявления опухолевых заболеваний в запущенной форме. В Казахстане ежегодно умирают от онкологии 17 тысяч человек, а также высокий показатель смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний. В целом причинами неудовлетворительного состояния здоровья казахстанцев является слабая профилактическая активность системы здравоохранения, недостаточная ответственность к своему здоровью со стороны населения, неэффективное межсекторальное взаимодействие в вопросах охраны здоровья, а также социально-экономические проблемы переходного периода.

Известно, что существующая система здравоохранения основана и продолжает функционировать на принципах централизованного административного управления. А это, как показывает практика, не спо-

способствует развитию конкуренции и повышению качества и эффективности медицинских услуг. Сегодня на уровне министерства централизованы практически все основные функции, включая лицензирование, аккредитацию, государственные закупки и ряд других, что в целом предопределяет недостаточную эффективность управления отраслью.

Кроме того, одной из основных причин негативной ситуации со здоровьем казахстанцев является низкий уровень расходов на здравоохранение.

Проблема формирования рационального организационно-экономического механизма развития рынка медицинских услуг, определения необходимого объема затрат на общественное здравоохранение существовала давно, но в 1950-х гг. она приобрела особую значимость для мирового сообщества. Возник вопрос о том, как при минимальных затратах достигнуть высокого качества медицинского обслуживания. Согласно текущим рекомендациям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), для того чтобы отрасль здравоохранения могла эффективно функционировать, любое государство должно тратить на нее не менее 5% от ВВП.

На современном этапе Казахстан по субфактору «Здравоохранение и окружающая среда» находится на 54-й позиции (рис. 5) [22]. В данном показателе рассматриваются затраты на здравоохранение, его инфраструктуру, на проблемы окружающей среды и законодательство.

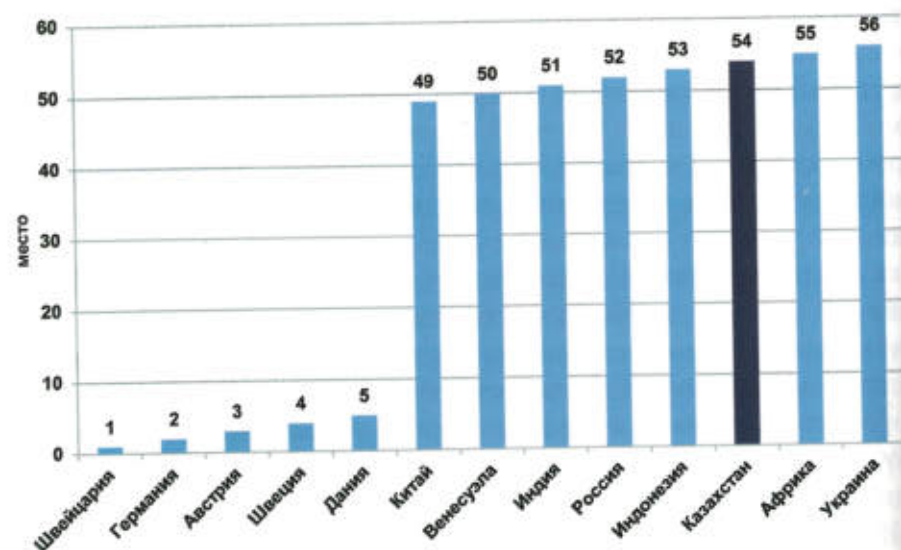

Рис. 5. Позиция Казахстана по методике IMD за 2008 г. по субфактору «Здравоохранение и окружающая среда»

По продолжительности жизни страна находится на низшей 54-й позиции со средним возрастом 68 лет между Россией и Индией, по младенческой смертности — на 54-й позиции. Согласно данным предоставленного доклада об уровне человеческого развития, где проведено сравнение стран по некоторым экономическим, социальным и образовательным показателям, Казахстан находится на 43-м месте после России и Бразилии, но выше Венесуэлы, Колумбии и Украины [23].

Одним из основных условий повышения средней продолжительности жизни казахстанцев является увеличение удельного веса расходов на здравоохранение в ВВП. Сегодня действует Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Қазақстан» на 2011—2015 гг. Целью программы является улучшение здоровья граждан Казахстана для обеспечения устойчивого социально-демографического развития страны. Общие затраты из государственного бюджета на реализацию программы «Саламатты Қазақстан» составят 359 358,9 млн тенге.

При постоянном увеличении расходов, направляемых на развитие здравоохранения, качество услуг не улучшается. Результаты анализа свидетельствуют, что в число основных недостатков действующей системы государственного управления, на устранение которых должны быть направлены мероприятия, проводимые в рамках административной реформы, относятся:

- неспособность рационально и эффективно использовать выделяемые из государственного бюджета средства;
- неспособность исполнительной власти грамотно и четко выполнять политические решения, которые получили отражение в действующем законодательстве.

Итак, в нынешней социально-экономической ситуации роль показателя ожидаемой продолжительности жизни в системе целей экономической политики сравнима с ролью таких основных показателей, как ВВП. Исходя из вышеизложенного, следует, что показатель ожидаемой продолжительности жизни является актуальной, объективной и измеримой характеристикой общественного благосостояния. Следовательно, его целесообразно включить наравне с ВВП в число основных целевых ориентиров экономической политики государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политика доходов и качество жизни населения / Под ред. Н.А. Горелова. — Спб: Питер, 2003. — 653 с. (С. 107).
2. Казахстан в 2007 г. Статистический ежегодник Казахстана. — Астана: Агентство РК по статистике, 2008.
3. Официальный сайт Агентства Республики Казахстан по статистике // <http://www.stat.kz>.
4. Шокаманов Ю.К. Тенденции человеческого развития в Казахстане. — Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2001. — 348 с.
5. Человеческое развитие в Казахстане: Учебник / Под общ. ред. Н.К. Мамырова и Ф. Акчуры. — Алматы: Экономика. — 2003. — 436 с. (С. 156).
6. Казахстан в 2007 г. Статистический ежегодник Казахстана...
7. Официальный сайт Агентства Республики Казахстан по статистике // <http://www.stat.kz>.
8. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического (экономический факультет МГУ) и Т. Маккинли (ПРООН, Нью-Йорк). — М.: Права человека, 2000 — 451 с. (С. 175).
9. Там же. С. 191.
10. Шокаманов Ю.К. Человеческое развитие в Казахстане: методология измерения и анализ. — Алматы: Агентство РК по статистике, 2003. — 372 с. (С. 205—206).
11. Ахмедьярова М.В., Елеуова Р.Т. Продолжительность жизни как базисная потребность человека и показатель качества жизни // Сб. Глобальный экономический кризис: причины, реалии и пути преодоления. — Алматы: КазЭУ, 2009. — Ч. 3 — 320 с.
12. Каюпова Н.А., Шарифканова М.Н., Мамедалиева Н.М. Проблемы экологической репродуктологии // Акушерство, гинекология и перинатология. — 2001. — №1-2. — С. 3—6.
13. Малгаждарова Б.С., Темурян М.К., Мамырбекова С.У., Карсыбекова Р.К. Состояние репродуктивного и соматического здоровья женщин, работавших на фосфорном производстве // Сб. Актуальные проблемы репродуктивной медицины. — Алматы, 2002. — С. 41—44.
14. Каюпова Н.А., Шарифканова М.Н., Мамедалиева Н.М. Указ. соч.
15. Айламазян Э.К., Беляева Т.В. Теория и практика общей экологической репродуктологии // Журнал акушерства и женских болезней. — 2000. — №3. — С. 6—11 (С. 8—10).
16. Асылбеков М.Х., Козина В.В. Демографические процессы современного Казахстана. — Алматы, 1995. — 128 с.
17. Официальный сайт Агентства Республики Казахстан по статистике // <http://www.stat.kz>.
18. Гали Д.А. Демографическая безопасность как фактор национальной безопасности Казахстана // Аль Пари. — 2006. — №1. — С. 20—23.
19. Официальный сайт Агентства Республики Казахстан по статистике // <http://www.stat.kz>.
20. Там же.
21. Там же.
22. Отчет «Исследование рейтинга глобальной конкурентоспособности Республики Казахстан по методике IMD» (окончательный отчет). — Астана, 2008. — 137 с.
23. Там же.

Современное состояние государственного долга развитых стран: анализ основных качественных показателей

ДОДОНОВ В.Ю.

В последние годы, особенно после кризиса 2008—2009 гг. и обострения долговой проблемы в ряде европейских государств, проблематика государственного долга развитых стран стала особо актуальной в связи с резким ростом его относительных параметров, в частности соотношения объемов валового долга и ВВП, которое во многих странах перешло за уровень в 100% или вплотную приблизилось к этой отметке. Данная тенденция является достаточно тревожной, однако для более полной оценки ситуации с долговой нагрузкой на государственные финансы развитых стран целесообразно проанализировать и некоторые другие показатели, привязанные к объему долга.

Начать обзор относительных параметров государственного долга можно с такого распространенного и часто приводимого в экономических дискуссиях показателя, как объем долга в расчете на душу населения (рис. 1).

Данный показатель демонстрирует достаточно низкий разброс значений по различным развитым экономикам, за исключением Японии, где его величина зашкаливает за 130 тысяч долларов, в большинстве стран объем валового государственного долга на душу населения колеблется в пределах 30—45 тысяч долларов. При этом величина данного показателя находится практически на одном уровне у таких разных с точки зрения стабильности государственных финансов стран, как Греция и Норвегия, Бельгия и Канада, Швейца-

рия и Италия. В этом отношении ситуация гораздо ровней, чем при сопоставлении данных стран по соотношению долга и ВВП — если у Греции, Бельгии и Италии оно значительно выше среднего уровня (144, 96 и 118% соответственно по данным за 2010 г.), то у Норвегии и Швейцарии, напротив, существенно ниже (44 и 55% соответственно). Однако по объему долга на душу населения большинство развитых стран имеют сходные значения.

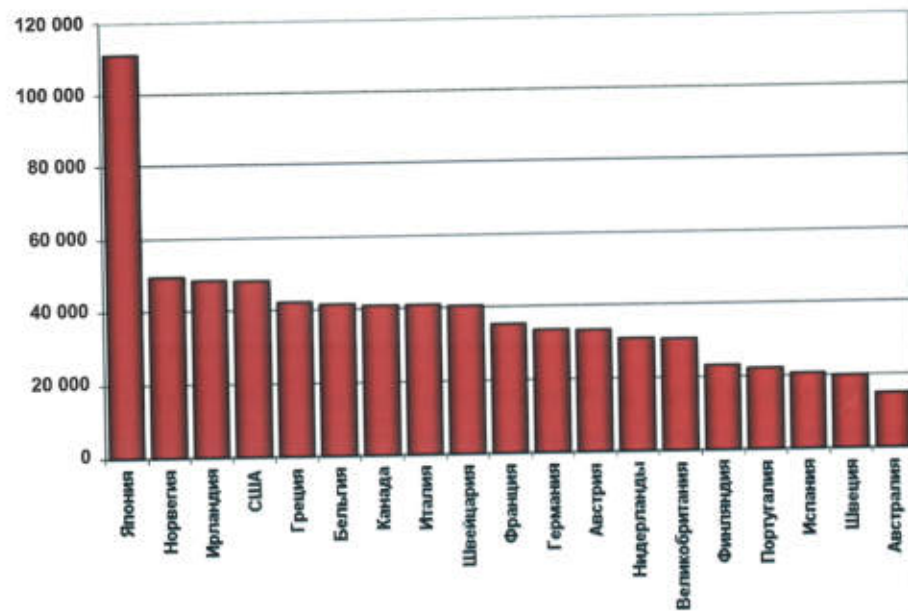

Рис. 1. Государственный долг крупных развитых стран на душу населения в 2011 г., долл. США*

Но отмеченная схожесть показателя долга в расчете на душу населения существенно меняется при рассмотрении не валового, а чистого долга. Под чистым государственным долгом, в соответствии с определением МВФ, понимается валовой долг за минусом таких финансовых активов государства, как монетарное золото, SDR (специальные права заимствования), валюта и депозиты, долговые ценные бумаги, ссуды, страховки и другие счета. Чистый долг, то есть уменьшенный на сумму обязательств перед государством, в некоторых странах является отрицательным, а по другим странам эта величина существенно варьирует и разброс значений многократен.

* Рассчитано согласно данным: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, September 2011; FIBO Group.

в отличие от показателя объема валового долга на душу населения. Ранжирование крупных развитых стран по показателю чистого государственного долга на душу населения за последние три года приведено в таблице 1.

Табл. 1. Чистый государственный долг на душу населения, долл. США*

	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Япония	43 972	54 223	62 254
Ирландия	21 943	36 487	43 746
Швейцария	34 632	40 135	39 094
Греция	38 539	39 373	38 961
Бельгия	36 064	35 110	35 111
США	27 496	32 025	34 959
Италия	35 400	34 172	33 972
Франция	31 266	31 470	32 854
Великобритания	22 128	24 695	27 618
Австрия	23 371	23 790	24 225
Германия	23 575	23 409	23 258
Португалия	17 999	19 295	21 099
Испания	13 876	15 084	17 039
Канада	12 256	15 371	17 005
Нидерланды	11 439	13 126	14 382
Австралия	-286	2 711	5 021
Швеция	-9 230	-11 358	-11 528
Финляндия	-29 137	-28 979	-27 326
Норвегия	-126 568	-137 196	-143 783

Лидерами по показателю чистого государственного долга на душу населения являются те же страны: Япония, у которой этот показатель за последние три года увеличился в 1,5 раза; Ирландия, у которой рост был почти двукратным, что вывело эту страну на второе место с одиннадцатого, которое она занимала в 2009 г.; традиционно проблемные в долговом отношении Греция, Бельгия, США, Италия. Относительно неожиданным можно считать высокое третье место (а по итогам 2010 г. — даже второе) в данном рейтинге Швейцарии — страны с устойчивой финансовой системой и относительно далекой позицией по показателю валового государственного долга на душу населения, а также по соотношению долга и ВВП.

* Рассчитано согласно данным: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, September 2011; FIBO Group.

Странами же с наиболее здоровыми государственными финансами из числа приведенных в таблице являются североевропейские (скандинавские и Голландия) государства, а также Австралия и Канада. У трех скандинавских стран чистый государственный долг отрицателен, то есть данные государства являются не должниками, а нетто-кредиторами. Лидером в этом отношении выступает Норвегия с показателем — 144 тысяч долларов на душу населения, что, на наш взгляд, объясняется, прежде всего, наличием Государственного пенсионного фонда (включающего в себя и активы бывшего нефтяного фонда), который осуществляет крупномасштабные зарубежные инвестиции. Соответственно, у государства имеются значительные активы, многократно перекрывающие обязательства, что и отражается в показателях чистого государственного долга, в том числе на душу населения.

Также можно отметить тот факт, что в число крупных развитых экономик с относительно небольшим объемом чистого государственного долга на душу населения входит Испания, которую в последнее время принято отождествлять с проблемными европейскими странами PIIGS (S в данной аббревиатуре означает Испанию). Однако проблемы этой страны в большей мере относятся к другим сферам экономики, тогда как в части государственного долга положение Испании лучше многих благополучных стран, таких, как Германия или Франция. Так, по показателям валового и чистого долга на душу населения страна располагается существенно ниже своих европейских соседей так же, как и по соотношению государственного долга и ВВП, которое в 2010 г. составляло лишь 60%.

Размеры государственного долга на душу населения, несмотря на их удобство для сравнительного обзора различных стран, все же не вполне показательны для оценки стабильности национальных систем государственных финансов. В этом плане значительно больший интерес представляют показатели, соотносящие объемы государственного долга с активами, которыми этот долг обеспечен, так как именно уровень обеспеченности должника является приоритетным критерием оценки качества его долговых обязательств. Исходя из этого, рассмотрим подробнее ключевой, на наш взгляд, индикатор в плане анализа задолженности — соотношение государственного долга и международных резервов крупных развитых стран.

В таблице 2 представлены значения данного соотношения, а также объемы резервов и валового государственного долга для стран, долговые обязательства которых выступают в качестве международных

резервных активов — США, Великобритании, ведущих европейских государств и Японии.

Табл. 2. Соотношение валового государственного долга * и официальных резервов развитых стран на конец 2010 г.

	Официальные резервы, млн долл. США	Валовой государственный долг, млн долл. США	Соотношение долга и официальных резервов, разы
США	132 737	13 528 807	101,9
Испания	31 942	860 015	26,9
Великобритания	106 567	2 111 114	19,8
Италия	158 926	2 469 387	15,5
Еврозона	789 963	10 477 090	13,3
Франция	166 319	2 132 166	12,8
Германия	216 598	2 762 805	12,8
Япония	1 096 185	12 982 636	11,8
Нидерланды	46 241	495 658	10,7
Австралия	42 268	281 667	6,7

Приведенные в таблице 2 данные вызывают значительно большую озабоченность по сравнению с другими качественными параметрами государственного долга развитых стран, такими, как соотношение долга и ВВП или объем долга на душу населения. Особенно тревожно то, что безусловным лидером необеспеченности своих долговых обязательств выступает эмитент основной резервной валюты мира — США. Объем валового американского долга превосходит размер официальных резервов страны более чем в 100 раз, то есть долги США обеспечены резервами менее чем на 1%! На фоне такого показателя соотношение долгов и резервов самых проблемных стран еврозоны, таких, как Италия (15,5 раз) или Испания (27 раз), представляется достаточно стабильным. В целом же по еврозоне, долговые проблемы которой в течение последних трех лет были основным поводом для спекуляций относительно нового финансового кризиса, данное соотношение составляет весьма умеренные 13,3 раза, что лучше не только катастрофического уровня США, но и значительно превышает показатель Великобритании (почти 20 раз).

Наилучший же показатель обеспеченности долга резервами демонстрирует Япония (11,8 раза), что вполне объяснимо, так как, несмотря

* Рассчитано согласно данным: Principal Global Indicators (<http://www.principalgloballindicators.org>), Международного валютного фонда, Eurostat.

на огромный размер валового долга, у этой страны нетипично большие по меркам других развитых государств резервы. Также в таблице 2 в качестве иллюстрации приведены данные по Австралии — крупной развитой экономике, не являющейся в то же время эмитентом резервной валюты. У Австралии соотношение долга и резервов самое низкое среди всех рассмотренных стран, что объясняется не только сбалансированной финансовой политикой, но и упомянутым фактом того, что австралийские доллары пока не играют заметной роли на рынке резервных валют.

В целях большей точности оценок уровня обеспеченности долга резервами, следует рассмотреть соответствующие показатели не только на базе валового долга, но и на базе чистого долга. Соотношение объемов чистого государственного долга и резервов для ведущих развитых экономик мира приведено на рисунке 2 и демонстрирует примерно такую же ситуацию, как и при расчетах на базе валового долга.

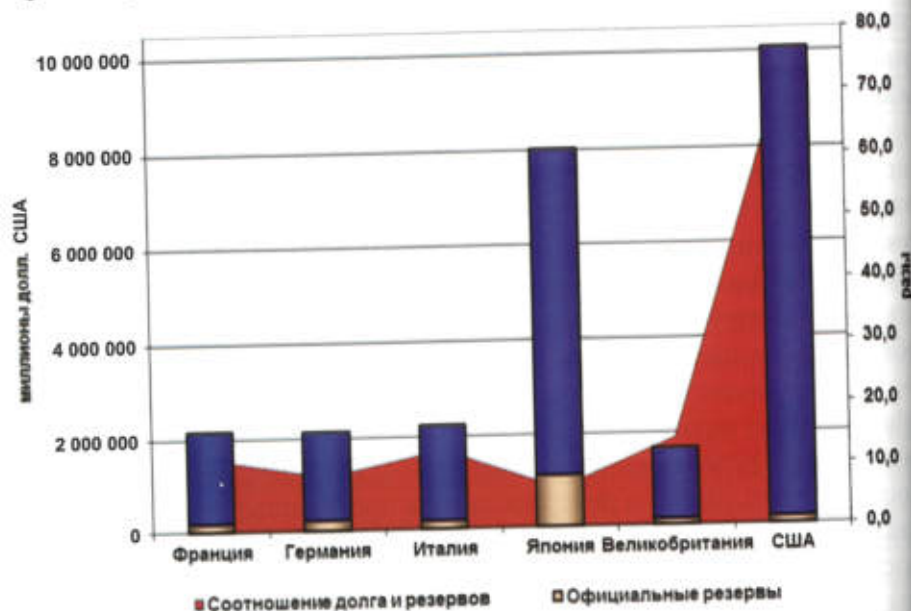

Рис. 2. Соотношение чистого государственного долга и резервов в крупнейших развитых странах на конец 2010 г. *

Показатель США и при учете чистого долга остается неадекватно высоким — долги превышают резервы в 75 раз. Следующий по убыванию показатель у Великобритании — 14,4 раза. Три ведущие

* Рассчитано согласно данным: Principal Global Indicators (<http://www.principalglobalindicators.org>), Международного валютного фонда, Eurostat.

экономики еврозоны — Франция, Германия и Италия — отличаются незначительно: худший показатель, полагаем, у Италии — 13 раз, лучший ожидаем у евролидера Германии — 9 раз, промежуточное положение занимает Франция — 12 раз. Таким образом, в отношении обеспеченности долга резервами традиционно считающаяся проблемной Италия (еще одна страна PIIGS) имеет практически такой же уровень, что и благополучная Франция, что еще раз подчеркивает необоснованность многих ярлыков и расхожих штампов, используемых при описании кризисных явлений в еврозоне.

Лучшей же страной по уровню обеспеченности чистого долга официальными резервами осталась Япония, у которой рассматриваемое соотношение составило лишь 6,3 раза. Этот показатель более чем десятикратно превышает американский аналог притом, что по соотношению валового долга и ВВП Япония более чем двукратно проигрывает США. Однако даже несомненный лидер «развитого мира» Япония выглядит по обеспеченности своего долга резервами гораздо хуже крупнейших развивающихся экономик. Данные по этим странам, включая Казахстан, приведены в таблице 3 для иллюстрации накопившихся к настоящему времени дисбалансов в мировой финансовой архитектуре. Даже с учетом валового, а не чистого, государственного долга, крупные развивающиеся экономики имеют многократно лучшие показатели, чем у «столпов мировой финансовой системы», что иллюстрирует неадекватность как самой этой системы, так и ее базиса в лице ведущих развитых стран и их государственных финансов.

Табл. 3. Соотношение валового государственного долга и официальных резервов крупных развивающихся стран на конец 2010 г. *

	Официальные резервы, млн долл. США	Валовой государственный долг, млн долл. США	Соотношение долга и резервов
Аргентина	52 190	175 210	3,36
Бразилия	288 575	1 479 731	5,13
КНР	2 875 894	2 039 946	0,71
Индия	297 334	1 130 250	3,80
Индонезия	110 123	224 756	2,04
Мексика	120 587	453 798	3,76
Россия	479 379	172 512	0,36
Казахстан	28 275	15 811	0,56

* Рассчитано согласно данным: Principal Global Indicators (<http://www.principalglobalindicators.org>), Международного валютного фонда, Eurostat.

Даже не у самых благополучных развивающихся стран, совсем недавно сталкивавшихся с крупномасштабными финансовыми кризисами, таких, как Аргентина, Бразилия, Индонезия, обеспеченность валового государственного долга резервами в разы, а то и в десятки раз лучше, чем у США. А лидеры по наращиванию резервов, в число которых входит и Казахстан, опережают США в данном отношении в сотни раз.

Справедливости ради необходимо отметить, что в последние годы резервы увеличивали не только развивающиеся, но и развитые страны, в том числе страны — эмитенты мировых резервных валют (рис. 3). Однако за редким исключением (Швейцария) темпы роста резервов отставали от темпов роста государственного долга, в результате чего обеспеченность долговых обязательств международными активами постоянно снижалась.

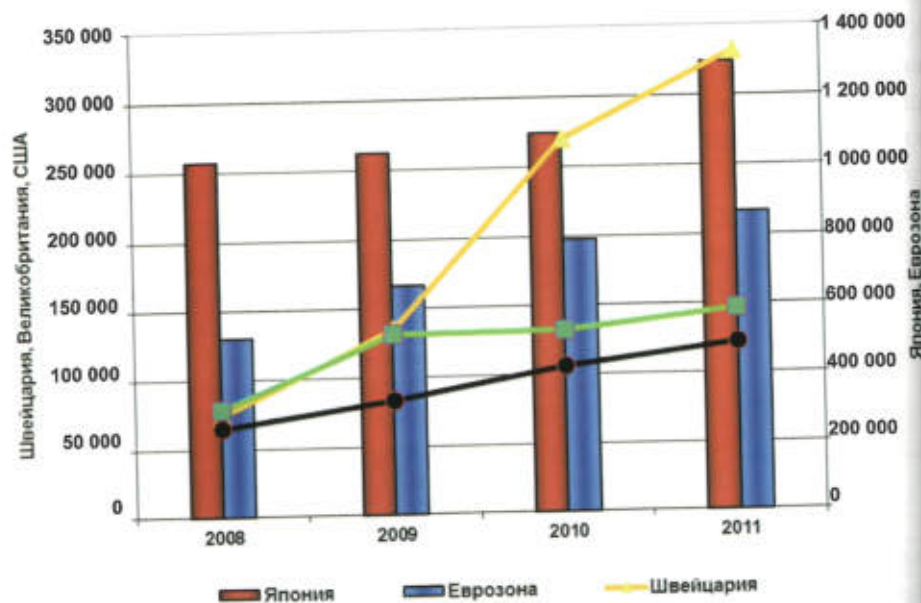

Рис. 3. Объемы официальных резервов стран — эмитентов мировых резервных валют в 2008—2011 гг. *

Несмотря на зачастую чисто символический уровень обеспечения долговых обязательств развитых стран реальными активами, эти обязательства продолжают оставаться основным инструментом на-

* Рассчитано согласно данным Международного валютного фонда: Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). IMF Statistics Department COFER database and International Financial Statistics.

копления для всего мира, что обуславливается фактической безальтернативностью данных активов. Однако вопрос о надежности действующей системы мировых валют и деноминированных в ней долговых обязательств становится все более актуальным по мере роста объемов государственного долга стран — эмитентов резервных валют и соответствующего снижения уровня их обеспеченности реальными активами. Этот растущий разрыв позволяет предполагать возможность негативного развития сценария в перспективе до десяти лет, который может быть связан с невозможностью дальнейшего обслуживания своих долгов развитыми странами.

В настоящее время вероятность отказа от обслуживания долгов странами с максимальными кредитными рейтингами кажется крайне низкой, но объективные предпосылки в виде растущих долгов и снижающегося их обеспечения делают такой сценарий не только вероятным, но вполне реальным. Прецеденты отказа этих стран от своих обязательств в не столь отдаленной истории уже были — можно в этой связи вспомнить историю отказа США от золотого обеспечения своей валюты в 1970-е гг.

В рамках принятой в 1944 г. Бреттон-Вудской системы были утверждены паритеты валют к золоту, в том числе была зафиксирована цена золота в долларах США — 35 долларов за унцию. Поскольку изначально существовали опасения относительно способности США поддерживать этот паритет, возможности для обмена долларов на золото были всячески ограничены: он мог осуществляться только на официальном уровне и только в одном месте — в Казначействе США. Однако давление на американский золотой запас, выросший за годы войны почти в 2 раза, шло постоянно, так как золото выкупалось за доллары и с 1949 по 1970 г. объем золотого запаса США сократился с 21 800 до 9 838,2 тонны. Решающий удар по золотому обеспечению доллара нанес, как известно, французский президент Шарль де Голль. В 1965 г. на встрече с президентом США Линдоном Джонсоном он сообщил, что намерен обменять 1,5 миллиарда бумажных долларов на золото по официальному курсу: 35 долларов за унцию. Несмотря на давление со стороны США, которое в конечном счете привело к резкому охлаждению отношений двух стран и даже выходу Франции из НАТО, США были вынуждены произвести обмен предъявленных де Голлем долларов на сумму 750 миллиардов на золото по официальному курсу. Однако после этого прецедента последовали аналогичные запросы от других стран, в частности от Германии, а с 1965 по 1967 г. США были вынуждены обменять на доллары 3 000 тонн золота. В результате 15 августа 1971 г. президент США Никсон выступил по национальному

телевидению и объявил об отмене золотого обеспечения доллара, что привело к завершению истории Бреттон-Вудской системы.

В связи с приведенным примером отказа США от своих обязательств, уместно рассмотреть еще один показатель обеспеченности государственного долга развитых стран — их резервы в золоте и соотношения золотых резервов и долгов. В таблице 4 приведены данные о первой двадцатке стран мира по объему резервов золота.

Табл. 4. Золото в резервах стран мира, на февраль 2012 г.*

	Золото, тонн	Доля золота в золото-валютных резервах (%)
США	8 133,50	74,5%
Германия	3 396,30	71,4%
Италия	2 451,80	71,0%
Франция	2 435,40	71,1%
КНР	1 054,10	1,6%
Швейцария	1 040,10	16,3%
Иран	907	15,9%
Россия	883,3	9,1%
Япония	765,2	1,9%
Нидерланды	612,5	59,8%
Индия	557,7	9,2%
ЕЦБ	502,1	31,5%
Тайвань	423,6	5,0%
Португалия	382,5	90,5%
Венесуэла	372,9	72,4%
Саудовская Аравия	322,9	2,9%
Великобритания	310,3	16,2%
Ливан	286,8	29,7%
Испания	281,6	29,7%

Крупнейшим держателем золота остаются США, хотя нынешний объем резервов почти втрое ниже послевоенного максимума. В то же время совокупные резервы европейских стран и Европейского центрального банка превышают запасы США, составляя более 10 тысяч тонн. Если же рассматривать соотношение государственного долга и золотых резервов страны, то и в данном случае традиционно худшие

* Источник: World Gold Council. Statistics. Reserves // <http://www.gold.org>.

позиции имеют США, а лучшие — Швейцария (рис. 4). В США на одну тонну золотых запасов государства приходится более 18,5 миллиарда долларов валового государственного долга, немногим лучше ситуация в Великобритании — как и по другим относительным параметрам долга она занимает второе после США место с показателем 6,2 миллиарда долларов. Лучшие позиции среди стран — эмитентов резервных валют имеет Швейцария с показателем 304 миллиарда долларов долга на тонну золотых резервов. Однако даже этот показатель очень далек от рыночной стоимости золота, которая в начале 2012 г. составляла около 55 миллиардов долларов США за тонну.

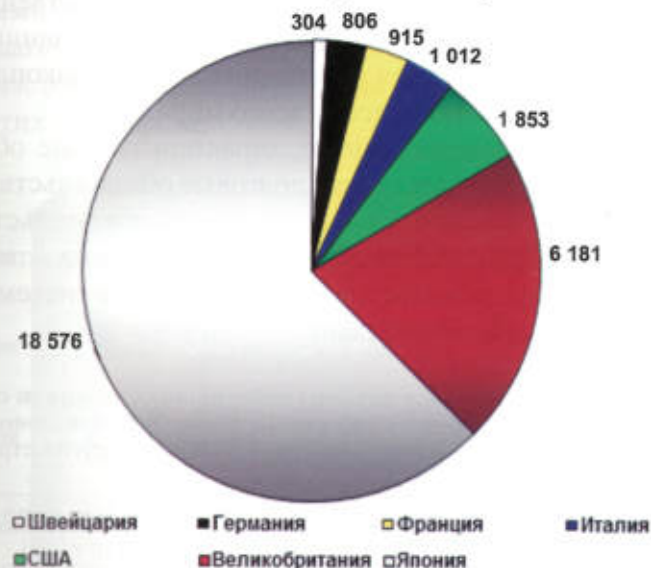

Рис. 4. Соотношение валового государственного долга и золотых резервов на начало 2012 г., млн долл. США/тонна*

Рассматривая данные, приведенные в таблице 4, можно обратить внимание еще на один важный аспект, а именно на тот факт, что у большинства развитых стран львиную долю их резервов составляет именно золото, а не долговые обязательства «коллег» по клубу развитых стран. Так, от 60 до 90% резервов вложено в золото у таких стран, как США, Германия, Италия, Франция, Нидерланды, Португалия. Исключением в данном случае являются Великобритания, Швейцария и Япония (у последней доля золота минимальна и составляет лишь 2%). Также невелики золотые запасы и у развивающихся стран, в том числе крупнейших экономик КНР (1,6%), России

* Рассчитано согласно данным World Gold Council и МВФ.

(9,1%), Индии (9,2%). То есть эти экономики в качестве резервных активов используют долговые обязательства развитых стран — бумажные, а не реальные ценности, которыми сами страны, выпускающие их, пренебрегают в пользу золота.

Вопрос о резервах является одним из наиболее острых в контексте рассматриваемой проблемы задолженности развитых стран, так как именно эта задолженность в настоящее время выступает в качестве основного средства аллокации международных резервов большинством стран мира. В то же время сами страны — эмитенты долговых обязательств и резервных валют, в которые вкладываются резервы других стран, имеют очень небольшие собственные резервы. Таким образом, возникает вопрос о надежности данных активов как международного средства накопления, причем накопления государственных резервов фактически всего мира.

В таблице 5 приведены данные, характеризующие объемы собственных резервов государств, чьи долговые обязательства являются основой мировых резервов и вложенных в эти обязательства средств других стран. В большинстве случаев эти два показателя несопоставимы, то есть сложившаяся в настоящее время система мировых резервов крайне разбалансирована.

Табл. 5. Сравнительные объемы собственных резервов стран — эмитентов мировых резервных валют и размещенных * в этих валютах международных резервов других стран

Объем собственных резервов стран-эмитентов, млн долл. США				
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Япония	1 030 647	1 049 397	1 096 185	1 295 840
Евросона	520 778	666 087	789 963	863 171
Швейцария	74 017	135 001	270 661	33 047
Великобритания	65 494	83 264	106 567	121 926
США	78 334	131 174	132 737	146 665
Объем международных резервов, размещенных в валютах стран-эмитентов, млн долл. США				
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
иены	131 901	132 994	191 467	205 997
евро	1 112 317	1 257 458	1 329 763	1 400 796
франки	5 799	5 233	5 188	6 414
фунты	168 793	194 374	202 926	211 159
доллары	2 698 423	2 832 660	3 162 700	3 360 448

* Источники: Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). IMF Statistics Department COFER database and International Financial Statistics; Principal Global Indicators // <http://www.principalglobalindicators.org>.

По состоянию на 2011 г. только японские и швейцарские резервы превышают объемы вложенных другими странами средств в активы, деноминированные в иенах и франках. По остальным же резервным валютам ситуацию с обеспеченностью таких вложений национальными резервами можно назвать либо разбалансированной (ЕС и Великобритания), либо, в случае с американскими активами, абсолютно неадекватной. Объем средств, размещенных в долларовых долговых инструментах, в 29 раз превышает объем официальных резервов США. По активам в евро это соотношение составляет 1,7 раза, по активам в британских фунтах — 1,9 раза (рис. 4). Благополучными и надежными в плане обеспеченности резервами страны-эмитента можно назвать только вложения в обязательства Японии и Швейцарии, которые в настоящее время значительно меньше объемов собственных резервов этих государств.

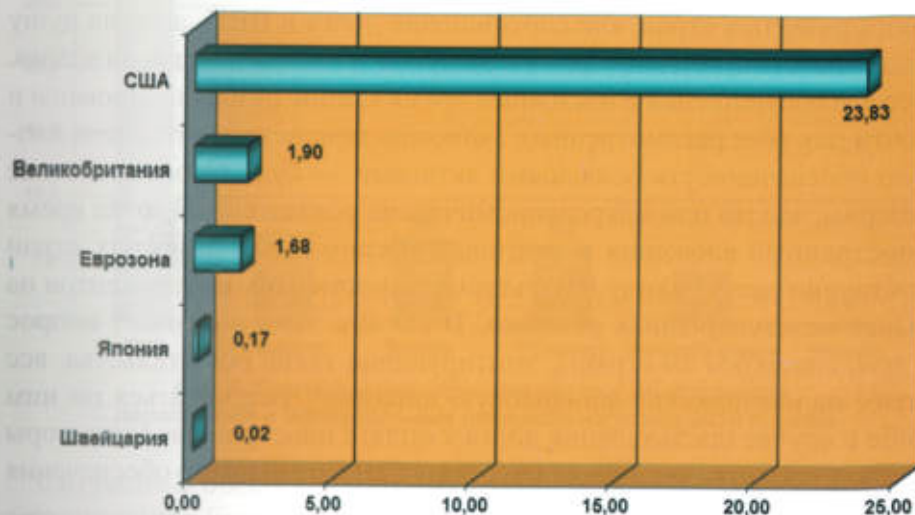

Рис. 4. Соотношение объемов международных резервов, размещенных в обязательствах стран — эмитентов * резервных валют и собственных резервов этих стран

Данные, приведенные в таблице 5 и на рисунке 4, не вполне точны в плане оценки надежности государственных долговых обязательств развитых стран. Во-первых, база данных МВФ по международным резервам COFER (Currency Composition of Official Foreign Exchange

* Рассчитано согласно данным Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). IMF Statistics Department COFER database and International Financial Statistics; Principal Global Indicators // <http://www.principalglobalindicators.org>.

Reserves) не полностью охватывает все резервы, так как, наряду с размещенными резервами, на основании данных, о которых были составлены вышеприведенные материалы, в ней имеются и значительные объемы так называемых «неразмещенных» (unallocated) резервов, которые составляют примерно треть от объема размещенных. Во-вторых, не все активы, размещенные в резервных валютах, представляют государственный долг. Для более точной оценки надежности долговых обязательств развитых стран для иностранных держателей можно провести анализ именно долговой статистики по различным странам.

Данный анализ целесообразен с точки зрения того, насколько оправданы для иностранных инвесторов и, прежде всего, государственных институтов (центральных банков, суверенных фондов и пр.) растущие вложения во все менее обеспеченные долговые инструменты. Выше были рассмотрены такие относительные параметры государственного долга развитых стран, как соотношение долга и ВВП, долг на душу населения, соотношение долга и резервов, в том числе запасов золота. Все эти соотношения в настоящее время крайне разбалансированы и почти для всех рассмотренных экономик демонстрируют очень низкую обеспеченность реальными активами — будь то официальные резервы, золото или макроэкономические показатели. В то же время иностранные вложения в долговые обязательства развитых стран постоянно растут ввиду безальтернативности этих инструментов на рынке международных резервов. В связи с этим возникает вопрос о том, способны ли страны, эмитирующие такие обязательства, все более напоминающие финансовую пирамиду, рассчитаться по ним либо в случае предъявления долга к оплате иностранные инвесторы столкнутся с отказом, подобным отказу США от золотого обеспечения доллара в 1971 г.

Для анализа данной проблемы рассмотрим обеспеченность резервами ведущих развитых стран не всего долга, и даже не чистого долга, а только той его части, которая находится во владении иностранных инвесторов (основными из которых являются государственные институты). Соотношение этой части государственного долга и всех официальных резервов соответствующих стран приведено на диаграмме рисунка 5.

Как видно из данной диаграммы, единственной из крупных развитых стран, чьи резервы превышают объем государственного долга у иностранных держателей, является Япония. В Японии золотовалютные резервы превышают объем государственного долга у ино-

странных инвесторов примерно в 2 раза. По всем остальным странам ситуация крайне неблагоприятна для инвесторов, так как объем долгов многократно превышает объем резервов. Традиционным лидером по слабости обеспечения своих долгов (в данном случае — перед иностранцами) выступают США. При объеме долга у иностранных держателей более чем в 4,5 триллиона долларов, резервы страны в 2010 г. составляли лишь 133 миллиарда долларов, то есть долги только перед зарубежными инвесторами превышают объем официальных резервов США в 35 раз.

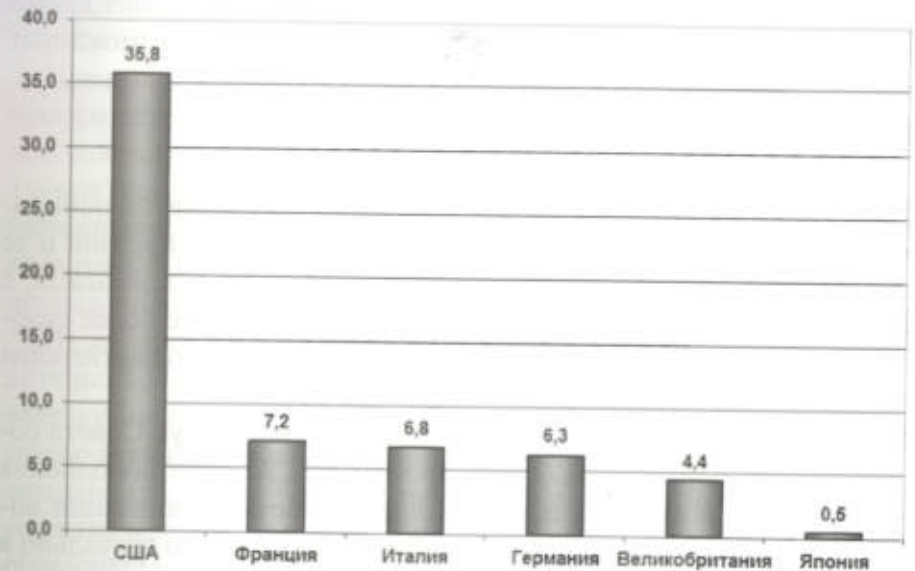

Рис. 5. Соотношение объемов долга у иностранных держателей и официальных резервов на конец 2010 г., разы *

Ситуация с обеспеченностью обязательств перед иностранными держателями в Европе значительно лучше, чем в США, однако и она не дает оснований для положительной характеристики состояния государственных финансов — во всех крупнейших европейских странах долги перед иностранцами превышают национальные резервы в 5—7 раз. На наш взгляд, данная ситуация весьма тревожна и грозит реальной перспективой мирового долгового кризиса в недалеком будущем, который может привести к потерям большей части средств, вложенных в настоящее время в государственные долговые обязательства развитых стран.

* Рассчитано согласно данным МВФ, Eurostat и других источников.

Казахстан и экономические перспективы тюркской интеграции

МУХАМЕДЖАНОВА Д.Ш.

Все более очевидным для внешних акторов становится понимание, что региональная экономическая стабильность в Евразии и ее регионах не может обеспечиваться нерегиональными державами, а участники региональных экономических процессов все более склоняются к необходимости проведения политики широкого партнерства и совпадающих интересов.

Казахстану удалось укрепить международный статус Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) за счет дополнения культурно-гуманитарных аспектов деятельности организации вопросами экономического сотрудничества, что особенно актуально в период посткризисного развития региона и роста его значимости в глобальной экономике. Так, основным итогом 1-го Саммита ССТГ стало подписание Алматинской декларации, которая определила согласованную позицию тюркоязычных государств по ряду актуальных проблем в сфере региональной экономической политики.

ССТГ — региональный международный союз, созданный с целью укрепления единства тюркского мира. Членами организации являются Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция. Однако в настоящее время участие этих стран в организации следует, на наш взгляд, рассматривать не столько в качестве гарантов укрепления тюркского фактора в международной политике, сколько в качестве основных элементов обеспечения устойчивого экономического развития Центральной Азии, Кавказа и даже Ближнего Востока, а также с учетом перспектив углубления интеграционных экономических связей в евразийском формате.

Особенности и проблемы развития тюркской интеграции

Эффективность внешней политики любого государства зависит в первую очередь от эффективного использования дипломатических, культурно-гуманитарных, экономических, правовых инструментов. Основной для формирования интеграционных связей в тюркском мире стали культурно-гуманитарные аспекты, в частности принадлежность стран ССТГ к общей тюркской языковой культуре. Факт принадлежности к общим культурно-цивилизационным корням остается, на наш взгляд, главным преимуществом в поиске дальнейших путей развития тюркского мира в условиях глобализации*.

Предпосылкой к интеграции тюркских народов стали процессы, происходящие в начале 1990-х гг. на пространстве СССР. С распадом советской экономики и государственности третьи страны (в т.ч. Турция) получили возможность реализовать свои интересы в регионе, связанные с расширением влияния в сфере культуры, экономики и политики**. По нашему мнению, становление тюркской интеграции происходило в несколько этапов.

На начальном этапе интеграции (1990—1995 гг.) турецкое правительство уделяло значительное внимание центральноазиатскому вектору внешней политики, направленному на развитие и интенсификацию всех форм международных отношений. Однако, несмотря на активную позицию Турции в продвижении интеграционных процессов в тюркском мире и вклад Турции в создание тюркского культурно-образовательного пространства в целом, сотрудничество в этой сфере имело декларативный характер. Основная идея президента Турции К. Ататюрка по созданию единого геополитического пространства «Туран» под эгидой Турции с его уходом не получила продолжения, что было обусловлено как сохранившимися историко-экономическими отношениями стран тюркского мира на постсоветском пространстве, так и изменением приоритетов во внешней политике Турции в сторону Запада.

Второй этап интеграции (2006—2010 гг.) связан с процессами формирования институциональной базы интеграции. В 2006 г. после

* В мире существует шесть стран, где главную роль играют тюркские этносы: Турция, Азербайджан, Киргизия, Туркменистан, Казахстан и Узбекистан. В сфере влияния также регионы, автономии и национальные республики, входящие в состав государств, отличных по этническому признаку, в числе которых Россия, Китай, Украина и Кипр.

** В 1990 г. Турция созвала в Стамбуле Международный курултай Туркестана, в центре внимания которого оказались «внешние тюрки». В 1992 г. было создано Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию (ТКА) для координации связей в банковском деле, впервые был проведен саммит глав тюркоязычных стран. В 1994 г. было создано Совместное управление тюркских культур и искусств (ТЮРКСОЙ).

пятилетнего перерыва в проведении ежегодных встреч на высшем уровне турецкими властями был организован Восьмой саммит тюркоязычных стран, состоявшийся 17 ноября 2006 г. Главным событием встречи стала инициатива Президента Казахстана Н.А. Назарбаева по созданию Межпарламентской ассамблеи тюркоязычных государств, что подтвердило стремление Казахстана к полномасштабному сотрудничеству тюркских стран в формате единой региональной организации.

В 2009 г. в Нахичевани было заключено Соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных стран. Итогом Стамбульского саммита (2010 г.) стало институциональное оформление ССТГ как региональной организации, руководящими органами которой стали Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин и Комитет старших должностных лиц.

В 2011 г. Казахстан, став первым председателем Тюркского совета, в качестве одного из основных направлений повышения эффективности деятельности организации и статуса Совета определил углубление сотрудничества в экономической сфере путем качественного освоения значительного потенциала природных, трудовых и инфраструктурных ресурсов. Экономическое сотрудничество стало основной темой 1-го Саммита ССТГ (2011 г.), который состоялся в Алматы*. В рамках саммита был проведен бизнес-форум, на котором стороны подписали соглашение о создании Делового совета тюркоязычных стран, в состав которого вошли представители крупных организаций и компаний тюркоязычных стран.

На наш взгляд, 1-й Саммит ССТГ качественно изменил характер развития интеграционных процессов в тюркском мире:

- во-первых, процесс тюркской интеграции, получив ранее необходимое институциональное оформление, стал развиваться в направлении координации деятельности существующих институтов тюркского мира вокруг ССТГ;

- во-вторых, была провозглашена необходимость многостороннего сотрудничества стран — членов ССТГ. Приоритетным направлением сотрудничества, наряду с развитием дипломатических и культурно-гуманитарных отношений, стало экономическое сотрудничество, что не только расширило формат и границы международных связей организации, но и повысило ее международный статус как нового международного субъекта управления;

* Темой для следующего саммита, который состоится в Бишкеке, должно стать сотрудничество в области образования, науки и культуры.

- в-третьих, ССТГ положил начало новому этапу развития тюркской интеграции как важный элемент евразийских интеграционных процессов и новый инструмент укрепления межрегионального сотрудничества стран ЦА и Кавказа. Кроме того, экономическое сотрудничество может стать основным фактором расширения тюркского экономического пространства за счет других стран тюркского мира, а также за счет географических и энергетических преимуществ региона, находящегося в эпицентре экономических связей Востока и Запада.

В ближайшей перспективе в период председательства в ССТГ в 2011—2012 гг. Казахстан намерен решить ряд задач по завершению институционализации ССТГ, расширению экономического сотрудничества между странами региона*, а также дальнейшему развитию сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере, в частности по созданию Тюркской академии в Астане, а в ее составе Центра тюркской истории и культуры, Центра изучения тюркского языка, Тюркской библиотеки и Тюркского музея**.

Следует иметь в виду, что развитие процессов тюркской экономической интеграции сопровождается необходимостью решения ряда проблем, вызванных:

- масштабами тюркского мира, объединяющего более 40 наций и народностей, проживающих на территории Евразийского пространства. Тюрки, численность которых достигает 200 миллионов человек, внесли особый вклад в историю и культуру человечества, однако наличие общих исторических корней не означает наличие одинаковых экономических и политических возможностей государств, моделей национального экономического развития и экономических интересов в сфере регионального сотрудничества;

- отсутствием общих границ между странами ССТГ. Казахстан от Азербайджана отделяет Каспийское море, общей границы с Турцией фактически не имеет ни одно государство ССТГ (лишь на небольшом участке с Турцией граничит входящая в состав Азербайджана Нахичеванская автономная республика, отделенная от основной тер-

* Формирование штата Генерального секретариата организации и укрепление его нормативно-правовой базы; координация деятельности действующих институтов — ТЮРКСОЙ, Парламентская ассамблея тюркоязычных государств (ТюркПА), Совет старейшин ССТГ; углубление инвестиционного сотрудничества, особенно в сфере транспортной инфраструктуры, агропромышленном секторе, индустрии высоких технологий, машиностроении и иных несырьевых областях; формирование совместного механизма противодействия глобальному кризису.

** Казахстан также поддержал инициативу Азербайджана о создании в Баку Фонда культуры тюркоязычных стран, предложив составить антологию крупнейших произведений тюркского мира, подготовить общий альманах, организовать широкомасштабное совместное продвижение творческого наследия выдающихся тюрков, таких, как Аль-Фараби, Жусуп Баласагун, Махмуд Кашгари, Ахмед Яссауи и др. Кроме того, Президент РК предложил провести в 2012 г. в Туркестане Международный симпозиум «Тюркский мир сегодня: реальное положение и перспективы развития», а также ряд других мероприятий в рамках намеченной на будущий год масштабной программы «Астана — культурная столица тюркского мира».

ритории страны Армений), что создает дополнительные проблемы развития транспортной инфраструктуры и доставки грузов;

- неприсоединением к ССТГ Туркменистана и Узбекистана, обладающих значительным трудовым и природным потенциалом регионального развития;
- влиянием политической ситуации. Хотя создание политического объединения не входит в сферу интересов стран ССТГ, политическая обстановка в странах Персидского залива влияет на перспективы развития экономического потенциала стран-членов и становится, в частности, одним из факторов формирования общих стратегических подходов для выработки региональной энергетической политики;
- разными геополитическими интересами внешних акторов в регионе Кавказа и Центральной Азии (США, Россия, Иран, Китай) и необходимостью поддержания экономического равновесия на Востоке, Кавказе и Центральной Азии с учетом глобального внешнего влияния.

Тем не менее наличие перечисленных проблем не должно, на наш взгляд, стать причиной для снижения темпов экономической интеграции в тюркском мире, тем более что в сегодняшней ситуации именно странами ССТГ формируются основные тенденции развития региональной экономики и глобальные перспективы тюркской экономики в целом.

Геоэкономические перспективы ССТГ

Геоэкономические перспективы ССТГ определяются, на наш взгляд, следующими факторами:

- совокупным экономическим потенциалом;
- геоэкономическими интересами стран-членов;
- потенциалом экономического сотрудничества.

Совокупный экономический потенциал стран ССТГ и динамика основных показателей его развития позволяют говорить о возрастающей в перспективе значимости региональной группировки в мировой экономике. По данным Всемирного банка, в регионе ССТГ проживает более 100 миллионов человек, совокупный ВВП (в текущих ценах) составлял в 2010 г. около 940 млрд долл. США.

В последнее десятилетие по показателю совокупного ВВП ССТГ наблюдалась положительная динамика, в целом коррелирующаяся с динамикой мирового ВВП (рис. 1).

Несмотря на замедление роста населения в странах ССТГ (по сравнению с мировыми данными), средний показатель численности

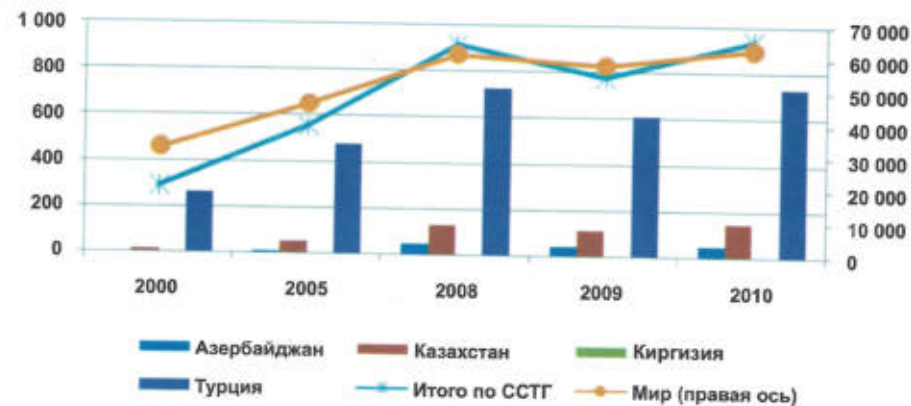

Рис. 1. Динамика мирового ВВП и ВВП по странам ССТГ в 2000—2010 гг., в млрд долл. США, в текущих ценах

Источник: рассчитано согласно данным ВБ // <http://ddp-ext.worldbank.org>.

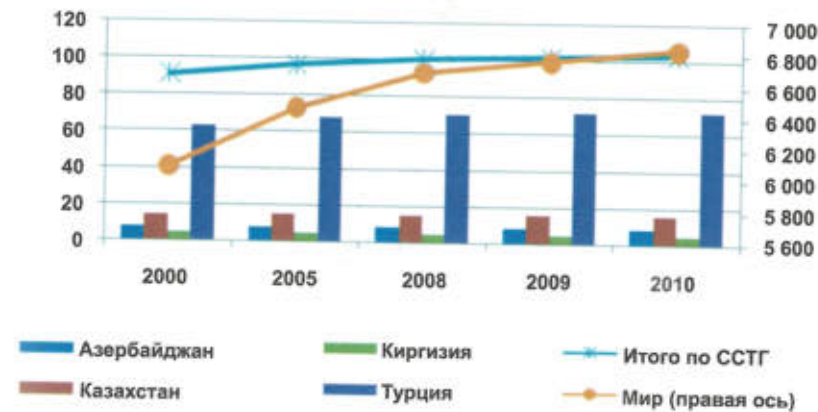

Рис. 2. Численность населения в мире и по странам ССТГ в 2000—2010 гг., млн чел.

Источник: рассчитано согласно данным ВБ // <http://ddp-ext.worldbank.org>.

Хотя в регионе ССТГ наблюдаются более низкие темпы роста численности населения по сравнению с мировыми данными и неравномерное распределение доходов, средний показатель ВНД на душу населения в странах ССТГ превышает среднемировое значение этого показателя и имеет более высокую динамику (рис. 3).

Анализ показателей развития внешней торговли стран ССТГ позволяет в целом говорить о положительном влиянии региональной торговли на формирование мировых внешнеторговых потоков (рис. 4, 5).

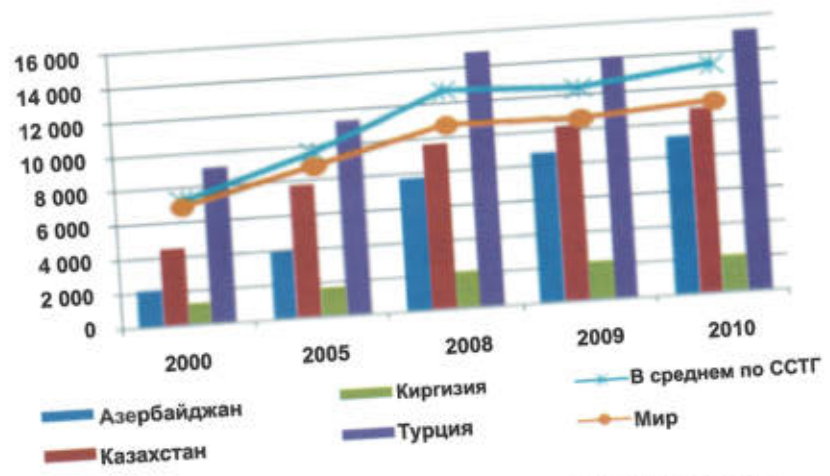

Рис. 3. Валовой национальный доход на душу населения в мире и странах ССТГ, в долл., по ППС

Источник: рассчитано согласно данным ВБ // <http://ddp-ext.worldbank.org>.

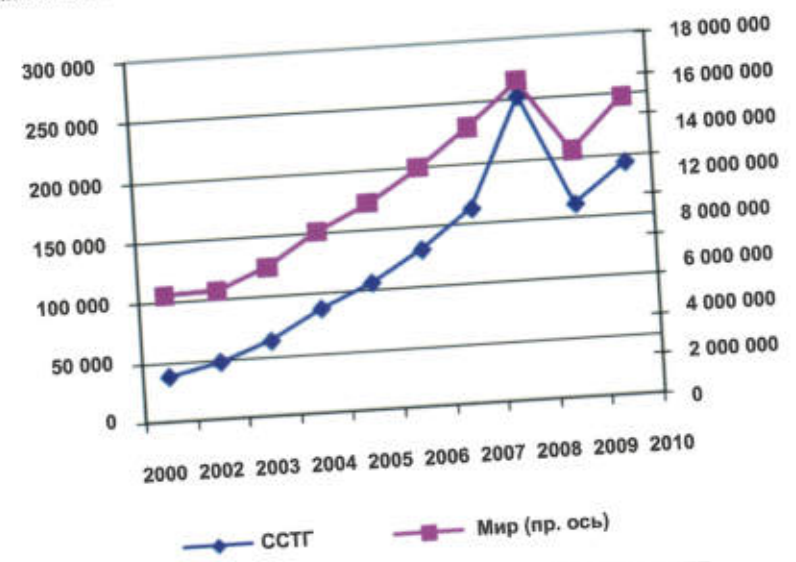

Рис. 4. Мировой экспорт и экспорт стран ССТГ в 2000—2010 гг., млн долл. США

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

Геоэкономические интересы стран — членов ССТГ с позиций оценки политической и экономической ситуации в регионе и перспектив устойчивого развития не имеют принципиальных различий, а участие государств в европейских и азиатских интеграционных проектах становится предпосылкой региональной экономической безопасности.

Общность задач в области геополитики и обеспечения региональной безопасности делает сотрудничество стран региона взаимовыгодным и перспективным. В числе главных общерегиональных экономических и связанных с ними проблем:

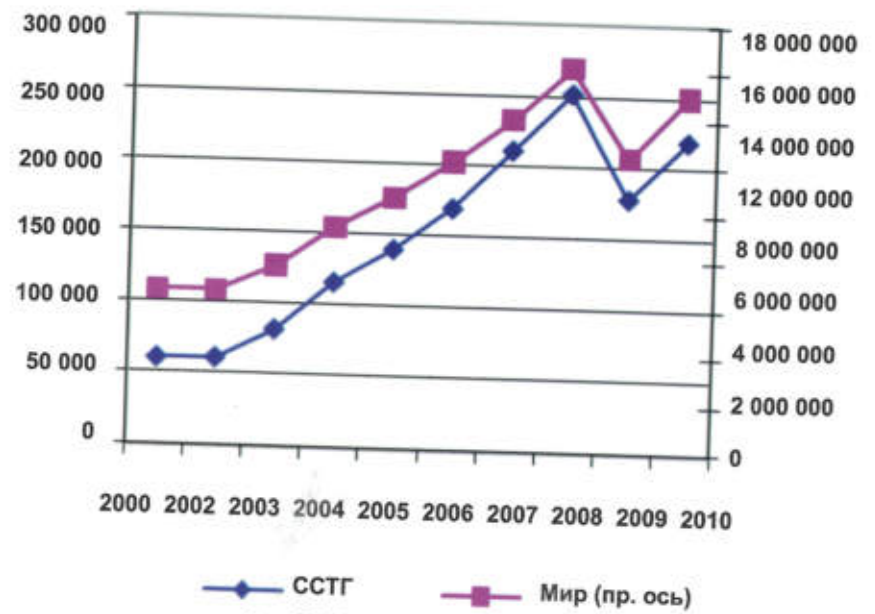

Рис. 5. Мировой импорт и импорт стран ССТГ в 2000—2010 гг., млн долл. США

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

- преодоление последствий глобального кризиса;
 - эффективная энергетическая политика (в т.ч. в регионе Каспия);
 - развитие транспортной инфраструктуры;
 - транзит природных ресурсов;
 - решение проблем миграции населения;
 - борьба с наркотрафиком и терроризмом и др.
- Современное состояние экономического сотрудничества в регионе ССТГ во многом зависит от:

- усилий стран-членов по сближению их экономических интересов, формированию общих целей развития организации и региона как эффективной социально-экономической системы;
 - выработки общей позиции в отношении внешних акторов, имеющих свои геополитические и геоэкономические интересы в регионе.
- Все члены ССТГ заинтересованы в интеграции тюркского мира. Однако в отличие от остальных участников ССТГ Казахстан имеет свою позицию в отношении перспектив развития тюркской интегра-

ции, которую, вероятно, следует озвучить в период председательства в ССТГ. Эта позиция основана на двух принципиальных моментах, связанных с реализацией:

- концепции «многовекторности» как основы внешнеэкономической политики РК;
- концепции «евразийства» как основы интеграционной политики РК.

Преимуществом Казахстана является то, что данные проекты не вступают в противоречие с глобальными интересами основных участников ССТГ и стремлением стран к обеспечению региональной экономической безопасности и позволяют Казахстану предложить к обсуждению план развития ССТГ, основанный на разработке:

- во-первых, стратегии развития межрегиональных отношений ССТГ в формате ССТГ — ЕЭП (ЕврАзЭС), ССТГ — ШОС, ССТГ — ОЭС*, ССТГ — ЕС и др.;
- во-вторых, на концепции интеграции регионов Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока (в основе которой должно лежать совпадение позиций сторон в треугольнике Казахстан — Турция — Азербайджан).

Кроме того, в отличие от других членов ССТГ Казахстан в совокупности обладает преимуществами:

- экономического лидерства в ЦА;
- этнической и религиозной близости с тюркоязычными государствами на пространстве СНГ;
- традиционных многосторонних связей с РФ и другими постсоветскими государствами;
- территориального соседства с Китаем — новым субъектом глобальной экономики;
- членства в СНГ, ЕЭП, ЕврАзЭС, ШОС, ОЭС и т.д.

Таким образом, Казахстан располагает объективными предпосылками для проведения политики сближения позиций членов ССТГ с государствами ЦА и такими внерегиональными «игроками», как Россия, Иран, Китай (формирующих политику Евразии на пространстве СНГ, Восточной и Западной Азии), а также интересов Турции, Ирана и России в ЦА.

При этом следует иметь в виду следующие ключевые моменты формирования относительно нового тюркского экономического пространства:

* ОЭС — межправительственная региональная организация, образованная в 1985 г. Ираном, Пакистаном и Турцией, Казахстан вступил в ОЭС в 1992 г. Членами ОЭС также являются: Азербайджан, Афганистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

- ключевую проблему региона — обеспечение стабильного транзита углеводородов;
- ключевую роль Азербайджана в обеспечении энергетической безопасности европейских стран;
- ключевую роль Турции в обеспечении безопасности в регионе Ближнего Востока.

Потенциал экономического сотрудничества формируется на пространстве ССТГ экономиками Турции и Казахстана, на долю которых приходится почти весь объем совокупного регионального ВВП и товарооборота, причем на Турцию — около 80% ВВП и более 70% товарооборота стран ССТГ, на Казахстан соответственно — около 16 и 20% (рис. 6, 7).

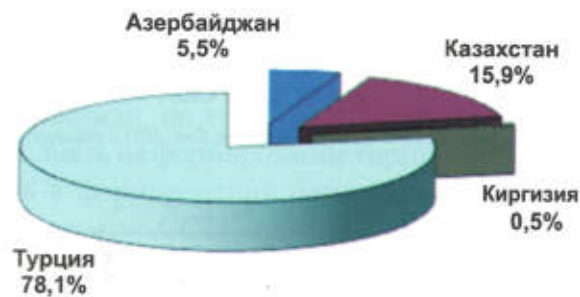

Рис. 6. Доля стран ССТГ в совокупном ВВП в 2010 г., в %

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

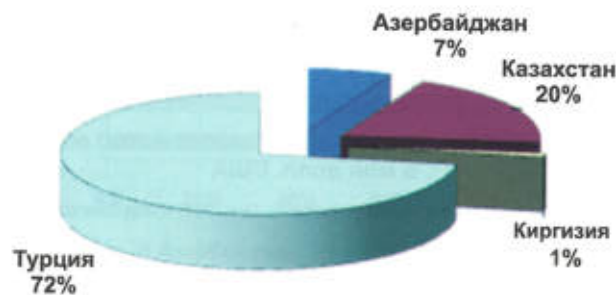

Рис. 7. Доля стран ССТГ в совокупном объеме товарооборота в 2010 г., в %

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

Экспортные и импортные товарные потоки на пространстве ССТГ также формируются Турцией и Казахстаном (рис. 8, 9).

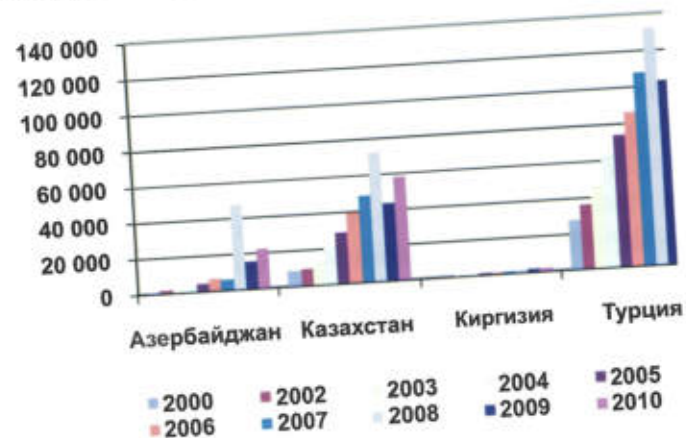

Рис. 8. Экспорт стран ССТГ в 2000—2010 гг., в млн долл. США

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

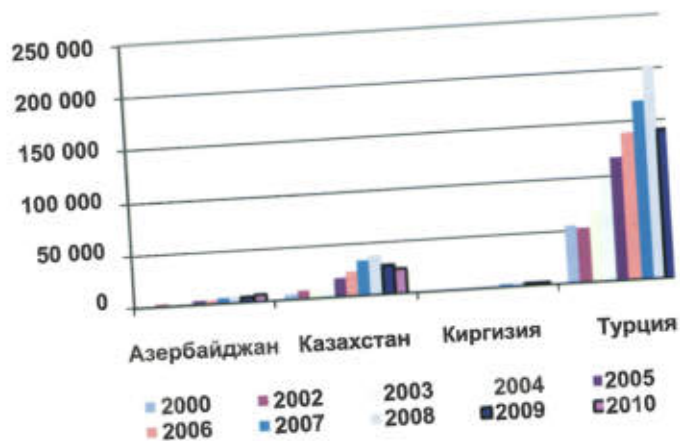

Рис. 9. Импорт стран ССТГ в 2000—2010 гг., в млн долл. США

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

Наибольшее значение при формировании национальной внешне-торговой политики регион ССТГ имеет для Киргизии и Азербайджана. На долю стран ССТГ в 2010 г. приходилось 16,8% всего товарооборота Киргизии и около 5% товарооборота Азербайджана (рис. 10).

Рис. 10. Доля стран ССТГ в товарообороте отдельных стран ССТГ в 2000—2010 гг., в %

Источник: <http://www.cisstat.com>, TurkStat, Foreign Trade Statistics Yearbook, 2010 // <http://www.turkstat.gov.tr>.

Однако, несмотря на более тесные торговые отношения внутри региона, ни Азербайджан, ни тем более Киргизия не в состоянии в настоящее время влиять на формирование торговой политики в ССТГ. Наибольшая роль в формировании региональной внешнеторговой политики на пространстве ССТГ принадлежит Турции.

В последние годы наблюдается рост удельного веса Турции во взаимном товарообороте со странами ССТГ. Для Казахстана характер отношений со странами ССТГ относительно стабильный. Сокращение доли Азербайджана и Киргизии в торговом обороте стран ССТГ свидетельствует о снижении их значения в формировании региональной торговой политики ССТГ (рис. 11).

Рис. 11. Доля стран ССТГ в совокупном товарообороте в 2006—2010 гг., в %

Источник: <http://www.cisstat.com>, TurkStat, Foreign Trade Statistics Yearbook, 2010 // <http://www.turkstat.gov.tr>.

Следовательно, центрами притяжения экономической интеграции в тюркском мире являются Турция и Казахстан. Учитывая экономический вес и динамику экономического развития этих стран, легко предположить, что геоэкономические перспективы ССТГ, а также перспективы тюркских интеграционных процессов в мире будут определяться Турцией и Казахстаном.

Тенденции развития экономических связей Казахстана со странами ССТГ

Внешняя торговля Казахстана со странами ССТГ не входила до настоящего времени в число приоритетов внешнеторговой политики РК. На долю Азербайджана, Киргизии и Турции приходилось в 2010 г. соответственно 0,5, 0,7 и 2,1% общего объема товарооборота РК.

Основным торговым партнером Казахстана по ССТГ является Турция, на которую приходится основная доля экспорта и импорта РК со странами ССТГ (рис. 12).

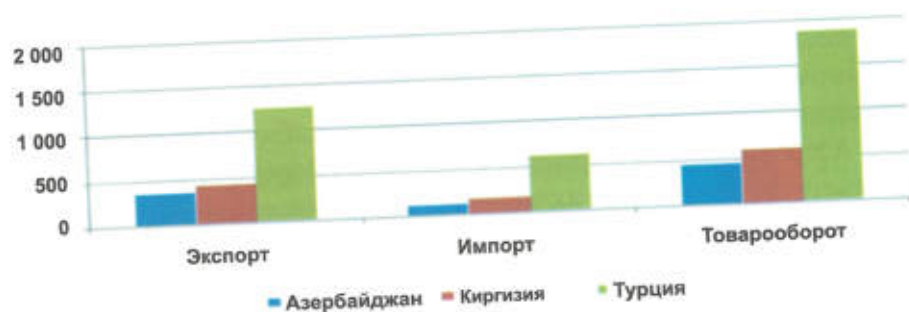

Рис. 12. Страны ССТГ во внешнеторговом обороте РК в 2010 г., в млн долл. США

Источник: <http://www.stat.gov.kz>.

В целом положительную динамику внешней торговли РК со странами ССТГ формируют торговые отношения Казахстана с Турцией (рис. 13, 14).

Рост общего объема товарооборота Казахстана со странами ССТГ происходит за счет экспортных операций Казахстана, в то же время наблюдается тенденция сокращения их доли в импорте РК (рис. 15), а также снижение доли РК в товарообороте партнеров по ССТГ (рис. 16).

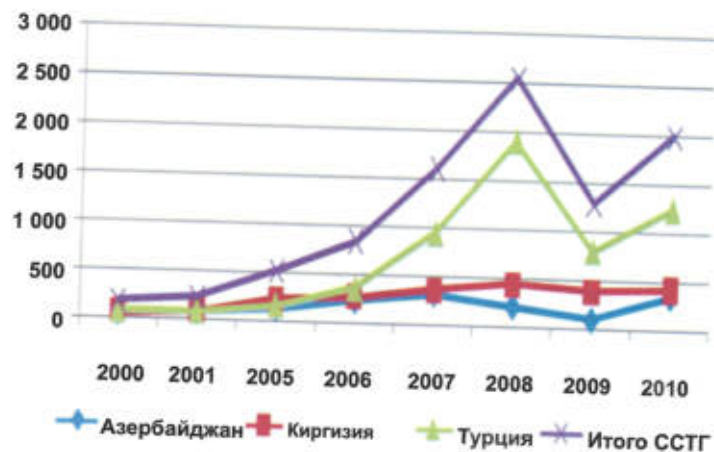

Рис. 13. Динамика экспорта РК в страны ССТГ в 2000—2010 гг., млн долл. США

Источник: <http://www.stat.gov.kz>.

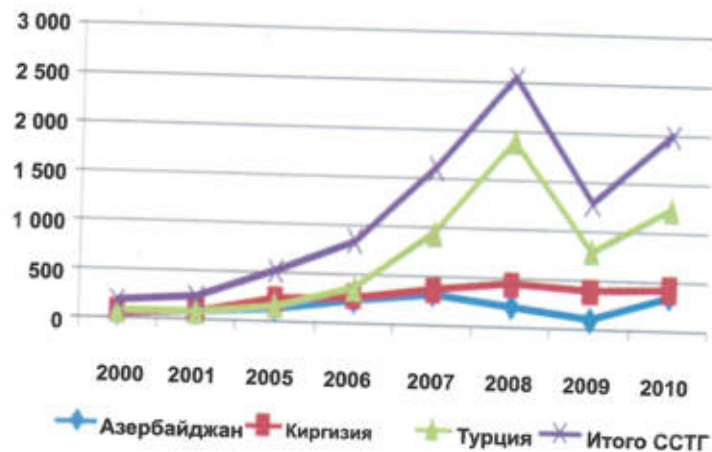

Рис. 14. Динамика импорта РК в страны ССТГ в 2000—2010 гг., в млн долл. США

Источник: <http://www.stat.gov.kz>.

Анализ основных статей экспорта и импорта Казахстана свидетельствует о преимущественно сырьевой направленности экспорта РК в страны ССТГ и растущих потребностях экономики страны в основных инвестиционных товарах, в частности, машинах, оборудовании и подобной продукции. В группе основных товаров, экспортируемых Казахстаном в страны ССТГ — минеральные продукты и неблаго-

родные металлы (основной потребитель товаров Турция), а также продукты растительного происхождения (основной потребитель товаров Азербайджан) (рис. 17).

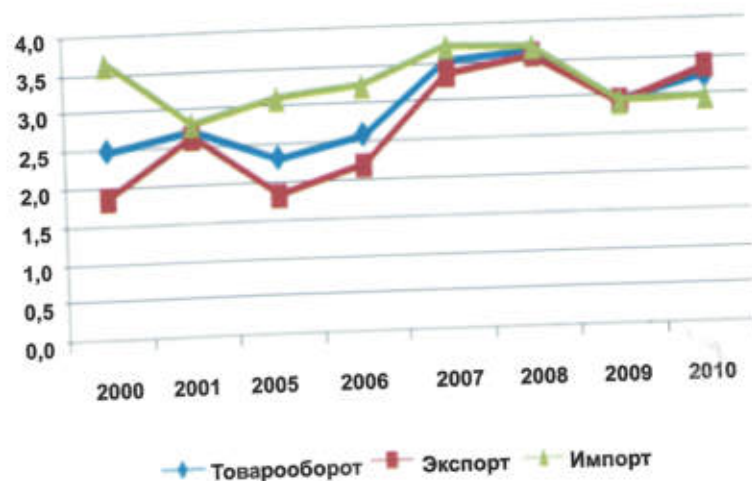

Рис. 15. Доля стран ССТГ во внешней торговле Казахстана в 2000—2010 гг., в %

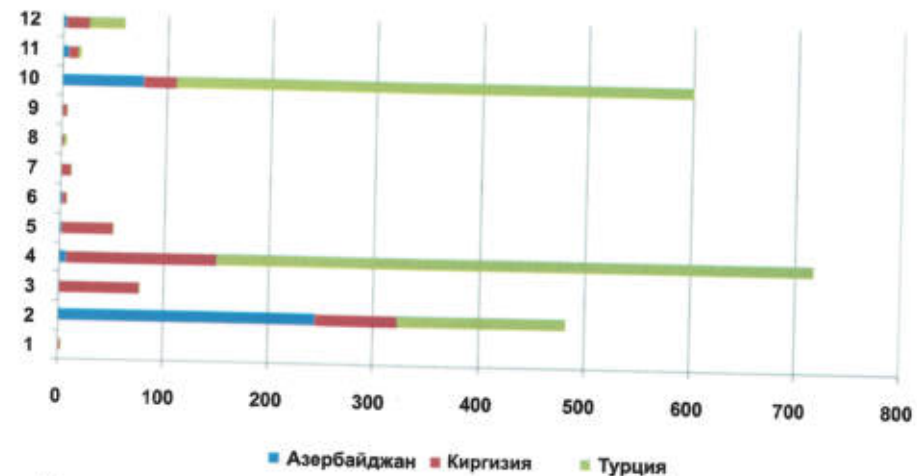
Источник: <http://www.stat.gov.kz>

Рис. 16. Доля Казахстана во внешней торговле Азербайджана, Киргизии, Турции в 2006—2010 гг., в %

Источник: <http://www.cisstat.com>, TurkStat, Foreign Trade Statistics Yearbook, 2010 // <http://www.turkstat.gov.tr>

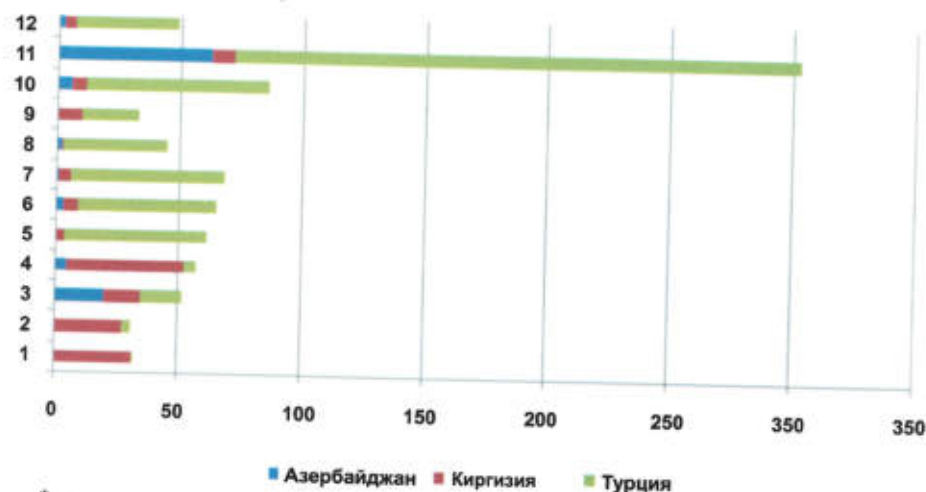
Машины, оборудование и механизмы Казахстан импортирует преимущественно из Турции (рис. 18).

* Номер и наименование товарной группы: 1 — Живые животные и продукты животного происхождения; 2 — Продукты растительного происхождения; 3 — Готовые пищевые продукты, напитки, табак; 4 — Минеральные продукты; 5 — Продукция химической и связанных с ней отраслей; 6 — Пластмассы и изделия из них, каучук, резина; 7 — Древесина и изделия из нее, бумага, картон; 8 — Текстиль, текстильные изделия, ткани; 9 — Изделия из камня, гипса, цемента и пр.; 10 — Неблагородные металлы и изделия из них; 11 — Машины, оборудование, механизмы, средства наземного транспорта, инструменты и др.; 12 — Прочие товары.

Рис. 17. Экспорт РК со странами ССТГ в разрезе основных товарных групп в 2010 г., в млн долл. США

Источник: <http://www.stat.gov.kz>

* Номер и наименование товарной группы (см. рис. 17).

Рис. 18. Импорт РК со странами ССТГ в разрезе основных товарных групп в 2010 г., в млн долл. США

Источник: <http://www.stat.gov.kz>

Инвестиционное сотрудничество Казахстана со странами ССТГ также не рассматривалось в числе основных направлений инвестиционной политики республики. Сегодня на долю стран ССТГ приходится менее 1% ПИИ, поступающих в экономику РК. Вывоз прямых инвестиций из РК в экономику стран ССТГ составляет около 4% общего объема оттока.

Турция является главным инвестиционным партнером Казахстана на пространстве ССТГ, на нее приходится основной объем ПИИ, ввозимых в РК из ССТГ, а также больший объем вывозимых в ССТГ казахстанских прямых инвестиций (рис. 19, 20).

* По данным НБ РК на 30 сентября 2011 г.

Рис. 19. Ввоз прямых инвестиций в РК из стран ССТГ в 2005—2011 гг., в млн долл. США

Источник: <http://www.nationalbank.kz>.

* По данным НБ РК на 30 сентября 2011 г.

Рис. 20. Вывоз прямых инвестиций из РК в страны ССТГ в 2005—2011 гг., в млн долл. США

Источник: <http://www.nationalbank.kz>.

Результатом отсутствия в инвестиционной политике Казахстана тюркского вектора стало снижение доли стран ССТГ в общем потоке прямых инвестиций РК (рис. 21).

* По данным НБ РК на 30 сентября 2011 г.

Рис. 21. Доля ССТГ в валовом потоке прямых инвестиций РК в 2005—2011 гг., в % к итогу

Источник: <http://www.nationalbank.kz>.

Таким образом, в рассматриваемом регионе не наблюдается сложившихся устойчивых тенденций в сфере инвестиций, что обусловлено отсутствием как национальных инвестиционных стратегий в отношении региона, в том числе и у РК, так и единой региональной инвестиционной политики на пространстве ССТГ.

* * *

Процессы тюркской интеграции имеют свою специфику, обусловленную преимущественно культурно-гуманитарными предпосылками сотрудничества и относительно непродолжительным характером экономических отношений в формате общего интеграционного объединения. Культурно-цивилизационный аспект сотрудничества рассматривается нами как основное преимущество и предпосылка укрепления экономических связей в регионе ССТГ, в то же время включение в число приоритетов экономических вопросов стало переломным моментом в развитии тюркской интеграции, повысив международный статус организации и ее перспективы.

Наличие проблем, обусловленных спецификой территориального сотрудничества и неразвитостью экономических контактов, не снижает значимости того факта, что на современном этапе именно странами

ССТГ формируются основные тенденции развития региональной экономики и глобальные перспективы тюркской интеграции в целом. Совокупный экономический потенциал стран ССТГ и динамика основных показателей его развития позволяют говорить о перспективах роста значимости региональной группировки в мировой экономике.

Современное состояние экономического сотрудничества в регионе ССТГ во многом зависит от усилий стран-членов по формированию общих целей развития организации и региона и выработки общей позиции в рамках единой региональной (тюркской) стратегии в отношении внешних акторов, имеющих свои геополитические и геоэкономические интересы в регионе. Отсутствие такой стратегии видится главной проблемой дальнейшего развития ССТГ.

В отличие от остальных участников ССТГ геоэкономическая позиция Казахстана имеет ряд преимуществ, позволяющих предложить в период председательства свое видение перспектив тюркской интеграции. Эта позиция основана на концепции «многовекторности» как основы внешнеэкономической политики РК и концепции «евразийства» как основы интеграционной политики РК. Концепции «многовекторности» и «евразийства» не вступают в противоречие с глобальными интересами основных участников ССТГ и позволяют предложить к обсуждению программу дальнейшего развития ССТГ, основанную на разработке:

- во-первых, стратегии развития межрегиональных отношений ССТГ в формате ССТГ — ЕЭП (ЕврАзЭС), ССТГ — ШОС, ССТГ — ОЭС, ССТГ — ЕС;

- во-вторых, стратегии интеграции регионов Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока при условии совпадения интересов в треугольнике Казахстан — Турция — Азербайджан.

Также Казахстан обладает в отличие от других членов ССТГ совокупными преимуществами: экономическим лидерством в ЦА; этнической и религиозной близостью с тюркоязычными государствами на пространстве СНГ; традиционными многосторонними связями с РФ и другими постсоветскими государствами; территориальным соседством с Китаем; членством в СНГ, ЕЭП, ЕврАзЭС, ШОС, ОЭС. Эти преимущества создают объективные предпосылки для проведения Казахстаном политики сближения позиций членов ССТГ с государствами ЦА и такими внерегиональными «игроками», как Россия, Иран, Китай (формирующих политику Евразии на пространстве СНГ, Восточной и Западной Азии), а также интересов Турции, Ирана и России в ЦА.

Ключевыми характеристиками нового тюркского экономического пространства, которые следует учесть Казахстану в период председательства и в процессе разработки новых программных документов ССТГ, являются:

- ключевая проблема региона — обеспечение стабильного транзита углеводородов;

- ключевая роль Казахстана в обеспечении безопасности в ЦА;

- ключевая роль Азербайджана в обеспечении энергетической безопасности европейских стран;

- ключевая роль Турции в обеспечении безопасности в регионе Ближнего Востока;

- ключевая роль Турции и Казахстана как центров притяжения экономической интеграции в тюркском мире.

Ввиду роста значимости тюркского фактора в обеспечении стабильности и безопасности в Евразии, Казахстану предстоит сформулировать экономическую программу сотрудничества со странами тюркского мира. Отсутствие стратегического подхода к данной проблеме отрицательно сказывается на формировании устойчивых тенденций торгово-экономической и инвестиционной интеграции Казахстана в экономику тюркского мира.

Зарубежные исследователи об обычном праве и судопроизводстве кыргызов (XIX — начало XX в.)

САЛИЕВ А.Л.

Известный российский специалист по истории дореволюционного Туркестана, профессор П.П. Литвинов указывает, что в период царского владычества в регионе британские и иные «путешественники» (читай: разведчики — А.С.) имели возможность «относительно свободно наезжать в Среднюю Азию, пребывать в ней длительное время, передвигаясь по региону в целях детального изучения обстановки, а проще — шпионажа» [1]. При этом он отмечал, что, несмотря на ограниченное знание официальной документальной подоплеку происходящего в царистском Туркестане, они «имели о нем приблизительно верное представление, основывавшееся на зорком «взгляде со стороны» [2]. Это замечание представляется нам немаловажным, как вообще, так и с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы. Действительно, дореволюционная русскоязычная литература о Туркестане* в целом и Средней Азии в частности исходила из привычного, долговременного, давно сложившегося и т.п. представления о правовом быте местного населения. Работы таких знатоков Туркестана, как Н.П. Остроумова, В.П. Наливкина, Л.Ф. Костенко, И.И. Гейера, Н.И. Гродекова и других, были сочинениями глубокого смысла и знания, не утратившими и по сей день своей подлинно на-

* Туркестан, по нашему мнению, как регион включает в себя территории Западного Китая (Восточный Туркестан), севера Афганистана (Южный Туркестан), Средней Азии (Западный Туркестан) и казахские земли Малого и Среднего жузов (Северный Туркестан) — примеч. автора.

учной значимости. Но некоторые любопытные нюансы (особенно из жизни и деятельности коренных народов) туркестанской действительности ускользали из сферы «обыденного» (привычного к повторяемости) внимания русских исследователей Средней Азии либо представлялись расплывчатыми, аморфными, туманными и т.п. Так часто бывает в тех случаях, когда люди привыкают к тому, что они повседневно видят в «текучке» типичного бытия. И в такой ситуации приобретает исключительно важное значение «взгляд со стороны» — свежий и не обремененный стереотипами восприятия. В популярном сериале «Место встречи изменить нельзя» Владимир Шарапов рассказывает о том, что во время войны, в бытность командиром разведроты, он посылал на задания молодых и неопытных бойцов, поскольку у опытных взгляд на ситуацию от продолжительного в ней пребывания «замыливался» и не замечал многих важных для дела мелочей. Мы полагаем, что царские власти, запуская британских и иных «путешественников» (разведчиков — шпионов) в Туркестан, в известной мере руководствовались и соображениями о том, чтобы взглянуть на ситуацию в регионе свежим, не «замыленным» от повседневности, незакрепощенным от стереотипной стандартности и т.д. взглядом — ведь в большинстве случаев зарубежные «путешественники» суммировали свои впечатления о посещении российских территорий в Средней Азии* и публиковали их в виде книг. Классическим примером является двухтомное сочинение американского дипломата Ю. Скайлера, совершившего «путешествие» в этот регион в середине 1870-х гг. [3]. Британский разведчик Дж. Добсон, специализировавшийся на изучении «железнодорожного» вопроса в дореволюционном Туркестане, писал о двухтомнике американца: «По-моему, эта книга никогда не будет превзойдена любимыми другими трудами и, возможно, она более полезна для англичан, чем для русских, для того чтобы проанализировать свою политику в колониях» [4]. П.П. Литвинов разделяет мнение английского «железнодорожника», указывая, что «по сей день трудно найти книгу, равноценную скайлеровской — во всяком случае в зарубежном туркестановедении» [5]. Ю. Скайлер писал о том, что во времена владычества среднеазиатских ханов кочевники Туркестана сохраняли приверженность своему традиционному обычному праву — адату и оказывали активное сопротивление попыткам шариатизации их судопроизводства. Русские власти признали их право на традиционное судопроизводство и офор-

* Бухарское и Хивинское ханства как среднеазиатские владения, естественно, к ним не принадлежали — примеч. автора.

мили его законодательным образом. Скайлер скептически расценивал организацию народных судов — «мехкеме», в том числе и среди кочевого населения, при военном губернаторе Туркестанской области, генерале Романовском в 1866—1867 гг. В первом томе своего сочинения Скайлер писал о том, что «русские могли, по примеру среднеазиатских ханов, использовать практику назначения народных судей для населения Туркестана, но они предпочли принцип их выборности, наподобие избрания волостных и аульных старшин (аксакалов), а также туземных полицейских чинов. Такая выборная система имела плохие результаты в виде взяточничества и коррупции, процветавших во время выборов судей под откровенным давлением властей в пользу их фаворитов. Немало людей исключалось из выборных списков по причине их неблагонадежности. Таким образом, выбор народных судей как кочевого, так и оседлого населения является практически командным» [6]. Во втором томе, возвращаясь к теме народных судов коренного населения Русского Туркестана, Скайлер писал о том, что «было бы лучше и понятнее для туземцев, если бы народные судьи ими просто назначались, что было бы естественным возвращением к старым порядкам, которые существовали в ханские времена и к которым они давно привыкли» [7]. Скайлеру принадлежит любопытное свидетельство о том, что кыргызским судьей — бием был совершенно чужой им в этническом отношении человек. Американец писал: «Русский казак, ежегодно наезжавший на озеро Иссык-Куль для рыбной ловли, приобрел такую солидную репутацию среди тамошних кыргызов, что они упросили его быть у них судьей — бием с уплатой специального от них вознаграждения за такие труды. Решение многих, особенно сложных дел номадов, откладывалось до его ежегодного визита» [8]. Мы не исключаем реального характера данного свидетельства Скайлера, однако полагаем, что в таком случае он выступал не как действительный бий — знаток обычного права (адата) кыргызов и решавший дела на его основе, а как третейский судья-посредник, улаживавший межродовые и межплеменные конфликты в их среде. В Прииссыккулье, видимо, трудно было найти для решения таких дел подлинно беспристрастного человека среди кыргызов. Даже представитель кыргызского трайба, не участвовавшего в судебном процессе в качестве одной из его сторон, мог отдавать личное, определяемое массой суммарных обстоятельств, предпочтение одной из них. Русский человек, никак и ни в каком отношении глубоко не связанный с тяжущимися сторонами, мог выступать в качестве действительно беспристрастного и объективного посредни-

ка в их делах. В связи с этим мы бы не стали считать вышеприведенный случай феноменом в судебной практике кыргызов, не имевшим аналогов в таковой. Напротив, у нас есть все основания полагать, что в последующем такие случаи повторялись все чаще. И в качестве посредников в решении конфликтов между кыргызскими родами и племенами выступали не только русские — чины уездной администрации, но и авторитетные, умудренные жизненным опытом, имевшие давние и тесные связи с кочевниками «старожилы» русских поселений. Так, в 1880-х гг. начальником Наманганского уезда Ферганской области, на территории которого традиционно кочевало множество кыргызов, был П.В. Аверьянов, нередко лично разрешавший споры и конфликты, возникавшие между их родами и племенами, по поводу ареалов кочевания, пастбищ, барымты и др. Известный государственный и общественный деятель Русского Туркестана, большой знаток правовой и иной жизни коренного населения региона В.П. Наливкин писал в 1913 г. о том, что «наряду с большим числом стяжателей и грабителей, из которых большинство остались безнаказанными, среди представителей русской администрации было все-таки несколько таких, которых народ чтит за недюжинный ум и за еще более недюжинную душу. Народ, привыкший видеть в ханских хакимах притеснителей и грабителей, не мог не ценить тех, в ком встречал противоположные качества. Так было, например, в Фергане с П.В. Аверьяновым, простота образа жизни и обращения, доступность, человечность, правдивость и безукоризненная честность которого так резко бросались в глаза населения, что среди последнего одно время ходили даже слухи о том, что он хасыль, то есть достигший одной из первых степеней святости, когда человек приобретает возможность являться во сне другим людям и предупреждать их о грозящей опасности» [9]. Среди кыргызов Алая пользовались авторитетом помощники начальников Маргиланского и Ошского уездов, капитаны Авров и Стогов, выезжавшие на «летовки» с тем, чтобы регулировать отношения между кочующими там кыргызскими родами. Любопытно, что историк кыргызского обычного права (адата) С.К. Кожоналиев писал в 1967 г. о том, что в Прииссыккулье обязанности народного судьи — бия исполнял русский казак [10]. При этом он ссылался на статью Ю.Р. Росселя, опубликованную в 1878 г. в журнале «Вестник Европы» [11]. Однако, как мы видим, за два года до этого о русском бие писал американский «исследователь» Туркестана и, надо полагать, Россель позаимствовал сюжет о нем именно у Ю. Скайлера.

Одним из наиболее глубоких и значимых свидетельств о жизни кыргызов Туркестана в XIX в. вообще и их обычном праве и судопроизводстве в частности является двухтомное сочинение Г. Лэнсделла [12]. То что он был разведчиком, не вызывало никаких сомнений в центре русской военной разведки — Генеральном штабе*. Но Г. Лэнсделл «путешествовал» по, как тогда говорили, Азиатской России под видом представителя международного общества «признания и попечительства о тюрьмах и заключенных». Власти Российской империи, подписавшие соответствующую международную конвенцию, не могли воспрепятствовать ему в исполнении своих «прямых» обязанностей и имели возможность только наблюдать за его передвижением на подвластных им территориях. Лэнсделл начал свою деятельность в 1879 г. с Сибири, а намерение посетить Туркестан вызрело у него в 1882 г., на что он получил разрешение от высших властей в Петербурге, в том числе лично императора Александра III. В том же году он оказался в Семиречье. Следует отметить, что в до-революционной российской и зарубежной историографии термином «киргизы» обозначали всех (кроме туркмен) кочевников Средней Азии и Казахстана. Однако Лэнсделл называл, как принято говорить, вещи своими именами. В своем сочинении он проводил четкую грань между двумя крупнейшими кочевыми этносами Туркестана — кыргызами и казаками, ссылаясь при этом на труды В. Радлова и других этнографов того времени. Он писал о том, что «кара (черные) или дикокаменные (горные — А.С.) кыргызы, называемые также китайцами или калмаками “бурутами”, населяют Семиречье, Фергану и Кашгарию, все долины Тянь-Шаня, Алая, Памира и так вплоть до Тибета и Индостана» [13]. Он весьма подробно описывал быт и нравы кыргызов, однако нас в данном случае, понятно, больше интересует то, как он отзывался об их обычном праве (адате) и судопроизводстве. Лэнсделл считал кыргызский адат оформленным и цельным, пользующимся уважением своего народа. Он уделил особенное внимание обычному, семейно-брачному праву кыргызов, брачному договору и церемониалу, размеру калыма, условиям его уплаты или возврата в тех или иных случаях. В отличие от других исследователей, как российских, так и зарубежных, «попечитель о тюрьмах» не был склонен преувеличивать значение института левирата в обычном праве кыргызов. Он указывал, что «кыргызские вдовы должны поддерживать

* В отличие от современности, в царские времена функции сегодняшнего Генерального штаба исполнял Главный штаб, тогда как департамент (позже — Главное управление) Генерального штаба координировал деятельность разведывательных органов военного министерства — *примеч. автора.*

родство с мужней стороной, но совсем не обязаны выходить замуж за братьев покойных мужей. Они могут вообще не выходить замуж» [14]. Лэнсделл отмечал справедливость обычного права кыргызов по отношению к женщине. «Если кыргызская вдова осталась бездетной, то она имеет право получить часть имущества покойного супруга, — писал он, — однако если же она остается с детьми, то получает все наследство от умершего мужа» [15]. Нам представляется, что при описании обычной и правовой жизни кыргызов Лэнсделла преследовала «идея фикс» — он постоянно сравнивал их с древними (библейскими — А.С.) евреями, называя указанных кочевников Туркестана «правнуками Авраама», «наследниками заветов пророка Моисея» и т.п. Он писал о том, что обычное право кыргызов «показывает, как много привычек древней пастушеской жизни еврейских патриархов сохранилось среди кыргызов» [16]. Что касается обычно-правового судопроизводства последних, то Лэнсделл давал ему характеристику, близкую к марксистской. Он отмечал его классовый характер, связь с богачами, родоплеменной элитой, кривосудие, коррупционность и т.п. Лэнсделл указывал, что русские власти не доверяют судам биев, но сохраняют этот традиционный институт кочевой жизни в интересах сохранения своего влияния на номадов Туркестана. Он подробно описывал то, каким образом и на какой основе производились выборы народных судей — биев у кыргызов на российских территориях Средней Азии. При этом он отмечал, что судьи — бии содержатся за счет самих кыргызских обществ, а не казенных ассигнований на сей счет [17].

В 1893 г. вышло в свет двухтомное сочинение английского «естествоиспытателя», члена палаты лордов Е. Дунмора [18]. Его особенностью было то, что преимущественно оно было посвящено жизнедеятельности кыргызов Памира. Это было неудивительно, так как в то время набирал обороты так называемый «памирский вопрос», который отражал нараставшие русско-английские противоречия на стыке двух империй в Азии — Российской и Британской, однако при этом напрямую (а не косвенно, как полагают некоторые) [19] касались Цинской империи и Афганистана. Лорд-разведчик сумел написать весьма масштабную и красочную картину, сложившуюся вокруг указанного вопроса в реальной жизни припамирских территорий. То что лорд писал о памирских кыргызах конца XIX в., безусловно, стало значительным вкладом в этнографическую науку. Естественно, что британский разведчик-аристократ не обошел вниманием обычное право и судопроизводство кыргызов «Крыши мира». Следует особо

отметить, что Дунмор побывал в их среде непосредственно после того, как в 1891 г. Россия как правопреемница Кокандского ханства восстановила свою законную власть над территорией Восточного Памира, где издавна кочевали кыргызы. Соответственно, все черты жизнедеятельности последних сохранились в наиболее чистом, не испорченном цивилизацией и чужой властью виде. Это представляет интерес в том плане, что кыргызы других территорий Туркестанского края к тому времени, как минимум, три десятилетия испытывали как влияние первой, так и второй. Судостроительство и судопроизводство у них регулировались законодательными актами царской власти. Административная власть (волостные и аульные старшины) была отделена от судебной (биев). Английский лорд, разумеется, знал об этом, в связи с чем он находил весьма специфическим то обстоятельство, что у кыргызов Памира бий — родоначальник, как правило, был одновременно и вершителем правосудия. Конечно, позже, согласно Инструкции начальнику Памирского отряда, утвержденной военным министерством и МИД России, административная власть была отделена от судебной, а «выборное начало» одинаково было применимо к избранию волостных и аульных старшин (аминов) и народных судей (биев). Но в 1892 г., когда Дунмор производил политическую разведку на «Крыше мира», такое разделение еще не состоялось. Лорд писал о том, что обычное право — адат памирских кыргызов действовало как применительно к каждому племени (и родам, в него входящим), так и имело общее выражение, обеспечивающее взаимосвязи различных этнических групп среди них [20]. Дунмор отмечал, что памирские кыргызы «свято чтут предписания своего обычного права, в связи с чем между ними практически не бывает конфликтов, стычек, драк и т.п., все проблемы разрешаются мирным образом на основе того же адата, а не шариата, который они и не знают, и не признают». Он отмечал похвально и личное поведение кыргызов «Крыши мира». «Они — мирные и добросердечные люди, писал он, — а не налетчики и грабители, какими их некоторые изображают» [21]. Дунмор писал о том, что миссия Форсайта предоставила англо-индийским властям такие сведения о памирских кыргызах, что, когда он зачитал их родоначальникам и аксакалам последних, то «все они заявили, что никогда ранее, за всю свою жизнь, не слышали ничего подобного о таких неправдоподобных и оскорбительных вещах» [22]. Особое внимание лорд уделил семейно-брачному обычному праву кыргызов Памира, отмечая уважительное отношение к женщине и достаточно либеральное — к детям. При этом Дунмор указывал на значительный (по мер-

кам Памира) размер калыма [23]. Считаем не лишним отметить, что английский лорд получил личное разрешение императора Александра III на свободный проезд по российским территориям в Средней Азии, без каких-либо особых на то документов. Но, на наш взгляд, сочинение лорда Дунмора было не во всем правдивым и содержало немало политизированных пассажей. Например, он вполне серьезно утверждал о том, что «все памирские кочевники искренне мечтают о том, чтобы стать британскими подданными и готовы ради этого эмигрировать в Хунзу» [24]. Однако, на наш взгляд, в это мало верил как сам лорд, так и его покровители из англо-индийского правительства в Симле и Форин-оффиса в Лондоне. Памирские кыргызы, натерпевшиеся от набегов китайских отрядов из Кашгарии, относились весьма доброжелательно к новой для себя русской власти, в том числе и в судебной сфере. П.П. Литвинов писал без малого четверть века назад о том, что «рост доверия памирских киргизов к российской администрации во многом обуславливался также спецификой судопроизводства на Памире. Царское правительство сохранило здесь “народный” суд, руководствовавшийся в своей деятельности адатом. Само собой разумеется, на должности “народных” судей избирались, как правило, представители эксплуататорской верхушки. Но, в отличие от других районов Туркестанского края, где русская администрация, согласно “Положению” 1886 г., утратила право контроля над действиями биев и казиев, на Памире она таким правом располагала. “Инструкция начальнику Памирского отряда”, разработанная в высших правительственных сферах и служившая ему в качестве руководства к действию, указывала, что “взыскания за проступки и преступления, постановленные народными судьями, налагаются лишь при утверждении их Начальником Памирского отряда, которому предоставляется право отменять и видоизменять взыскания, соображаясь с обычаями населения, справедливостью и интересами русской власти”. Таким образом, начальник отряда был высшей судебной администрацией в крае» [25]. В связи с этим, считаем нелишним сослаться на мнение зарубежных исследователей Ф. Скрайна и Е. Росса, которые писали в 1899 г. о том, что есть немало черт сходства между английским колониальным режимом в Индии и российским — в Туркестане, однако они усматривали между ними и существенные различия. По их мнению, главное из них заключалось «в отношениях между судебными и административными учреждениями. В Британской Индии суды полностью

* Хунзой в то время называли небольшое владение Канджунт — *примеч. автора.*

отделены от административной власти и действовали независимо от нее, тогда как в Русском Туркестане судебная и административная власть состоят в столь близких и тесных отношениях, которых можно было только ожидать» [26].

Среди тех, кто писал о кочевниках Туркестана, следует отметить английскую «путешественницу» Аннет Микин. Она была хорошо знакома с Востоком, исламом и мусульманскими народами. А. Микин два года прожила в Марокко, потом в Египте, Константинополе и в Палестине. Побывала она в гостях и у казанских татар. Посетила Микин и Западную Сибирь. В 1896 г. она вместе с братом навестила Бухару, а в 1902 г. побывала там во второй раз. Микин писала кратко о том, что кочевники Русского Туркестана, являясь номинальными мусульманами, не используют шариат в своем судопроизводстве, которое полностью основывается на обычном праве — адате. А. Микин особенным образом подчеркивала то обстоятельство, что преданность номадов региона своему традиционному (обычному) праву «обеспечивает у них более высокую нравственную личную и общественную жизнь, нежели у фанатичного сартовского (оседлого — А.С.) населения» [27].

Кроме приведенных в данной статье зарубежных авторов, об обычном праве и судопроизводстве кочевников Туркестана вообще и кыргызов в частности писали и другие «путешественники»-иностранцы [28]. Безусловно, несмотря на присутствовавший в их работах политический подтекст и контекст, они представляли ранее и представляют сейчас значительный интерес для тех исследователей, кто пытается рассматривать проблемы истории кочевых и иных народов указанного региона в более широком, целостном и объемном формате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865—1917 (по архивным материалам). — Елец, 1998. — С. 29.
2. Там же.
3. Schuyler, Eugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. — In 2 Vols. — London, 1876.
4. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане... С. 284.
5. Там же.
6. Schuyler, Eugene. Op. cit. Vol. 1. — P. 169.
7. Ibid. Vol. 2. — P. 237.
8. Ibid. Vol. 1. — P. 166.
9. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. — М., 2004. — С. 71.
10. Кожоналиев С.К. Суд и уголовное право киргизов до Октябрьской революции (1850—1917 гг.). — Алма-Ата, 1967. — С. 6—7.

11. Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. — Т. XIII, кн. 6. — 1878, июнь. — С. 585—612.
12. Lansdell, Henry D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In 2 Vols. — London, 1885.
13. Ibid. Vol. 1. — P. 303.
14. Ibid. P. 329.
15. Ibid. P. 330.
16. Ibid. Pp. 331—332.
17. Ibid. Pp. 347—348.
18. Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 Vols. — London, 1893.
19. Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX — начала XX века: новый взгляд // Российская история. — 2011. — №5. — С. 3—15.
20. Dunmore. Op. cit. Vol. 2. Pp. 113—115.
21. Ibid. P. 117.
22. Ibid.
23. Ibid. Pp. 118—119.
24. Ibid. Pp. 121—122.
25. Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX — начала XX в. — Фрунзе: Наука, 1989. — С. 75—76.
26. Skrine, F.G. and Ross, E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. — London, 1899. — P. 414.
27. Meakin, A. In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people. — London, 1903. — P. 231.
28. Bonvalot, Gabriel. Through the Heart of Asia over the Pamirs to India. In 2 Vols. — London, 1889; Cobbold, Ralph P. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. — London, 1900; Curzon, George N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. — London, 1889 и др.

Рецензия

ЛАУМУЛИН М.Т.

Mapping Central Asia. Indian Perceptions and Strategies / Eds. by M. Laruelle and S. Peyrouse. — Farnham: Ashgate, 2011. — 248 p.

Несомненный интерес представляет коллективная монография французских и индийских ученых «Карта Центральной Азии в восприятии и стратегии Индии». Книга издана под редакцией известных французских востоковедов Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза, которые, в свою очередь, привлекли к работе таких ветеранов индийского центральноазиоведения, как А. Патнаик, К. Варико, С. Чаттарджи, А. Сенгупта, С. Гопала и др.

С композиционной точки зрения книга состоит из трех частей:

Первая часть посвящена общей истории Индии и Центральной Азии как связующему мосту к настоящему. Отношения между двумя цивилизациями и регионами показаны с позиции их исторического соседства, интенсивности контактов и последующей «разорванности» связей. Поэтому любопытно, как в исторической памяти новой постколониальной

индийской элиты в мифологизированном виде отразились исторические связи с Центральной Азией, которые, без сомнения, повлияли на формирование представлений и стратегических подходов уже в современное время. Главный вопрос этой части состоит в следующем: будет ли работать механизм исторических связей двух регионов в XXI в.?

Вторая часть «Контекстуализация индо-центральноазиатских отношений» рассматривает данный период именно как период надежд, разочарований и постепенного перехода к взаимному прагматизму. В данной части признается, что Индия по своему геополитическому весу и влиянию все-таки не дотягивает до остальных четверых игроков в регионе (РФ, США, ЕС и КНР).

Третья часть монографии обращена к геополитическим проблемам, оказывающим влияние

на политику Индии в отношении ЦА — пакистанский фактор, Кашмир, Афганистан и Синьцзян. В этой части подспудно угадывается мысль авторов о том, что «геополитическая неопределенность» вокруг Центральной Азии оставляет Индии шанс встать вровень с другими геополитическими тяжеловесами.

Авторы подчеркивают, что основными причинами появления данного издания были два парадокса:

Первый касается того факта, что проблема отношений между Индией и странами Центральной Азии стала традиционным сюжетом с точки зрения классической геополитики. Но парадокс состоит в том, считают авторы, что по-настоящему данный вопрос фактически не исследовался на политическом, экономическом, стратегическом и культурном уровне взаимодействия. Основным связующим звеном в области безопасности для обеих сторон остается Афганистан («отсутствующая связь», как называют его авторы).

Вторым парадоксом является тот факт, что, несмотря на относительно высокий уровень развитости центральноазиатских исследований в Индии, индийская политологическая школа игнорируется на Западе и практически находится в изоляции. Индийские достижения в этой

сфере признаются в основном под эгидой востоковедения.

По-видимому, стремление познакомить западное академическое сообщество с индийской точкой зрения и было основным побудительным мотивом для М. Ларюэль и С. Пейруза. По их мнению, данную книгу следует рассматривать в двух плоскостях:

Во-первых, в качестве классического академического труда, в котором выражается коллективная точка зрения на стратегию Дели в регионе.

Во-вторых, на уровне отдельных разделов каждый индийский автор сохраняет собственную индивидуальность при рассмотрении контекста отношений Индии и Центральной Азии.

Выводы из данного труда следуют неутешительные для индийской стороны. Исследователи констатируют пропасть между немалым потенциалом для создания индо-центральноазиатского альянса и той слабостью своего присутствия в регионе, который демонстрирует Дели к концу первой декады XXI столетия. Очевидно, что Индия осталась в стороне от той схватки в жестком стиле, которую вели Россия и США на геополитическом уровне и Россия, США и Китай за обладание энергоресурсами. Тем самым Индия могла бы встать в один ряд с державами, использующими для влияния экономи-

ческие рычаги, — Евросоюзом, Южной Кореей и Японией.

В качестве потенциала для наращивания своего влияния в Центральной Азии Индия располагает демократическим багажом, который рано или поздно будет востребован народами региона, а также своими хорошими отношениями с Россией. Индия, как и центральноазиатские республики, заинтересована в преодолении маргинального положения Ирана в регионе и его более тесной интеграции в региональные дела. Но, констатируют авторы, Индия никогда не сможет заменить Китай в экономическом смысле. Среди всех стран региона первоочередной интерес для Индии представляет Казахстан. Стороны могли бы успешно сотрудничать в самых разных областях: космосе (особенно после ухода России из Байконура), атомной энергетике и информационных технологиях. В целом три государства — Индия,

Казахстан и Россия — могли бы составить, по мнению авторов, успешный геоэкономический треугольник.

Если в будущем удастся направить основные потоки энергоресурсов (газ, электроэнергию, в меньшей степени нефть и уран) из Центральной в Южную Азию, то экономическое значение Индии для региона неизмеримо возрастет, и наоборот. Но авторы не исключают, что геополитическая ситуация в регионе может стагнировать; хуже того, события могут развиваться далеко не в пользу Индии. Такой сценарий предусматривает установление экономического протектората Китая в регионе или исламизацию стран Центральной Азии. В целом же звучит финальный вывод, отношения между Индией и Центральной Азией зависят от сторонних факторов, которые не поддаются манипулированию и контролю.

Religion and Security in South and Central Asia / Ed. by K. Warikoo.
— London, New York: Routledge, 2011. — 217 p.

К предыдущему изданию тематически примыкает коллективная монография (под ред. К. Варико, университет Дж. Неру) «Религия и безопасность в Южной и Центральной Азии». Авторский коллектив рассматри-

вает проблему в широком международном контексте: возрождение исламистского объединения «Талибан» в Афганистане, талибанизация Пакистана, политика и практика исламского терроризма в Индии, исламский экстремизм

в Кашмире, исламский экстремизм и террористическая сеть в Бангладеш, дестабилизирующая роль партии «Хизб-ут-Тахрир» в Центральной Азии, роль мусульманских лидеров в Таджикистане, этнорелигиозный сепаратизм в Синьцзяне и др.

Как мы видим, руководитель проекта К. Варико сделал попытку максимально внедрить центральноазиатскую проблематику в расширенную региональную повестку дня, рассматривая оба региона через призму растущей угрозы радикального исламизма. Он исходит из того, что исламисты принципиально не согласны с концепцией демократии и секуляризма. В то же время риторика политического ислама представляет собой ответную реакцию на растущее экономическое неравенство, коррупцию, политическое бессилие внутри мусульманских обществ, а также на моральное банкротство современной западной материалистической культуры и ее системы ценностей. Не остались в стороне от этих процессов и страны Центральной

Азии. Но основной причиной нестабильности с исламистским подтекстом Варико видит в близости региона к Афганистану; по этой же причине данная угроза затрагивает Пакистан и Индию.

Индийский исследователь вполне резонно предполагает, что общая угроза должна сплотить заинтересованные стороны — Индию, Китай, Россию и ее центральноазиатских союзников. В качестве другого инструмента для сопротивления воинствующему исламизму Варико называет суфизм и в более широком смысле — общее культурно-религиозное наследие некогда обширного и связанного между собой региона Северного Индостана, Среднего Востока и Центральной Азии. Фактически к созданию альтернативы в форме умеренного ислама (в форме суфийской традиции) в качестве официальной политики ученый и призывает режимы Центральной Азии. Представляется очевидным, что после недавних событий в регионе над этой идеей стоит призадуматься.

Swanström, N. China and Greater Central Asia: New Frontiers? — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011. — 84 p.

Очередное исследование, увидевшее свет также в рамках про-

граммы Института Центральной Азии и Кавказа при Университете

Дж. Гопкинса, принадлежит перу Никласа Сванстрёма и посвящено новой роли Китая в Центральной Азии. Исследование «Китай и Большая Центральная Азия: новые границы?» продолжает академический дискурс, заданный его старшим коллегой Ф. Старром. Как известно, именно Старр ввел в научный и политический оборот понятие «БЦА». Но Сванстрём идет дальше: для шведского ученого БЦА — это не только собственно Центральная Азия и Афганистан, но и Пакистан, Иран и Монголия (возможно, часть Кавказа с Азербайджаном).

Автор констатирует в качестве аксиомы выросшее влияние Китая в регионе, для которого регион БЦА представляет чрезвычайную важность в силу экономических и геополитических причин. В отличие от многих других исследователей, Сванстрём придерживается точки зрения, что Китаю удалось добиться успеха в сфере применения так называемой мягкой силы (по-видимому, это наблюдение относится не к постсоветским республикам, а к нашим южным соседям). Основной смысл всей китайской политики и стратегии в регионе заключался в том, чтобы использовать страны, ресурсы и рынки региона в свою пользу, но так, чтобы у России и государств ЦА не сложилось впечатление,

что Китай представляет для них угрозу.

Сванстрём пытается выявить основные моменты китайской стратегии в регионе БЦА. Скорее всего, Китай исходит из того, что через некоторое время (речь идет об одном-двух поколениях) геополитическая ориентация государств, входящих в БЦА, может кардинально поменяться. И не стоит говорить, в какую сторону. Растущее китайское влияние уже вступает в противоречие с интересами США, России и ЕС, но вопрос — приведет ли это к кооперации или конфликту — пока остается открытым. Создание тесных экономических связей во внутренней Евразии является неотъемлемой частью подъема и усиления могущества Китая. Китайская экспансия в БЦА должна учитываться при долгосрочном стратегическом планировании всеми заинтересованными государствами, поскольку это неизбежно отразится как на них самих, так и на балансе сил на Евразийском континенте.

Автор рассматривает также проблему с точки зрения европейских интересов. Он высказывает мысль, что ЕС и КНР могут и должны форсировать трансевразийские транспортные связи. В том случае, если такой альянс сложится, это может самым благоприятным образом сказаться на экономическом положении госу-

дарств БЦА, не считая того, что от этого выигрывают сами Европа и Китай. Так или иначе, Брюссель и Пекин могли бы координировать (наряду с США) свои стратегии в БЦА. Но вызывает сомнения вывод автора о том, что Китай усвоил от США и использует американские методы распространения своего влияния. Ученый отмечает,

что растущий антиамериканизм и падение кредитоспособности Вашингтона заставляют многие государства региона менять ориентацию на Пекин. На ближайшее будущее центральным вопросом, по мнению Сванстрёма, остается следующий: будет ли Китай включаться в различные многосторонние структуры БЦА?

Starr, S.F. (ed.). *Ferghana Valley. The Heart of Central Asia.* — Armonk, New York, London: M.E. Sharpe, 2011. — XX+442 pp.

В прошлом году известный американский специалист по нашему региону Фредерик Старр (Университет Джонса Гопкинса) собрал интернациональную команду для подготовки проекта «Ферганская долина: сердце Центральной Азии». По мнению ученого, с населением 12 млн человек Фергана представляет собой один из самых населенных районов мира. Уникальность региону придают также такие факторы, как этническая и лингвистическая пестрота населения и политическая раздробленность, так как долина принадлежит сразу трем среднеазиатским государствам. При этом с географической точки зрения их части долины являются периферийными для столиц этих республик.

Данное фундаментальное издание состоит из 14 глав, которые

охватывают историю региона с древнейших времен и до современности, при этом отдельные проблемы выделены в специальные главы, посвященные экономике, экологии, культуре, исламу и международному положению Ферганы. Но концептуальную линию задают введение и заключение, написанные профессором Старром. Ученый считает, что экономический вклад Ферганской долины в экономику каждой республики невероятно высок. Это самый крупный рынок во всей Центральной Азии; хлопководство делает долину вторым производителем «белого золота» в мире. С историко-географической точки зрения, подчеркивает Старр, Фергана остается наследницей древних маршрутов, соединявших Европу с Китаем и Индией. Развитая сеть железных

дорог и газопроводов вполне может вернуть Фергане прежнее международное значение.

Уже только одних этих факторов достаточно, чтобы привлечь к себе внимание мирового сообщества, отмечает исследователь. Однако долина завоевала себе печальную славу одного из центров нестабильности вот уже на протяжении более чем двух десятилетий. Это относится в первую очередь к узбекскому и киргизскому секторам долины. Но Ф. Старр убежден, что слава одного из самых нестабильных регионов получена Ферганой незаслуженно. Для того чтобы понять реальную суть проходящих в регионе процессов, необходимо комплексное изучение на стыке социологии, политологии, истории, лингвистики, экономики и т.д. Старр выделяет два самых сложных сюжета ферганской проблемы: вопрос о правомерности существующих границ и проблему использования водных ресурсов.

Американский ученый считает, что для понимания феномена Ферганы необходимо прояснить девять вопросов. Эти вопросы следующие: 1) какие периоды и какие эпизоды в истории долины продолжают оказывать влияние на ее современность; 2) является ли Фергана центром или же периферийной зоной в отношении других центров;

3) можно ли говорить о гомогенной и единой истории и культуре Ферганской долины или же она мозаична; 4) чего больше в истории и современности долины — изоляции или контактов; 5) каково соотношение влияния религии и светского начала в истории и в сегодняшней жизни долины; 6) какие факторы в большей степени преобладают в социокультурной жизни региона — внутренние или внешние; 7) что происходило в реальности в последние десятилетия в долине — стагнация или ускоренные изменения; 8) каков подлинный механизм управления в регионе — внешний или внутренний; 9) каково соотношение между центробежными и центростремительными силами в регионе; между координацией, интеграцией и дезинтеграцией?

Ответив на эти вопросы, заключает Старр, можно не только понять Ферганскую долину, но и всю Центральную Азию в целом.

К каким выводам приходит американский эксперт со своей интернациональной командой? Они не утешительны. Регион страдает многочисленными социально-экономическими и экологическими проблемами, что и так хорошо известно. Главная проблема состоит в другом — Фергана стремительно утрачивает свою историческую гомоген-

ность и все три сектора долины развиваются в центробежном духе. И это результат скорее не советской эпохи (хотя именно ей регион обязан созданием административных барьеров), а постсоветской, так как только после получения независимости новые независимые государства приступили к активному строительству наций, что не могло не отразиться на культурно-исторической общности местного населения.

Ф. Старр, давно известный своими новаторскими идеями, в качестве панацеи от всех проблем региона предлагает создать нечто вроде коллективного международного органа, для которого он уже подыскал подходящее название — «Координационный совет Ферганской долины». Такой совет мог бы, по замыслу ученого, стать основой для более широкого взаимного сотрудничества всех стран региона.

Summary

Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan: from Theory to Practice

Medeubayeva Zh.M., Associate Professor, Gumilev Eurasian National University, Candidate of Historical Science

Throughout the whole period of its independent development, the Republic of Kazakhstan has been adhering to the principles and norms of international relations. The political establishment of Kazakhstan is making considerable efforts to undo misbalance of the domestic economy towards raw material industry, in other words, it goes beyond the classical geopolitics when the domestic development is determined by the geographical location and natural

resources of a state. The significance of human capital as the main development resource of the nation has been numerously emphasized by President Nazarbayev.

The study of the foreign policy of Kazakhstan shall employ the state, national and individual levels of analysis. Moreover, it shall include all theoretical approaches so that the scholars would broaden and deepen their understanding of the phenomenon in all its complexity.

On New Approaches to Nuclear Security and Nuclear Safety

Aben D.A., Senior Research Fellow, Department of Foreign Policy Studies, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under President of Republic of Kazakhstan

After the Fukushima nuclear accident in March 2011, the international community has engaged in intensive debates on the need for new approaches to nuclear security and nuclear safety in all their aspects. Recognition of the nexus between security and safety has become essential for addressing the threats and challenges related to both natural and man-made disasters. This article provides a number of suggestions on necessary measures that will

enhance safe and secure use of peaceful nuclear energy, including application of the sophisticated nuclear technologies, adoption of the advanced international standards, further improvement of the security, safety and response systems, as well as promotion of the best practices associated with nuclear security-safety culture. The article also describes Kazakhstan's latest initiatives in the field.

Lessons of Social and Political Reforms in China

Burkhanov K.N., Deputy of Majilis of Parliament of Kazakhstan, Doctor of Political Science, Professor

By the 1970s economic, political and ideological lag of the socialist system in the global competition became apparent. The situation in China by the early 1970s when Deng Xiaoping came to power was quite different. His concept of "socialism of particular Chinese character" began a new development of the socialist idea beyond China.

The initial reforms were in the agriculture, small and medium businesses, light and food industries that resulted in huge foreign investments, raising the economic potential to unprecedented level. As the result, China is the second superpower after the USA with one of the strongest economies and armed forces (including nuclear weapons and

considerable delivery potential). More importantly, the Chinese model is increasingly attractive.

The Kazakhstan-China relations are based on a number of bilateral and international agreements. China is the second largest economic partner of Kazakhstan after Russia. Mutually beneficial cooperation will inevitably intensify with forthcoming Kazakhstan's WTO membership. However, the agreements signed by the two states have a clear bias towards development of the mining industry. In political terms, the cooperation of Kazakhstan and China is maintained mainly via the Shanghai Cooperation Organization.

Ethnic Migration in Kazakhstan: Conceptual and Research Field for Contemporary Historiography

Kasimova D.B., Senior Lecturer, Kazakhstan Institute of Management, Economics and Strategic Research (KIMEP), Ph.D. in History

Since 1991 the migration trends in Kazakhstan have acquired ethnic character. Therefore, repatriation of the ethnic Kazakhs to their historical homeland is the major focus of the migration policies conducted by the Kazakhstan government. The article emphasizes the

needed to employ the most advanced theoretical models of identity studies developed by the contemporary western scholars to understand the processes behind the problems of adaptation and assimilation of the Kazakh repatriates.

Life Expectancy and its Decisive Factors

*Akhmedyarova M.V., International Business Academy (IBA),
Doctor of Economics, Professor, Member of Kazakhstan Academy
of Pedagogical Sciences*

The article deals with the socio-economic and environmental factors influencing the life span. It provides an extended analysis of interdependency of the average life expectancy and a number of various factors. The author believes that the life expectancy indicators are comparable, in terms of their significance, to GDP and other indicators. Life expectancy is a relevant, objective and measurable characteristic of the public welfare.

Current Public Debts of Developed Countries: Analysis of Key Quality Indicators

Dodonov V.Y., Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Economics

As the problem of public debt is aggravating in a number of European states, the overall consideration of the issue of sovereign borrowing and debt is particularly relevant in the post-crisis period. The sharp rise in its relative parameters is increasingly alarming, the ratio of gross debt to GDP in particular, which in many countries is beyond 100% or approaching this level. According to the author, the analysis of some other indicators that are related to the amount of debt is needed for a more complete assessment of the situation with the debt burden on the public finances of the developed countries.

Kazakhstan and Economic Prospects for Turkic Integration

Mukhamedzhanova D.Sh., Senior Research Fellow, Department of Economic Research, KazISS under President of RK, Candidate of Economics

The article provides the analysis of the perspectives for integration within the Turkic space and touches upon its specific characteristics, current state and possible future development of economic cooperation of the countries of the Turkic world. The author of the article also considers the role of Kazakhstan in maintenance of a sustainable Turkic space.

Foreign Scholars on Kirghiz Customary Law and Justice (XIX — early XX c.)

*Saliyev A.L., Director, Institute of Strategic Analysis and Prognosis (ISAP), B.N. Yeltsin Kirghiz-Russian Slavic University (KRSU),
Candidate of Political Science*

The article introduces the readers to the writing of the foreign scholars on customary law and justice of the nomads of ancient Turkistan. Regardless certain political agendas the authors might have, the material represented in the article has obvious significance and may be of great interest for those studying the history of the nomadic and other peoples in the region and enables them to have a broader and more profound understanding of the phenomena of their particular academic scope.

Сведения об авторах

Журнал «Казахстан-Спектр» №2, 2012

Абен Д.А. — старший научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК

Ахмедьярова М.В. — доктор экономических наук, академик Академии педагогических наук (АПН) Казахстана, профессор Международной академии бизнеса (МАБ)

Бурханов К.Н. — депутат Мажилиса Парламента РК, доктор политических наук, профессор

Додонов В.Ю. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук

Касымова Д.Б. — старший преподаватель Казахстанского института менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), кандидат исторических наук

Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Медеубаева Ж.М. — кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета (ЕНУ) им. Л.Н. Гумилева

Мухамеджанова Д.Ш. — ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук

Салиев А.Л. — директор Института стратегического анализа и прогноза (ИСАП) при Кыргызско-Российском Славянском университете (КРСУ) им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, кандидат политических наук